

Колдовские
М И Р Ы

ПЕРВАЯ НЕНАВИСТЬ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ...

Алена
Савченко

ХАМЕЛЕОНША

Колдовские миры

Алена Савченкова

Хамелеонша

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савченкова А. Ю.

Хамелеонша / А. Ю. Савченкова — «Эксмо»,
2022 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-171438-3

В одном далеком-предалеком королевстве жила прекрасная девушка, которую злой брат продал на одну ночь ужасному королю. Вам уже ее жаль? Зря. Таких чудовищ, как я, еще поискать. И вообще-то мой брат самый лучший, король не так ужасен, а красивой называл лишь один мужчина – тот, кем одержима с самого детства. Но это моя история, поэтому рассказываться будет в том порядке и теми словами, как захочу я. Только, открывая ее, имейте в виду: в мои времена «счастливы» у судьбы выгрызали, «долго» не жили, а любовь бывала страшнее ненависти.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171438-3

© Савченкова А. Ю., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Вместо пролога	6
1	7
2	11
3	17
4	26
5	30
6	35
7	40
8	43
9	50
10	53
11	57
12	62
13	71
14	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Алена Савченкова

Хамелеонша

© Савченкова А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Вместо пролога

Кровь брызнула из перебитого носа, как сок из раздавленного граната.

– Не смей. Приближаться. К моей. Сестре, – выдыхал Людо между ударами, сидя верхом на пареньке лет двенадцати.

Голова противника безвольно моталась по грязи, пока лицо обзаводилось свежими ссадинами.

– Перестань! Да перестань же, Робэн ничего не сделал! – Я попыталась оттащить брата. – Мы просто играли!

Он не глядя оттолкнул меня и продолжил работать кулаками с редкой для своих десяти лет силой.

– Сюда кто-то идёт, прекрати!

Людо врезал в последний раз и откинулся назад, тяжело дыша. Стёр рукавом брызги с подбородка, мотнул головой, и туман начал отступать из глаз, возвращая им природную черноту.

– Эй вы там! Что творите?!

Человек между домами замер, потянул цеп с плеча...

– Скорее, поднимайся, это его отец!

К нам и впрямь направлялся староста деревни, переходя с шага на бег. И ничего хорошего его лицо не сулило... как пить дать прикончит брата: предупреждал ведь после случая с Варином, что больше не спустит, а Робэн без передних зубов и еле дышит.

– Живо на ноги! – прорычала я, дёрнув Людо за шиворот.

Он вскочил, пошатываясь, схватил меня скользкой от своей и чужой крови ладонью и потащил к выходу из деревни.

– погоди, заберём вещи!

– Не успеем.

– Там два денье и мой гребень!

– Украдём новый. Главное, талисманы с собой.

– А дом? Дом для нас и Артура тоже новый украдём?! Ну, почему ты никогда не можешь сдержаться!

– Заткнись и побежали!

– А ну стойте, зверёныши! – неслоь вслед.

Крепко держась за руки, мы рванули к сельскому тракту.

1

7 лет спустя

Едва ли эти своды знавали пощёчину звонче. Но леди Йоса снесла тяжесть материнской руки с равнодушием, выдававшим привычку. Лишь потёрла скулу и продолжила безучастно смотреть перед собой прекрасными голубыми очами. Наследница богатейшего рода Венцель, вступившая в шестнадцать зим и поздний брачный возраст, уже вовсю цвела той откровенной чувственностью, что заставляла мужчин сворачивать шеи на турнирах в её честь. Честь, которой больше нет.

Мать и дочь не заметили, как я вошла и застыла подле дверей в смиренной позе.

– Лучше б видеть тебя мёртвой, чем принёсшей позор в дом!

– Вы преувеличиваете, матушка.

– Это ты преувеличила, когда раздвинула ноги перед грумом! А о своих братьях и сёстрах ты подумала в тот момент?!

– Думать о них в такой позе я сочла неуместным. И он был помощником грума.

«Был», потому что теперь его кожа украшает ворота. Если леди Йоса и скорбела по соучастнику во грехе, на свежести лица это никак не отразилось. Её красота канонична: локоны ниспадают на спину пышным белокурым каскадом, блио¹ из голубого шёлка подчёркивает рослую стройную фигуру, стопы и кисти рук аккуратны, а шея тонка и изящна.

И я полная её противоположность: невысокая и угловатая. Мы одних лет, но под моим платьем вместо плавных изгибов и положенных выпуклостей – болезненная худоба. Кожа не белая, а бледная. Волосы, пусть длинные и густые, вопреки модным канонам безнадёжно черны. В нашем роду у всех такие.

Леди Катарина отвесила дочери новую пощёчину. Замахнулась для следующей, но, заметив меня, медленно опустила руку.

– Порой не верится, что ты вышла из моего чрева.

Ресницы леди Йосы дрогнули в мою сторону, выдав тщательно скрываемую досаду из-за унижения при посторонней, но тон остался вызывающе-безразличным.

– Вы не одиноки в своём удивлении.

Они действительно разнились настолько, насколько это вообще возможно. Леди Катарина разменяла третий десяток, но смотрелась почти старухой. Не спасала ни косметика, ни платье из дорогой парчи, шлейф которого струился за ней по полу со змеиным шелестом, разметаая присыпку из ароматных трав. Только лоб отличался неестественной гладкостью, обязанной тугому энну².

– Мне ты дерзить не боишься. А лично отказать королю, объяснив в утешение свой маленький изъян, смелости бы хватило?

– Его утешили бы пажи, – равнодушно отозвалась та. – Говорят, при дворе они все, как на подбор, смазливы.

Её Светлость наградила дочь ненавидящим взглядом и опустилась в кресло-трон с высокой спинкой. Устроив руки на подлокотниках, сделала мне знак приблизиться. Леди Йоса тоже, будто бы нехотя, повернула голову. Любопытство в её лице мешалось с опаской и толикой гадливости.

¹ Средневековое нарядное женское платье из дорогих тканей, зачастую было с узкими рукавами, расширяющимися книзу.

² Средневековый женский головной убор. Наиболее распространённый вариант – в виде усечённого конуса.

Стоило подойти, острые золочёные ногти бесцеремонно впились в мой подбородок, повертели лицо. Живот скрутило в узел, но я изо всех сил терпела, чтобы не оттолкнуть руку леди Катарина.

– В тебе нет ничего особенного, – почти разочарованно протянула она, снова откидываясь на спинку. – Если твой брат солгал...

– Людо сказал правду, госпожа, – тихо ответила я. – Мы из рода Морхольт.

Блёкло-голубые глаза прищурились.

– Никого ведь не осталось. Замок давно в руинах, гниёт тухлой рыбой, как и его хозяин со всем выводком.

Потянув за шнурок на шее, я вытащила наружу талисман-покровитель. Существо на нём походило чем-то на ящерицу.

– Мы из побочной ветви, никогда там не жили. Отец был непризнанным бастардом от вилланки, единокровным младшим братом лорда Морхольта. С нами не желали знаться, держа в достатке, но тайне. На тот пир нас не позвали...

Поморщившись на «вилланку», леди Катарина выпростала руку и ковырнула потемневшее серебро, этим вечером впервые за много лет коснувшееся моей кожи.

– Бедные родственники, значит?

– Да, госпожа. – Я спрятала талисман обратно и безотчётно прижала ладонью.

– Но всё же проклятая кровь... – задумчиво протянула она. – Родовой дар чуть теплится?

– Дома говорили, что во мне он на удивление силён.

– Дивиться стоит, что он вообще проявился в полукровной ветви. – Заострённые ногти побарабанили по подлокотнику. – И как же вы с братом очутились так далеко от семьи?

– Семьи больше нет, госпожа, остались только мы с Людо. Тому уже год, как Жнец забрал родителей в Скорбные Чертоги, и наследством нам лишь долги...

– И кто же теперь о тебе заботится?

– Брат, госпожа.

– Заботится, торгуя тобой?

Я покраснела и опустила глаза.

– Ну-ну, не смущайся, девочка. – Она с притворной добротой коснулась моей щеки. – Твой брат верно поступил, что открылся мне. Сама Праматерь привела его в ту таверну, как раз когда этот безродный щенок вздумал распускать свой грязный язык...

Ныне вывешенный по соседству с кожей...

– ...А твоя покорность достойна похвал. – Леди Йоса фыркнула, но её мать пропустила это мимо ушей: – Если все так, как говоришь, волноваться не о чем. Одна маленькая услуга, и вы с братом распрощаетесь с нуждой до конца жизни. – Небрежный жест в сторону моей потрёпанной котты. – Но если лёжешь... – Пальцы на щеке сжались, втопив ногти в кожу.

– Это правда, госпожа.

– Покажи! – жадно потребовала она.

Я отступила, с облегчением высвобождаясь.

– Мне нужно немного вина или воды.

Леди Катарина молча указала на графин с эгретом. Плеснув в кубок пряного напитка, я отцепила от рукава заранее заготовленную булавку и приблизилась к леди Йосе. Её Светлость состроила гримаску и отодвинулась.

– Что вам угодно?

– Капля вашей крови, миледи.

– Без этого нельзя?

– Живее, – холодно вмешалась её мать. – Пусть лучше это сделает леди Лорелея, чем я.

Вообще-то сгодились бы любая частичка – ногти, волосы, но ими я брезговала. Напиток тоже необязателен, но с ним проще и не так противно. Вместо того чтобы протянуть руку,

девушка раздражённо выхватила у меня булавку, помедлила и, закусив губу, кольнула палец. На коже быстро выросла серая бусина. Леди Йоса перевернула ладонь, и капля со шлепком приземлилась в кубок под нашими взглядами. Я осушила его залпом и потянулась вернуть на место, но не успела...

Судорога накатила, как всегда, внезапно, выгнув спину и выбив дыхание. Голова запрокинулась, потолок завертелся водоворотом балок, кубок выскользнул из сведённых пальцев и где-то далеко катился по плитам с неестественным грохотом. Мир, а вместе с ним и два потрясённых женских лица, начал осыпаться цветным песком, утопая в жгучей боли. Лава перерождения неслась по телу, опаливая жилы, разрывая мышцы, выламывая кости, переплавляя меня в более совершенную форму. Ноги подкосились, и я со стоном рухнула на четвереньки. В упавшей на лицо завесе смоляных волос потянулись светлые дорожки, множась, пока голова не выплела целиком.

В процессе «туда» волосы всегда обращаются в последнюю очередь, значит, ещё чуть-чуть потерпеть. Сжимая зубы, царапая пол...

Наконец я обессиленно повалилась на бок, мелко дрожа и обнимая себя за плечи, чувствуя сползающую по подбородку нитку слюны.

Вот отступало это всегда волнами... И всё равно теперь переносить много легче, чем ещё несколько лет назад, когда я теряла сознание во время и после, уже от отдачи.

Никто не шевельнулся, чтобы помочь. Совершенно разные мать и дочь рассматривали меня с абсолютно одинаковым выражением омерзения и восторга. Поднялась я сама, покачиваясь на подламывающихся ногах. Зала перестала кружиться, но тошнота не торопилась отступать.

Я вытянула перед собой руки, поиграв тонкими белыми пальчиками с ухоженными ногтями, оправила котту, ощутимо приподнявшуюся над лодыжками и ставшую тесной в груди, и откинула назад копну белокурых волос.

– Праматерь Покровителей, да вы совсем, как я! – воскликнула леди Йоса, хлопнув в ладоши, и звонко рассмеялась.

* * *

Пока я смотрелась в полированное серебро подноса, леди Йоса и её мать изучали меня. Девушка, не церемонясь, ощупывала мои брови, волосы, тыкала в щёки. Мы не были похожи на сестёр. Мы были неотличимы. Мне передалась даже тонкая свежая царапина повыше ключицы. Полные груди, высокий чистый голос, нежные, без единой мозоли пальцы... Но чувствовала я себя в чужом теле, даже столь совершенном, как обычно, премерзко.

Леди Катарина обошла меня кругом, окидывая придирчивым взглядом, и осталась довольна.

– Сколько держится личина?

– На вечер достанет, госпожа, дольше не проверяла.

– Дольше и не понадобится. Обменяетесь прямо перед праздничным пиром, а сразу после консумации отлучишься из опочивальни под каким-нибудь предлогом, и леди Йоса тебя заменит. А теперь ещё раз посмотри мне в глаза и ответь, – она остановилась напротив, буравя меня своими рыбьими глазами, – тебя касался мужчина? Только не смей лгать, там всё равно проверят. Доводилось слышать про «каменный суд»?

– Да, госпожа. Его проходила моя мать.

Она явно удивилась: ещё бы, каким-то полукровкам камни со Священной горы.

– Что ж, значит, понимаешь, что никакие трюки не пройдут, иначе тебя бы здесь не было.

– Понимаю, госпожа. И я целомудренна.

Складка меж её бровей разгладилась, но тут же вновь пролегла:

– Ты ведь будешь в её теле, а значит...

– Это не тело вашей дочери, лишь его видимость. Суть осталась моя, я пройду проверку, госпожа.

То был правильный ответ. С учётом всего, что мы с Людо теперь знали, при другом нас бы не выпустили отсюда живыми.

– Значит, решено. Отправляйтесь в дорогу завтра. Поедешь в качестве фрейлины и личной камеристки леди Йосы. Скажи... у твоего брата такой же дар?

– Нет, госпожа, это передаётся только по женской линии.

Вспыхнувший было в её глазах огонёк сменился холодной деловитостью.

– Значит, поедешь одна.

– А Людо?

– Дождётся твоего возвращения. Ему там нечего делать.

– Прошу, разрешите ему тоже ехать! – Голос дрогнул. – Мы с братом никогда не разлучались...

Зала колыхнулась от сдерживаемых слёз. Я шмыгнула и опустила голову, по-простолоудински промакивая глаза ладонью.

– Ну же, матушка, такое ценное приобретение, – усмехнулась леди Йоса. – Вы же не хотите, чтобы тоска по брату помешала леди Лорелее радовать моего супруга на брачном ложе?

– Придержи язык, девчонка! Впрочем... – леди Катарина машинально погладила свой талисман-покровитель в виде ласки, – так даже лучше. Что твой брат умеет?

– Чистить оружие, ходить за лошадьми, помогать с надеванием доспеха. Он может что угодно!

– А драться?

– Немного, госпожа.

– Позови его.

Залу, от которой слугам велели держаться подальше, я покинула уже в своём обличье. Голову вело, как после бессонной ночи, ноги заплетались, и приходилось то и дело приваливаться ладонью к стене, чтоб отдышаться. Отдача переносилась бы много легче, не бренчи в желудке пустота. В коридоре недавно пронесли что-то жареное, и повисший в воздухе шлейф сводил с ума. Но последние деньги ушли на средство от вшей.

Людо дождался меня под присмотром двух рыцарей из личной охраны. Светлобородый развлекался, разбивая носком сапога угли в камине, а второй, тот, что забрал у нас при входе кинжал, трепал борзую. На обоих были хауберки³ с холщовыми табарами⁴ поверх, сбоку висели поясные мечи. Людо в своей поддоспешной стёганке смотрелся на их фоне совсем тонким и лёгким. Первым услышав мои шаги, он вскинул голову и зачесал назад пятернёй отросшие чёрные кудри. Стражники тоже отвлеклись от своих занятий. Я взяла брата за руки и громко, с радостной улыбкой сообщила:

– Леди Катарина желает тебя видеть!

Он быстро обнял меня, шепнув на ухо:

– Старуха поверила?

– Да, – так же едва слышно ответила я и повела его в зал.

Позади забряцали тяжёлые шаги рыцарей.

³ Кольчуга с длинными рукавами и подолом, достигавшим колен.

⁴ Короткий плащ, который рыцари носили поверх защитного снаряжения.

2

Её Светлость встретила нас в своём кресле-троне. Леди Йоса теперь стояла одесную⁵, очищая для неё ножом яблоко и кидая кожуру на поднос.

Глаза хозяйки замка оценивающе скользнули по Людо. Когда он был в нескольких шагах от кресла, она сделала ему знак остановиться. Брат послушно замер и чуть поклонился:

– Моя госпожа.

Леди Йоса тоже внимательно изучала его, не переставая ловко снимать красную стружку. Её мать беспрерывно поглаживала круговыми движениями свой талисман.

– Сестра сказала, что ты умеешь обращаться с оружием.

– Да, но ваши люди забрали мой кинжал при входе.

– Покажи, чего стоишь без него. Марлант, Эйк, – кивнула она рыцарям, – проверьте-ка его.

Те шагнули вперёд, вытаскивая мечи, и ухмыльнулись, когда безоружный Людо попятился. Я до боли прикусила изнутри щеку, а брат пятился и пятился, пока не упёрся в стену, а там светлородый сделал замах и... Людо уклонился, нырок, пережат креслу, и в следующий миг мелькнувший у него в руках поднос обрушился резным краем на шею Марланта, вырвав вместе с хриплым воплем фонтанчик крови. Он выплеснулся на светлую бороду и парой брызг – на леди Катарину, а Людо уже пнул подросшего Эйка в грудь и с разворота всадил ему в разрез кольчуги на бедре фруктовый нож леди Йосы. Рыцарь рухнул, как подкошенный, с воем катаясь по полу и пытаясь выдернуть лезвие, пока Марлант, зажимая шею, полз к выпавшему мечу.

Людо с хрустом впечатал башмак в вытянутые пальцы и, наклонившись, подхватил клинок. Описал восьмёрку, восхищённо оглядел от рукояти до острия, и я почти ощутила пронзивший его разряд удовольствия. Глаза вспыхнули, тело шевельнулось, подстраиваясь, и меч заплесал в воздухе, сливаясь с рукой в единое целое... только не это.

– Людо, мне страшно! – жалобно позвала я.

Но он уже не слышал. Не прерывая отточенных, как в танце, движений, загнал пяткой полувыдернутый Эйком нож обратно в бедро и подцепил с пола второй меч, прекрасно лёгший в левую руку. Ещё несколько взмахов, и оба клинка, со свистом рассекая воздух, сошлись на шее рыцаря «ножницами», чтобы...

– Хватит! – раскатилось по залу.

Этот холодный властный голос остановил лезвия в полудюйме от покрытой испариной кожи. Мгновение-другое Людо боролся с собой и наконец опустил руки, разжав пальцы. Мечи со звоном скользнули на пол, а сам он сделал шаг в сторону бледной леди Катарины и припал на одно колено.

– Я лишь исполнял желание Вашей Светлости.

Похоже, она и сама не верила, что он послушается. В широко распахнутых глазах отражалась расплывающаяся перед креслом лужа, в которой, хрипя, ползал Марлант. Леди Катарина поспешно отёрнула дорогие парчовые туфли. В отдалении точно так же стонал Эйк, а в воздухе витал тяжёлый запах пота и крови.

Опомнившись, Её Светлость потянулась к колокольчику, но Людо, одним прыжком оказавшись рядом, перехватил пальцы.

– Я лишь исполнял желание Вашей Светлости, – повторил он.

– Руку! – прошипела она, но голос чуть заметно дрожал. Наверное, поэтому, когда брат отступил, приказала ещё более резко: – Помогите им.

⁵ Устаревшее слово, обозначающее «по правую руку».

Людо послушно приблизился к Эйку, не слишком церемонясь, выдернул клинок, закинул его руку себе на шею и поднял. Вскоре лишь лужа на полу напоминала о недавней схватке, а фруктовый нож был обтёрт и возвращён с почтительным поклоном леди Йосе. Девушка взяла его, не отрывая от брата горящих глаз, в которых, в отличие от матери, не сквозило страха или беспокойства – только голодное восхищение.

Хозяйка замка уже успела принять прежнее уверенное выражение. Помогали ей в том подлокотники и талисман. Пальцы привычно пробежались по окружности.

– Значит так: эту ночь проведёте здесь, а завтра отправитесь в путь. Сестра в качестве фрейлины, ты – оруженосцем.

Людо едва заметно поиграл желваками. Ему уже семнадцать. Будь отец жив, брат бы давно получил рыцарское звание. А вместо этого вынужден довольствоваться поддоспешной одеждой и дешёвым кинжалом, который рассыплется под первым же ударом хорошо прокалённой стали.

Злость он скрыл за почтительным поклоном:

– Вы сама доброта, госпожа.

– Королевский замок покинете через неделю-две, со свитой леди Йосы, – продолжила Её Светлость наставления. – Получите остаток платы и можете отправляться, куда пожелаете. Но! – Она позволила тишине веско повисеть. – Никто и никогда – ни до, ни после – не должен узнать о нашей сделке.

– Никто и никогда не узнает, госпожа, в этом мы с сестрой клянёмся.

Поверила леди Катарина подозрительно легко.

– Знаю, что так оно и будет, – ласково улыбнулась она и наконец позвонила в колокольчик.

* * *

Вызванные служанки повели нас с братом тёмными переходами. Одна из девушек загремела ключами у крайней угловой двери.

– Сюда, миледи.

Я не шелохнулась, глядя, как вторая увлекает Людо дальше.

– Куда ведут моего брата?

– На мужскую половину, миледи. – Девушка толкнула створку, приглашая войти, но я продолжала растерянно смотреть ему вслед.

Спокойную уверенность, не покидавшую меня на протяжении всего тщательно отрепетированного представления, в котором от меня требовалось изображать перед старой ведьмой робость, давить румянец, при необходимости слёзы, и шептать ответы покорным тоном, вытеснил безотчётный страх из-за разлуки с Людо в этом чужом доме. А вдруг они обо всём догадались и теперь специально разделяют нас?

В конце коридора брат обернулся и чуть кивнул мне.

– Пожалуйста, миледи, мне нельзя задерживаться, – настаивала девушка.

В худом большеносом лице не было почтительности, проявлявшейся при хозяевах, только нетерпение и затаённое любопытство. Наш с Людо вид наверняка подсказывал, что с такими гостями можно не церемониться. Слуги, как собаки, чуют разницу между господами и понимают, что знатное происхождение ещё не гарантирует богатства. Даже «миледи», произносимое нехотя, сквозь зубы, превращалось в «м'леди».

Я пригнула голову и переступила порог. Внутри меня никто не поджидал. Только стылая комната с циновкой на полу и белёными голыми стенами, не прикрытыми гобеленами. Здесь оказалось ещё холоднее, чем в коридоре, из щелей нещадно дуло. По одну сторону от узкой кровати помещался напольный канделябр с сальной свечой, а по другую – горизонтальный

стержень, укреплённый на двух других, вертикальных, – чтобы вешать одежду. В стенной нише стояли две фигурки – Праматери и Покровителя рода Венцель.

Крохотная комнатуха четыре на шесть шагов вдруг показалась мне огромной и пустынной. Впервые в жизни мне предстояло ночевать одной. В детстве я делила покои с кузиной, няней и кормилицей, а после рядом всегда был Людо. Как заснуть, если он не будет дышать мне в волосы? Не говоря уже о том, что ему нельзя спать в общей комнате... Надеюсь, у него тоже отдельная. Хотя бы такой же чулан.

Дверь громко захлопнулась, и я невольно отшатнулась от подошедшей вплотную служанки.

– Я помогу вам раздеться, миледи.

– Не нужно, – уклонилась я. – Справлюсь сама.

Тупое удивление на её лице сменилось презрением. Леди не должны одеваться и раздеваться сами, но за последние годы я отвыкла от слуг и чужих прикосновений.

– Как пожелаете, м'леди. Леди Катарина сказала, что вы будете ужинать здесь. – Она указала на поднос с холодным мясом, фруктами и лепёшками, сразу приковавшими моё внимание. Отдельно – сезонное вино. – А вот тут, – выдвинула она верхний ящик комода, – полотенце.

Я молча кивнула, мечтая, чтобы она поскорее убралась. Наконец она так и сделала.

При служанке я сдерживалась, но стоило двери закрыться, кинулась к снеди и принялась судорожно заталкивать в себя лепёшки. Глотала, почти не прожёвывая, и уже хватая следующую. Потянувшись за очередной, случайно опрокинула поднос со всем содержимым на пол. Тут же бросилась на колени, шаря дрожащими пальцами, подбирая безвкусные, не первой свежести кругляши, и ела-ела-ела, лишь бы заглушить эту сосущую резь в животе, от которой мутит уже третий день. Потом торопливо давилась мясом и фруктами, набивая полный рот, размазывая сок по щекам, чувствуя, что уже хватит, давно хватит, но была не в силах остановиться – пока желудок не скрутило от боли. Выплюнув остатки сливы, еле успела подтащить таз для умывания, куда меня и вывернуло.

Когда стих последний спазм, попыталась встать, но комната поехала перед глазами, завалив обратно, и я скрючилась, обхватив живот. Отдача от превращения, нервное истощение – мне лишь казалось, что я спокойна, тогда как всё это время была натянутой тетивой, – и голод вконец измотали. Прикрыв глаза, я постаралась дышать глубже. Дурнота постепенно отступала, сменяясь слабостью и ознобом. Исподнее противно липло к телу, но сил не доставало даже пальцем шевельнуть, не то что подняться с продуваемого пола.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем в коридоре послышались осторожные шаги. Скрипнула дверь, и в комнату заглянул Людо. Замер, застав кровать пустой, но тут же увидел меня на полу. Стремительно пересёк комнатуху, подхватил на руки и отнёс на постель.

– Совсем худо? – спросил он, убирая с моего лба прилипшие пряди.

– Терпимо, – прошептала я, стыдясь своей слабости.

Я привыкла: меня часто тошнит – от голода, страха, отдачи.

Он оглядел меня, потрогал шею.

– Ты вся мокрая. Сейчас, погоди.

Не обращая внимания на вялые протесты, расшнуровал рукава моей котты⁶ и стянул её с меня, оставив в одной только камизе⁷. Смешал вино с водой для умывания, смочил полотенце и, усевшись в изголовье, подтянул меня к себе за подмышки. Устроив затылком на груди, принялся протирать лицо, шею, руки.

⁶ Европейская средневековая туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами и небольшим вырезом горловины. Котту надевали на камизу. Поверх можно было носить сюрко.

⁷ Мужская и женская средневековая нижняя одежда, подобие туники с длинными рукавами. Камизу можно рассматривать как бельё и прототип рубашки; её изготавливали из полотна.

Влажная прохлада приятно успокаивала, и вскоре мне полегчало. Дыхание выровнялось, озноб отпустил, лишь слабость и боль в животе никуда не делись, хотя последняя из режущей превратилась в тупую, ноющую.

Закончив, Людо отбросил тряпку, заставил меня прополоскать рот остатками вина и принялся ворошить и перебирать пряди, массируя кожу головы, и тепло мало-помалу стало возвращаться в тело, растворяя отголоски мути. Спустя недолгое время сил уже достало на то, чтобы шевельнуться и произнести:

– Обязательно было выделяться? Там, в зале.

– А должен был подставить им шею? – разозлился он в ответ.

Прокушенная от страха за него щека снова засадила, а пальцы судорожно вцепились в его котту. Людо успокаивающе приобнял меня, клюнул в висок, сказав уже мягче:

– Ну, чего трясёшься? Ты же их видела: чисто мухи в патоке. А я каждый день тренируюсь.

– Не безоружным против меча, – возразила я, приподнимаясь, чтобы взглянуть на него. – С ним ты давно не упражнялся.

Но брат уже не слушал, отрешённо рассматривая свою руку.

– Знаешь, когда я его держал... – пальцы сомкнулись вокруг невидимой рукояти, заново переживая те мгновения, и его лицо просветлело.

– Знаю, Людо, – тихо ответила я, и он, придя в себя, сердито опустил кулак. Тогда огрызнулась уже обычным тоном, укладываясь обратно: – И я не трясусь. Никогда. И не собираюсь начинать сейчас.

– Я, что ль, собираюсь помереть в шаге от цели?

Цель... одно это слово пустило по хребту липкий трепет. Но то был страх уже не за него и даже не за себя, а совсем иного рода – страх подвести, не справиться, *не оправдать*. И он выворачивал нутро, как не способен ни один голод. Людо, как всегда, прочёл мысли.

– Всё получится, – уверенно произнёс он, продолжив перебирать мои пряди. – Ещё вчера мы ночевали на вонючей подстилке, а через неделю будем в королевском замке. Просто помни, кто ты такая, Лора.

– Кто *мы* такие, – поправила я.

– Мы, – согласился он, не замечая, что рука уже не гладит, а болезненно дёргает. В глазах нарастал знакомый горячечный блеск. – Когда силы закончились, ищи их в ненависти и никогда ни на единый миг не забывай, что они сотворили.

Я помню. Вот уже семь долгих лет я не ощущаю ничего, кроме ненависти. Я просыпаюсь с её горьким привкусом на губах и с ней же засыпаю. Она проросла в душу, пустив ядовитые побеги и изгнав все прочие чувства, как плющ-душитель оплетает ствол дерева, пока не доберётся до вершины, оставив по себе лишь гниющую сердцевину. Порой кажется, что и волосы у меня так черны от тлеющей внутри злобы, и росту не прибавляется, потому что чувство это пьёт все соки.

Вместо ответа я вытянула руки, изучая обкусанные, с тёмной каймой, ногти и воспалённые заусенцы.

– У леди Йосы такая гладкая белая кожа... – Я невольно погладила кисть, вспомнив, каково это, ощущать на себе её бархатистую нежность.

– Не сравнивай себя с ней, – вскинулся Людо. – Я еле сдерживался, когда эта потаскуха смотрела на тебя так, свысока!

– Не хочу её кожу, – заявила я, помолчав. – Ей, небось, больно дотрагиваться такими мягонькими ручками до вещей.

Людо хохотнул, а потом мы опустились на колени возле кровати и прочли ежевечернюю молитву, которую сочинили много лет назад, когда всё случилось:

«Да будут дни их кратки, а достоинство поругано. Да будут дети их сиротами, мужья и жёны вдовыми, а дома разорёнными до основания. Да угаснет их род, и да проникнет в них проклятие до самых костей».

Перечислив имена, улеглись обратно, лицом к лицу. Волосы наши смешались – чёрное к чёрному.

– Людо...

– Да?

– Я хочу повидаться с Артуром.

Он вмиг подобрался и отодвинулся.

– Нет.

– Пожалуйста. Мы не виделись с прошлой луны. Просто чтобы знать, что с ним всё в порядке.

– Со слизняком всё в порядке.

– Но...

– «Нет» я сказал! И не смей больше об этом просить!

Я вздохнула: знала, что так будет, однако попытаться стоило. Людо собрался отвернуться, но я положила руку ему на плечо, и он, поколебавшись, не стал этого делать. В комнате ещё сильнее похолодало. Прижавшись к брату и дождавшись, пока обнимет, я закрыла глаза и мысленно попросила Гостя не приходить сегодня в мой сон. Но он, конечно, не послушался. Наверное, за семь долгих лет он не пропустил ещё ни одной ночи.

И если в отведённой мне комнатухе тело ломило от холода, то теперь рядом пылал огромный, жарко натопленный камин. В руках у меня двузубая вилка, на другом конце которой подрумянивается гренка. Языки пламени с треском облизывают вишнёвые поленья и тоже напрашиваются на угощение.

Я оборачиваюсь на скрип двери и вскакиваю. Дыхание сбивается, а сердце колотится от радости при виде вошедшего. Кажется, ещё никогда я не встречала человека красивее и уж точно не видела рыжие волосы. Они у него с каким-то чудным медовым отливом и выются почти до плеч. Глаза серые... нет – стальные, цвета папиного меча. На плечах – подбитый мехом плащ, а в руках чёрная шкатулка с серебряным псом на крышке. Подошвы дорогих кожаных сапог ступают мягко. Я готова визжать от восторга! Подбегаю, протягивая руки:

– Это они? Вы всё-таки принесли?

Приходится задирать голову: я до обидного мелкая, даже для своих девяти лет.

– Да, – смеётся он, откидывая крышку, – обещал ведь угостить.

– Долго же вы их несли! – ворчу я, жадно разглядывая семь ровных шариков размером с грецкий орех. Марципановые конфеты... Аромат незнакомый, дурманящий. Мне не терпится их попробовать, но внезапно сковывает робость.

– Можно?

– Конечно. – Он достаёт длинными красивыми пальцами конфету и подносит к моим губам. – Открой рот.

Я послушно открываю, неприлично широко для леди, и уже через мгновение сосредоточенно жую угощение.

– Ну ты и жадина, – снова смеётся он.

Но я не слушаю: чем дальше, тем большее разочарование меня охватывает.

– Они похожи на... каштаны.

– Естественно. – Мужчина усаживается возле очага, вытягивает ноги и ставит рядом шкатулку. – Ты же никогда не пробовала марципан, вот и представляешь на его месте что-то знакомое. Попробуй следующую, она будет любой, какой пожелаешь.

Я чувствую себя глубоко обманутой и колеблюсь: может, стоит обидеться и уйти? Но уходить от него не хочется. Поэтому тоже присаживаюсь на шкуру и, уже не стесняясь, хватаю вторую конфету. Загадываю вкус засахаренных апельсинов с корицей и имбирём, которые у нас дома подают по воскресеньям, и получаю его. Особую прелесть лакомству придаёт то, что сегодня точно не воскресенье.

– Вы тоже угощайтесь, – великодушно предлагаю я, но Гость уже не слушает. Поднялся на ноги и внимательно изучает наш камин. Ощупывает барельеф, скользит взглядом по каменному колпаку, сужающемуся к потолку, – наверное, интересуется росписью со сценами из героических сказаний. Я-то уже давно изучила её вдоль и поперёк. Он даже пытается заглянуть внутрь, закрываясь ладонью от искр.

Мне скучно и хочется, чтобы он уже поскорее забыл про камин и обратил внимание на меня, поэтому спрашиваю:

– А у меня могут быть такого же цвета?

Гость удивлённо оборачивается, и я тычу в его шевелюру. Золотые пряди шевелятся от сухого жара, как языки пламени позади.

– Если будешь долго лежать на солнышке, – усмехается он, но глаза остаются холодными.

Наконец садится обратно. Шкатулка уже пуста, поэтому я придвигаюсь ближе и прижимаюсь щекой к его плечу, вдыхая острый запах восковницы⁸ и дыма.

– Можете посидеть со мной до утра?

Гость опускает глаза. Теперь они странно светлые, почти лишённые радужки и зрачков.

– Спи, маленькая Хамелеонша. Я нигде не уйду.

Накатывает вязущая дрёма. Я смеживаю веки, чтобы в следующий миг проснуться в своей стылой комнатухе. Людо уже ушёл, тело затекло от неудобной позы, а за окном занимается промозглый рассвет.

⁸ Дерево, плоды которого круглые, тёмно-красные или бордовые, с шершавой поверхностью и обычно покрыты воском.

3

К приходу вчерашней служанки я была полностью одета и причёсана, за что получила ещё один презрительный взгляд, в ответ на который протянула испачканный таз.

Сообщив, что скоро придёт мастерица, а мне велено не покидать комнату, девица оставила завтрак и удалилась. Наученная вчерашним, я сдерживалась, откусывая кровяную колбасу небольшими кусочками и тщательно прожёвывая. Несколько гренок, которые не смогла доест, спрятала про запас. Вряд ли нам с Людо придётся голодать в ближайшие дни, но всегда лучше иметь что-то под рукой.

Служанка вернулась, ведя за собой высокую дородную женщину с пёстрым ворохом тряпья в одной руке и корзинкой для рукоделия в другой. Незнакомка оказалась портнихой, а одежда – старыми нарядами леди Йосы, которые предстояло перешить под меня.

Мои щёки вспыхнули от гнева и унижения. Показать в королевском замке в обносках потаскухи. Ещё и пахнуть, как потаскуха: от нарядов исходил тяжёлый сладкий аромат. Но выбора не было. Других платьев, кроме того, что на мне, я не имела.

Портниха подоткнула подол, сунула в рот веер булавок и приступила к делу. Привычные к работе руки уверенно крутили меня, обмеряя. За работой женщина тихонько пела на незнакомом наречье. Наверняка захвачена в одном из набегов, но уже давно – успела хорошо выучить язык.

Одежду пришлось сильно укорачивать и ушивать в талии и груди. Игла мелькала в смуглых пальцах серебряной искрой. Весь день я провела в комнате, вдаль от Людо и остальных, наблюдая из окна приготовления и слушая стук кузнечного молота. Свинари во дворе вымешивали кровь, и над бочкой поднимался пар. Когда колокол прозвенел девятый час⁹, во двор въехала повозка, куда начали перетаскивать сундуки леди Йосы. К тому моменту в моём распоряжении было полдюжины нарядов на разные случаи.

Завершив работу, портниха молча собрала швейные принадлежности, попрощалась, глядя в пол, и удалилась. Уложить вещи в сундук помогла служанка. На сей раз я не отказалась от её услуг, хотя бы потому, что никогда сама этого не делала и понятия не имела, с чего начать. Она устроила наряды так, чтобы они поменьше измялись в пути, оставила только дорожное платье. Сундук понесли вниз, а меня вызвали к леди Катарине.

Она ждала во вчерашней зале, одна.

– А где Людо? – повертела головой я.

– Уже во дворе, с остальными. – Она обошла меня кругом, оглядывая подогнанное по фигуре платье, тронула волосы и снова остановилась напротив.

– Напоминаю: ни одна живая душа не должна узнать о нашей сделке. Отныне для всех ты леди Лорелея Грасье. Обладаешь чудным голоском, и только.

Род Грасье... не слишком знатные, из них выходят придворные живописцы, танцоры, певцы, писаки, в общем, слабые, годные лишь для мирного времени люди. Неудивительно, что их дом в упадке.

– Я не умею петь.

– Тебе и не придётся. Никто не станет проверять. Вы с братом прогостите в королевском замке самое большее пол-луны, а потом у вас внезапно помрёт бабка или любой родственник на выбор, вынудив спешно отбыть вместе с моими людьми обратно. За время своего краткого пребывания вы не будете ничем выделяться, никому нравиться и ни с кем сближаться, чтобы после отъезда ни единая живая душа не могла припомнить даже примерно ваши черты. И пусть твой брат попридержит норы, вчерашнее не должно повториться. Это ясно?

⁹ В переводе с молитвенных часов – три часа дня.

Попридержит? Людо?

Кровь уже оттерли и присыпали пол свежей травой, но бурый след остался.

– Да, госпожа.

– Вот, – она протянула мне бархатный мешочек, – один тебе, второй брату.

Я развязала тесёмки и вытряхнула на ладонь талисманы из смарагда в форме павлина, Покровителя рода Грасье. Фальшивые, конечно.

– Благодарю, госпожа. И ещё: в замке мне понадобится отдельная комната.

– Зачем? – нахмурилась она, и я понимала её сомнения: замки строятся для обороны, а не красоты – лишних помещений там нет. Даже в нашем, считавшемся некогда одним из крупнейших, ночлег гостям устраивали в спальне родителей, устанавливая там шатры и клоте¹⁰.

– У меня случаются... припадки, связанные с особенностями дара.

– Что ж, – задумчиво откликнулась она. – Я отдам распоряжение.

– Благодарю, госпожа.

– Теперь ступай.

Уже в дверях она снова меня окликнула.

– Проверка первой ночи должна пройти безупречно, леди Лорелея Морхолт-Грасье.

Цена ошибки выше, чем ты можешь себе позволить.

А то я не знаю. И мы с Людо ни сном ни духом, что никакой второй части платы не предусмотрено. Интересно, нас собираются убить в королевском замке или на обратном пути? Не зря же брата проверяли на умение драться.

– Да, госпожа.

– Всё, иди.

* * *

Людо тоже переоделся. Ему очень шёл расшитый пурпуэн¹¹. Когда я спускалась по ступеням, придерживая платье спереди, он не отрывал от меня взгляда. Потом протянул руку и помог забраться в повозку. Я тотчас позавидовала брату, который поедет верхом: внутри было душно и пахло чем-то несвежим. Там уже сидела дуэнья¹² средних лет с необъятным задом и пышными, как дрожжевое тесто, руками. Похожий на сердечко рот напрасно пытался принять суровое выражение, голову венчал внушительный чепец с двумя рогами, от каждого из которых спускалась вуаль. Униженные перстнями руки прижимали к плотно обтянутой груди ларец из слоновой кости.

Женщина оказалась вдовой Хюсман, сопровождающей нас с Её Светлостью как незамужних девушек, а в ларце хранились драгоценности леди Йосы. Из мужчин кортеж, помимо Людо, сопровождали ещё полтора десятка человек свиты и охраны. Дорога должна была занять чуть больше недели, поэтому позади в фургончике с провизией предстояло трястись кухарке.

Наконец на крыльце показалась леди Йоса. На верхней площадке она ненадолго задержалась и обернулась на замок, ища глазами какое-то окно. В нём никого не оказалось. Тогда она вздёрнула подбородок и продолжила путь, уже не оборачиваясь.

Один из рыцарей толкнул товарища в бок и кивнул на неё. Оба устали на спускающуюся по ступеням девушку, как на сходящую с небес Праматерь Покровителей.

Она была действительно ослепительна в своём тёмно-синем блио и мантии поверх. Ниспадающие от локтя до земли рукава волочились по ступеням, а волосы оборачивали её вторым

¹⁰ Постель-ниша, напоминающая внешним видом шкаф или комод. Вход мог закрываться занавесками или деревянными дверцами.

¹¹ Средневековая стёганая мужская куртка с узкими рукавами.

¹² Почтенная женщина, которую приставляли к незамужним девушкам, чтобы следить за соблюдением приличий.

плащом, раздуваясь от ветра. Не смотрел в её сторону только Людо. Он в этот момент подтягивал стремя.

Устроившись на сиденье, леди Йоса небрежно кивнула нам, и вскоре кортеж тронулся в путь.

Стояла ранняя весна, и дороги раскисли от грязи, но местами ещё не сошёл снег. К вечеру выглянуло солнце, и белые островки блестели, как сахарные.

В окно я практически не глядела, предпочитая рассматривать пышные орнаменты, которыми изобиловали одежды сидящей напротив вдовы. В отличие от леди Йосы, я не испытывала никаких чувств, покидая это место. Меня занимала только предстоящая цель. Когда замок скрылся из виду, Её Светлость тоже откинулась на подушки.

– Развлеките меня, леди Лорелея.

– Развлечь? Как?

– Расскажите что-нибудь. Уверена, у вас скопилось немало историй. – Она подняла бровь.

Историй и правда немало. Про что ей рассказать? Как ненавидишь лето и зиму, потому что любить их – роскошь, доступная лишь тем, кто может в любой момент укрыться от зноя и холода за надёжными стенами? Или про первые регулы? Как была полдня посреди поля, схватившись за живот и не понимая, что происходит, а Людо укачивал меня, не зная, как помочь, и боясь оставить одну, чтоб привести лекаря. Или про то, какое наслаждение иметь нормальную обувь...

– У меня была скучная жизнь, миледи.

Она хмыкнула, но не настаивала.

– Тогда вы, госпожа Хюсман.

Та проявила большую готовность. Но её леди Йоса вскоре сама остановила, устав слушать сбивчивую болтовню, полную далёких от реальной жизни нравоучений.

– Хватит. – Она скинула обувь и пристроила ноги на сиденье напротив. Вдова Хюсман потеснилась с недовольным видом.

– Не думаю, что молодой девушке пристало так...

– Вам платят за сопровождение, а не за мнение, – оборвала леди Йоса и, повернувшись ко мне, полуутвердительно спросила: – Вы ведь не умеете читать?

И очень удивилась, услышав:

– Умею...

Тогда она велела достать из-под сиденья сундук с книгами. Порывшись, кинула мне небольшой том.

– Начинайте.

Рыцарский роман.

– Что-то не так? Вас смущает тема?

Я пожала плечами и открыла первую страницу. Она поразила бы тому, сколь мало вещей в этой жизни способны меня смутить. Несколько мгновений я тупо рассматривала буквы.

– Так умеете или нет? – раздражённо спросила она.

– Умею, просто давно не практиковалась.

– Я могу рассказать по памяти Жития Святых, – подала голос вдова, неприязненно поглядывая на рукопись у меня в руках. Она была неграмотная, как и абсолютное большинство жителей королевства, включая, как оказалось, саму леди Йосу. К чему знати грамота, если читают за них чтецы, а пишут писцы? А простолюдинам она и подавно не нужна.

– Нет, пускай леди Лорелея, у неё голос приятнее.

Это неправда: мой голос низковат для девушки и с хрипотцой. Но вдова тараторит и захлёбывается словами, будто боится, что её хватит удар, прежде чем она успеет досказать всё, что хотела. Не велика потеря, если так.

Я прокашлялась и начала. Сперва шло туго. Я запинаясь, делала большие паузы, читала несколько раз трудное слово про себя и лишь потом вслух, часто ошибалась в буквах. Леди Йоса кривилась и фыркала:

- Это ужасно!
- Мне прекратить?
- Нет, читайте дальше.

С какого-то момента пошло легче, и я могла произносить слова, не отвлекаясь на смысл.

Грамоте нас с Людо обучил мэтр Фурье. Его наняли, когда брату исполнилось восемь. Под нашей крышей он прожил два года.

Моя учёба не входила в планы, но, поскучив без Людо неделю-другую, я тоже заявила на занятие. Не потому что хотела учиться, просто лучше скучать вместе, чем порознь. Мэтр вышвырнул меня, не слишком церемонясь. Но я не отступалась и постепенно продавала ситуацию. Учитель пожаловался отцу, а тот, вместо того чтобы разделить возмущение, неожиданно дал согласие на посещение мною уроков.

Сперва я сидела в стороне, стараясь быть как можно незаметнее – именно на таком условии меня допустили до занятий. Через пару недель переместилась поближе, потом вывела первую букву. Месяц спустя уже занималась наравне с Людо, хотя удовольствия от процесса так и не научилась получать. Брат же испытывал к учёбе глубокое отвращение. И науки отвечали взаимностью. Труднее всего ему давалось чистописание. Порой я удивлялась, глядя, с каким трудом он выводит пляшущие кособокие закорючки. Его стило¹³ натужно скрипело и дёргалось, снимая восковые стружки, словно пыталось проткнуть табличку насквозь. У меня же без особых усилий выходили ровные красивые строки, даже лучше, чем у мэтра Фурье. Я не понимала, почему брату так сложно.

Больше, чем свою работу, учитель ненавидел только нас. Радовался ошибкам, дававшим возможность лишний раз пустить в ход ферулу¹⁴. Но вообще-то в поводах для наказаний не нуждался. Порой после занятий мои пальцы распухали так, что кормилица долго охала и причитала, исцеляя их в ванночках с ромашкой. Это лишь подкрепляло её уверенность, что всё зло от учёбы. Но отцу я жаловаться запретила. Боялась, что он отлучит от занятий. Поэтому ненавидела мэтра Фурье молча и, конечно, мстила при каждом удобном случае, но так, чтобы ничего нельзя было доказать: кидала мух в чернильный рожок, пачкала его стул, портила кончики перьев...

В учителе вызывало омерзение всё: начиная с зальсин и хрящеватого вечно влажного носа и кончая тяжёлым луковым духом. К последнему частенько примешивался кислый винный. Проигравшись в кости, он приходил злее обычного и бил сильнее.

Людо никогда не таился. Огрызался в открытую, в ответ на брань не лез за словом в карман, швырял в мэтра грамматикой. А однажды, когда тот задремал, залил чернилами пухлую стопку пергаментных листов – каждый в отдельности, – которую учитель неизменно приносил с собой на занятия и заполнял прилежными строчками, пока мы с Людо корпели над очередным заданием.

Под пафосным заголовком прятался «труд всей жизни». Бессмысленный и безнадежно скучный набор букв, пустая трата пергамента. Каждое предложение было составлено так, чтобы поразить словоблудием и скрыть смысл. Никто и никогда в здравом уме не стал бы это читать.

¹³ Инструмент для письма в виде остроконечного цилиндрического стержня из кости, металла или другого твёрдого материала. Им в Средневековье писали на восковых табличках.

¹⁴ Линейка для наказаний, которой били по пальцам или ладоням провинившегося ученика в Средневековье.

Идея принадлежала мне, но брат взял всю вину на себя. До того дня мы не думали, что он может всерьёз нам навредить...

Мэтр орал и бранился так, что поморщился даже отец. Ничто, ничто в целом мире и за его пределами не способно восполнить его утрату! И не существует наказания, соразмерного совершённом преступлению. Таких мелких ублюдков, как Людо, нужно рвать клещами, лить в глотку кипящий свинец и заставлять лизать раскалённые котлы у Ваалу! ¹⁵ Ничего из этого отец не разрешил. Только велел высечь брата розгами.

Пороли Людо на конюшне. Хотели поручить это груму, но мэтр Фурье взял расправу в свои руки.

Я спряталась у входа.

– Снимай рубаху.

Прошуришала ткань.

– Обопрись о козлы. – И после паузы: – А теперь проси прощения, дабы Праматерь смягчила мою руку.

– Обойдёшься, шлюхин сын! Чтоб тебе сдохнуть на гноище! Так пори.

В ответ разразилась брань на родном мэтру Фурье кэльском языке. Этим словам он нас не учил.

Я считала удары. Самым страшным был первый. Его ожидание. Сперва тишина, густая и звенящая, даже возня в стойлах прекратилась, потом резкий свист и удар о голую спину. Испуганное конское ржание, и снова тишина... Я вздрогнула всем телом, словно ударили меня. Свист, удар, тишина. Свист, удар, тишина. Они повторялись жуткой извращённой музыкой.

Перед глазами всё расплывалось, меня мучило, и душили слёзы. При каждом ударе я изо всех сил щипала себя за предплечье, чтобы разделить с Людо боль. Может, разделённая, она легче переносится?

После первого десятка удары стали громче, ожесточённые.

Людо ни разу не вскрикнул, вообще не издал ни звука. Зато мэтр Фурье пыхтел, как загнанный кабан. Двадцать ударов спустя учитель практически выбежал из конюшни, красный и взмыленный. Свалившаяся биретта¹⁶ открывала блестящую от пота лысину. Он на миг остановился, задрал голову к небу и прикрыв глаза, шумно выдохнул, отшвырнул розги и направился к замку широким шагом. Длинные полы одежды развевались, как крылья у летучей мыши.

Я скользнула внутрь и поморгала, чтобы привыкнуть к полутьме. Брат сидел возле стены, дрожа и спрятав голову между коленей.

– Людо, – тихонько позвала я, опускаясь рядом.

Он вскинул воспалённые глаза – воспалённые не от слёз, от бешенства. Из прокушенной губы сочилась кровь. Взмоклишие чёрные пряди прилипли ко лбу.

– Очень больно?

– Уйди, – глухо сказал он, отворачиваясь.

Я тронула его за руку.

– Покажи...

Брат дёрнул плечом и, морщась, повернулся. Я закусила кулак, чтоб не заорать: каждый дюйм спины пропахали багровые рубцы.

Всхлипнув и не зная, что ещё сказать, приспустила платье, демонстрируя распухшее от щипков предплечье:

– Смотри, мне тоже больно...

Людо только фыркнул.

¹⁵ Владыка подземного мира, подстрекатель людей к совершению грехов.

¹⁶ Традиционный головной убор студентов, учёных и людей искусства в Средние века.

Тогда я огляделась, вскочила и подобрала из кучи в углу старую ржавую подкову.

– Мне тоже больно, – повторила я, упёрла растопыренную пятерню в землю и со всей силы саданула тяжёлой железкой.

Наверное, потеряла сознание, потому что не помню, чтобы кричала, а очнулась уже возле стены. Голова покоится у Людо на плече.

– Дура, – сказал он, поглаживая меня по волосам.

Я с трудом подняла руку, ставшую тяжелее чугунной чушки, и уставилась на раскоряченные пальцы. Долго заворожённо разглядывала кисть, пока она раздувалась и наливалась синевой. Боли почти не чувствовала: конечность онемела до самого плеча.

– Надеюсь, твоё пожелание сбудется, – прошептала я, вытирая здоровой рукой испарину со лба брата.

– Какое?

– Пусть мэтр Фурье сдохнет на гноище.

Его губы тронула странная улыбка.

К тому времени, когда нас нашли, мои пальцы успели почернеть, а его раны загрязнились. Я плохо помню, что было потом. Помню, что умирала от жажды. А ещё вырывалась, кусалась и визжала, чтобы они не смели пороть Людо.

Три следующих дня провалялась в горячке, приходя в себя и снова проваливаясь в багровый туман, где свистели розги и кто-то с хрустом выворачивал мои пальцы. Время от времени мне с силой разжимали зубы, вталкивая вместе с ложкой горькое, как жёлчь, лекарство. Я часто металась, звала брата и не верила кормилице, уверявшей, что с ним всё в порядке. Успокоилась, лишь когда она тайком провела его в мою комнату. После его ухода на покрывале остался апельсин с ужина.

Рука зажила месяц. Указательный палец так и не сросся правильно, остался кривоватым и плохо слушается, так что почерк с тех пор почти не уступает дёрганым закорючкам Людо. Мэтра Фурье я больше никогда не видела. Через неделю после порки, задолго до того, как я вышла из комнаты, его зарезали, ночью, по дороге из кабака.

– Мертвецки пьяного, – шептала кормилица нянюшке, думая, что я сплю. – Точнохонько под крайнее ребро ударили, вот здесь, – она показала справа. – Коновал сказал-де, от такого сразу мрут. И пырнул знающий, снизу вверх.

– Или кто-то ростом малый, – шепнула нянюшка.

– И кошель-то не забрали, – добавила кормилица, и обе посмотрели в мою сторону.

Я прекратила чтение, когда опустились сумерки, и в повозке стало совсем темно. Только волосы леди Йосы и перстни вдовы поблёскивали в полумраке. Спроси кто меня, о чём был отрывок, я бы не ответила.

Леди Йоса провожала взглядом пейзаж за окном. Контуров полей в лиловой вечерней дымке, грохочущие ленты речушек и холмистые долины, похожие издали на обтянутые мхом валуны.

– Вокруг королевского замка сплошь горы, я смотрела по карте, – задумчиво произнесла она. – Буду скучать по равнинам.

– Местность, где стоит замок Его Величества, славится прекрасными видами, – встряла вдова, – многие животные и растения водятся только там. И раз уж вы будете там жить, то должны знать, что...

Её трескотню никто не слушал. Есть люди, которые упиваются звуком собственного голоса и помрут, если не воткнут вам в глотку своё очень ценное мнение.

Заснула она неожиданно, прямо на полуслове, обозначив это событие всхрапом.

– Слава Праматери! – закатила глаза леди Йоса и обратилась в окошко к ближайшему рыцарю: – Долго ещё до привала?

Тот придержал коня и поравнялся с нами.

– С четверть мили, миледи.

Она кивнула, и рыцарь снова ускакал вперёд. Взгляд Её Светлости ещё побродил по пейзажу и остановился на ехавшем неподалёку Людо. Изучающе окинула его сверху донизу, и рука потянулась к груди.

– А ваш брат красив... даже очень, – заметила она, лениво водя пальцем вдоль кромки выреза и не потрудившись понизить голос. Правда, Людо все равно не мог слышать из-за шума дороги.

Мне не понравился ни взгляд, ни жест. Хотя Её Светлость права: насмешкой Праматери из нас двоих вся красота досталась именно брату, которому она и даром не нужна. А в этот момент он был особенно хорош, сидя в седле так, словно не было всех этих лет без регулярных тренировок. Новый костюм плотно облегал фигуру, ветер трепал спускавшиеся до плеч волосы, а глаза блестели, как два оникса. Только ни он, ни я не нуждаемся в её одобрении.

– Красотой терновника, – заключила она, откидываясь на подушки.

На ночь остановились в долине. Рыцари разбили небольшой палаточный лагерь, а для леди Йосы, меня и вдовы установили шатёр. С учётом жаровни, походного трюмо и двух сундуков, которые велела перетащить туда Её Светлость, места осталось лишь на то, чтобы не спать друг на друге.

В ожидании ужина рыцари собрались вокруг костра и подначивали хлопчущую над котелком кухарку, травили шутки. Людо сидел в стороне, натачивая о камень дрянной меч, который ему выдали по приказу леди Катарины. Почувствовав мой взгляд, поднял голову. В следующий миг меня снова отвлекла возня у костра.

– Поди ж ты, какой резвый! – воскликнула кухарка, замахнувшись половником на самого рукастого из мужчин, ущипнувшего её за зад. Тот ответил наглой улыбкой и подмигнул остальным.

– Что вас там так заинтересовало? – раздражённо позвала леди Йоса. – Лучше помогите мне разобрать вещи.

Я поправила полог и вернулась в глубь шатра.

Когда позже вышла за порциями для неё, вдовы и себя, смех стих. Рыцари провожали меня взглядами, в которых не читалось ни угрозы, ни дружелюбия – только угрюмая насторожённость. Точно так же смотрели и на брата. Им сказали официальную версию, в том числе про тяжело раненных и чудом выживших Марланта и Эйку, но кто запретит людям строить догадки о появившихся в последний момент чужаках, чей измождённый вид не соответствует заявленному высокому статусу?

– Миледи, – кухарка сделала неуклюжий книксен.

Я забрала поднос с едой и подождала, пока один из рыцарей приподнимет полог шатра.

На ужин был варёный угорь и пирог с крольчатинной и миндальным молоком. Соли в лепёшке было в самый раз. А я уже и забыла, каково это, когда ею не отбивают затхлость плесневелой муки... За истекшие годы эти два вкуса стали для меня неотделимы. Когда-нибудь буду питаться только пресным.

Ритуал отхода леди Йосы ко сну оказался изматывающе долг – голоса снаружи успели утомониться. Заодно выяснилось, зачем ей понадобилось аж два сундука. В первом лежала сорочка, домашние туфли, каль¹⁷ и куча спальных принадлежностей, без которых легко можно обойтись. Во втором – зеркало, лосьоны, мази, притирки, масла, ароматические воды, мастика для губ, помада для волос. Пока я неловко расшнуровывала ей рукава, непривычная к этому делу, она рассматривала своё лицо в полированном бронзовом диске, натягивая кожу паль-

¹⁷ Распространённый в период раннего Средневековья домашний головной убор в виде плотно облегающей шапочки по типу чепчика. Имел узкие завязки, заканчивался под мочкой уха, не опускаясь ниже затылка.

цами. Когда я закончила, она протёрла щеки, лоб, подбородок и шею средствами из трёх склянок и, не оборачиваясь, протянула гребень.

– Расчешите меня.

Вдова Хюсман успела переодеться в подобие паруса и теперь рылась в своём белье в ларце, ища что-то на дне.

Перебирая тяжёлые длинные пряди её светлости, я боролась с желанием вытереть руку о подол: казалось, на пальцах остался жирный золотой налёт. А ещё хотелось покончить с расчёсыванием побыстрее – процесс начал утомлять.

– Ай! Осторожнее вы! – вскрикнула леди Йоса, дёрнув головой.

– Простите, миледи.

– «Простите, ваше величество» – привыкайте называть меня так. Вы что, никогда не расчёсывали другим волосы?

– Чужим – никогда.

Людо ведь не чужой.

– У вас неделя пути на то, чтобы научиться помогать мне. – Она бросила быстрый взгляд на вдову и едва слышно прошептала: – Чтобы версия фрейлины хоть немного походила на правду.

Я подняла голову, и наши взгляды встретились в отражении. Контраст между нею и мной был разителен: леди Йоса, белокурая и голубоглазая, с нежной алебастровой кожей, точёными плечами и высокой грудью, натягивающей платье, которое прикрывало такое же совершенное и до тошноты мягкое тело, а позади я. Шершавые потрескавшиеся ладони смотрелись рядом с её тонкой белой шеей просто кошунственно, а тяжёлая масса чёрных волос придавала мне диковатый вид.

– Теперь подайте чашу, – распорядилась она, отворачиваясь.

Я забрала с жаровни миску, где подогревалось миндальное молоко с ужина, и поставила перед ней. Леди Йоса погрузила внутрь свои тонкие ухоженные пальцы – с чего им не быть ухоженными, если отмачиваются каждый день в молоке! – и держала, пока оно не остыло. Потом велела:

– Теперь вы.

– Что я? – Краем глаза я заметила, как вдова сделала два быстрых глотка из оправленного в серебро каплевидного флакона.

– Опустите ваши клешни в ванночку, на них тошно смотреть. К тому же любому в королевском замке будет достаточно одного взгляда на них, чтобы разоблачить вас. – И не дожидаясь ответа, она схватила меня за руку.

Тело обдало волной гадливости, и я отшатнулась, задев чашу. Та опрокинулась, выплеснув молоко на землю.

– Да вы просто дикарка! – с досадой воскликнула Её Светлость, потирая ушибленную кисть. – Ну и оставайтесь такой, раз нравится!

Она отвернулась, а я вернула чашу на место и, ни слова не говоря, направилась к выходу.

– Куда вы?

– Пожелать брату доброй ночи.

– Передайте и от меня.

– Хорошо.

Когда Скорбный Жнец спляшет кароле¹⁸ вокруг майского шеста.

– Вы должны отвечать: «Как скажете, Ваше Величество».

– Как скажете, Ваше Величество.

¹⁸ Средневековый европейский танец, участники которого выстраивались в кольцо или цепочку и двигались, создавая разнообразные фигуры под аккомпанемент.

Из угла вдовы уже слышался храп, а в спёртой духоте разливался навязчивый сладковатый запах опийного мака.

4

После тесноты шатра ночной воздух показался одуряюще свежим. Я дышала и не могла насытиться. Совсем рядом грохотали воды ручья, разнося эхо по ущелью. Пахло влажной землёй и первыми пробивающимися сквозь почву травами.

Людо разминался спиной ко мне. Думала подкрасться к нему на цыпочках, но когда до цели оставалось всего ничего, брат скользнул в сторону и оказался позади меня, взяв шею в захват.

– Ты мертва! – объявил он и тут же фыркнул в ухо: – Топаешь, как кентавр.

Я отвела его руку и повернулась.

– И пахну так же. – Я сунула ему под нос ладонь, насквозь пропахшую всеми мазями и благовониями леди Йосы.

Людо понюхал и сморщил нос.

– Пойдём к ручью – смоешь, – предложил он.

Так мы и сделали.

Пройдя мимо часового, спустились с откоса. Я поплескала на руки, а после мы немного поговорили, обсудив, что нас ждёт в замке. Вдохнув, я приникла к брату и положила голову ему на грудь.

– Не хочу возвращаться в шатёр.

К храпящей вдове и Её Светлости с блудливыми глазами и состоящим из плавных изгибов телом, каждый дюйм которого несёт следы тщательного ухода. И снам, радость от которых превращалась в горький стыд по утрам. Даже Людо не знал про них. Иногда будил меня, если бормотала, и тогда я говорила, что видела наш дом... брат понимал. Но никогда в подобные моменты не упоминала того, кто поселился в моих грёзах, как отравы на дне кубка.

Наконец мы двинулись обратно в лагерь.

– Скоро смена на часах, – сказал Людо. – Кажется, кто-то вышел из палатки.

Рыцарь действительно вышел, только не из палатки, а из кибитки кухарки. Тот самый балагур, щипавший её за ужином. Он замер, мы тоже. Рыцарь перевёл взгляд с меня на Людо и обратно и поправил штаны. А потом мы молча разошлись, словно ничего не произошло.

Когда я вернулась, леди Йоса уже спала – по крайней мере так я решила, устраиваясь на ночь, пока не услышала некоторое время спустя её недовольный голос:

– Не прекратите вертеться и вздыхать, отправитесь спать к мужчинам.

Вертеться я перестала, но ещё долго не позволяла себе заснуть. Едва чувствуя подступающую дрему, колола руку сорванной возле шатра веточкой шиповника. И всё равно заснула, мечтая ощутить тепло и безопасность. Шутки снов порой очень жестоки... я получила свою иллюзию безопасности.

...трофейная всегда была моим любимым убежищем. Не отпугивал ни специфический запах, исходящий от прибитых к стенам рогов и голов, ни жутковатый отрешённый блеск невидящих зрачков, ни якобы поселившийся тут призрак рыцаря, насмерть затоптанного вепрем, чьи бивни теперь украшали эту комнату. Я любила прятаться здесь, когда мир был ко мне слишком жесток. А мир частенько бывал ко мне жесток, потому что я «упрямая несносная девчонка, наказание для своей матери», по словам моей собственной, и такие, «если не исправляются, рано или поздно получают по заслугам». Исправиться я не могла, и по заслугам получила рано. Смех, звон кубков и звуки виел¹⁹ за стеной лишь усугубляли мои страдания.

¹⁹ Струнно-смычковые музыкальные инструменты, широко распространённые в Средневековье в VIII–XIV веках.

От горьких дум отвлѣк золотой мячик, ткнувшийся в бедро. Дремавшая на соседней шкуре Никс, престарелая левретка, приоткрыла глаз и снова закрыла. В камине с нетерпеливым треском взвились искры. Я вяло подтолкнула шарик обратно в огненный зев. Сегодня даже любимая игра не утешала. Снова задумавшись, пропустила следующий бросок, и мяч укатился к дверям. Вскочив на ноги, я хотела кинуться за ним, но обнаружила беглеца под подошвой стоящего в дверях золотоволосого мужчины. Гость нагнулся, поднял мячик и двинулся ко мне, перекатывая его змейкой между пальцами одной руки ловчее жонглѣров, показывавших трюки за ужином.

Я, набычившись, наблюдала за ним. В зале сидел за столом для почётных гостей. Весь вечер смеялся, травил охотничьи истории и не пропустил ни единого тоста. Один раз я поймала на себе его пристальный, безо всякой улыбки, взгляд. Но уже в следующий миг его отвлѣк кто-то из приятелей отца.

– Почему вы сидите здесь в свой праздник, миледи? – спросил он, остановившись передо мной. – Разве вы не должны быть в саду, с Годфриком?

Праздник, как же! Я молча отвернулась и плюхнулась обратно на шкуру спиной к нему. Ужасная грубость. Именно из-за таких выходов я никогда не стану «послушной ласковой девочкой, как кузина Хейла, отрадой для матери». Сейчас он уйдѣт и расскажет всё отцу. Тот посмеѣтся, а когда гости разъѣдутся, прикажет няне наказать меня. Делает это она куда охотнее кормилицы, и рука у неё тяжелеет. Но гость вдруг устроился рядом на полу и как ни в чем не бывало протянул мячик.

– Кажется, ваш? В игру примете?

Зыркнув на раскрытую ладонь, я схватила шарик, зашвырнула прямо в угол и злорадно усмехнулась ему в лицо.

– Приму, доставайте!

Вот теперь точно уйдѣт. Или начнѣт браниться – взрослые не могут быть долго дружелюбными с детьми. Правда, я больше не ребёнок. Так сказала кормилица, наряжая меня к пиру, и её подбородки мелко тряслись от всхлипов. И то же повторила мама, холодно и веско, когда пришла проверить её работу.

Гость не изменился в лице, только в уголках серых глаз наметились морищинки. Радужка вдруг начала стремительно выцветать, сделавшись из стальной почти белой. Он чуть повернул голову в сторону подрѣмывающей Никс и, сложив губы трубочкой, издал мелодичный посвист. Уши левретки встали торчком. Она резво поднялась, покачиваясь на тонких жилистых ногах, и потрусила к камину. Перед огненной пастью замерла. Не успела я сообразить, что произойдѣт дальше, как она сделала бросок, почти невозможный для её четырнадцати лет, увернулась от просвистевшего в дюйме от уха огненного кнута и, сжав мячик зубами, отскочила обратно. Мелко перебирая лапами, подбежала к гостю, аккуратно положила добычу ему на колени и вернулась на место.

Мужчина беззаботно подкинул мяч, словно не замечая моих широко распахнутых глаз. Его собственные уже вернули прежний цвет.

– Как вы это сделали?!

– Похоже, я не слишком-то вам нравлюсь, – заметил он вместо ответа.

– Не вы! – выпалила я и прикусила язык.

Гостя это развеселило. Откинувшись слегка назад, он смерил меня взглядом и кивнул:

– Значит, Годфрик. Чем же вам не угодил мой племянник?

Перед глазами снова встало прекрасное, словно из снега вылепленное лицо матери.

– Леди Анна, – назвала она меня первым, официальным, именем, – развлеките будущего супруга. Покажите ему наш сад.

– Хотите, сходим в оранжерею?

Высокий рыжеволосый мальчишка пожал плечами, и мы двинулись по усыпанной галькой дорожке. На сегодняшний праздник не пожалели восковых свечей, и замок от подвала до сторожки караульного на крыше был залит огнями. Позади, шоркая, переваливалась кормилица. В траве стрекотали цикады, подпевавшие менестрелям, в воздухе стоял тяжёлый аромат спелых слив.

– Вам понравятся наши розы, – произнесла я, когда терраса осталась за поворотом. – Их завезли в прошлом году, и...

– Не нужно. – Голос у Годфрика был под стать лицу и всему скучающему облику – такой же бесцветный.

– Что не нужно? – не поняла я.

– Разговаривать. Просто пройдем до оранжереи и обратно.

Произнося это, он ни разу на меня не посмотрел. Пару мгновений мы шли в полном молчании, на фоне которого шум из трапезной, где праздновали наше обручение, казался особенно громким.

– Вы не хотите на мне жениться?

Ответный взгляд был полон презрения.

– Жениться на выродке? Да мне мерзко даже смотреть на тебя!

Ударила я быстрее, чем успела подумать, и получила звонкую оплеуху в ответ. Из глаз от неожиданности брызнули слёзы. Ладонь судорожно прижалась к горящей щеке.

– Бьёшь, как девка!!

Этому страшному оскорблению я научилась у Людо...

– Он не такой, каким должен быть супруг, – сдержанно ответила я гостю, прикрывая волосами до сих пор красную щеку.

– А каким должен быть супруг? – заинтересовался он.

– Сильным внутри и снаружи.

– Достойный критерий, – кивнул мужчина. – Так говорит ваша матушка? Или отец?

Он что, думает, у нас собственного мнения нет?

– Так считаем мы с братом, – обиделась я. – Он говорит, что нет ничего важнее силы, а слабые вовсе не должны появляться на свет, они не заслуживают жить. Поэтому брат так презирает Артура.

– Кто такой Артур?

Я опомнилась и промолчала. Про Артура никто не должен знать. Не дождавшись ответа, гость спокойно продолжил:

– В чем-то ваш брат прав, просто сила бывает разной. Со временем вы с Годфриком притрётесь. А ещё у меня есть племянница чуть помладше вас. Бланка – добрая и ласковая девочка, которая нуждается в подруге.

Странно было вот так разговаривать. Странно и приятно. В замок постоянно приезжали приятели отца, особенно в последние месяцы, но они никогда не пытались со мной заговорить. Детей не принято замечать, особенно девочек. Отец и тот вспомнил о моём существовании лишь полтора года назад, после случая с няней.

Мысленно я сравнивала гостя и будущего супруга. Волосы у Годфрика тоже рыжие, но совершенно другого оттенка: почти красные и прилизанно-гладкие, разделённые на пробор, а не золотистые и вьющиеся. Да и вид какой-то болезненный, словно вся сила ушла в рост. Он действительно высок, но плечи уже, чем у Людо, хотя брат на год младше него. Сидящий же рядом человек был воплощением крепости, от него исходила спокойная уверенность.

– Мы никогда не притрёмся, – угрюмо изрекла я. – В нём нет и уже не будет стержня.

– Погодите судить. Годфрику всего одиннадцать. Через три года, когда состоится ваша свадьба, он подрастёт и возмужает.

– А ещё он назвал меня чернявой уродиной!

Вообще-то он много чего успел наговорить...

Гость перестал усмехаться:

– Вот это он зря. Просто пока не понимает, как ему повезло.

Я уставилась на него и нерешительно переспросила:

– Повезло?

Мужчина кивнул:

– Вы уже сейчас красивее большинства знакомых мне леди, а через несколько лет затмите и остальных.

Красивая? Я? Мне такого ещё никто не говорил, даже кормилица, а уж она-то любит меня больше всех после Людо. Может, насмехается? Но выражение серых глаз было абсолютно невозмутимым.

Я помолчала, обдумывая его слова и ощущая, как кончики ушей начинают гореть, а внутри всё трепещет от непонятного, но упоительного чувства. Стало стыдно за то, как вела себя с ним вначале. От следующей мысли я покраснела ещё сильнее и покосилась на гостя из-под ресниц. Жаль, что такой старый. Наверное, ему столько же, сколько маме, а ей осенью исполнится двадцать шесть. Других недостатков обнаружено не было, даже короткая борода его не портила. Казалось, подбородок и скулы припорошены золотом. И я решилась:

– Вы ведь желаете союза с нашей семьёй?

– Верно, – прищурился он и скрестил руки на груди.

– И для этого нужен брак?

Дождавшись подтверждения, я выпалила, боясь растерять храбрость:

– Тогда, может, на мне женитесь вы?

Сперва он удивился, а потом пристально посмотрел, явно всерьёз взвешивая предложение, и наконец сокрушённо покачал головой.

– Рад бы, но это невозможно, миледи.

– У вас уже есть супруга? – расстроилась я. – Или не хотите ждать ещё три года? Я постараюсь вырасти поскорее и буду хорошей женой, клянусь!

Он вздохнул, поглаживая браслет из заплетённой в косичку лески, и потерянно развёл руками – сразу видно, искренне сожалеет.

– Вы уже обручены с моим племянником.

– Но если я ему не нужна? – Я все ещё не теряла надежды его уговорить.

– Он скоро изменит мнение, ручаюсь, – сверкнул глазами гость.

5

Дорога была утомительна и монотонна. У меня часто болели глаза от чтения при тряске, а духота и запахи преющих под платьями тел сводили с ума. Чувствуя себя разбитой, я пользовалась любой возможностью на привалах, чтобы пройтись. Вдова почти всё время спала или дремала. Флакон, поначалу вынимаемый лишь ближе к ночи, перешёл в разряд лекарства от всего: зубной боли, ломоты в пояснице, нервов, расстройства желудка, меранхолии²⁰ и шуток Камдена – того самого рыцаря, навещавшего кухарку по ночам. Нрав леди Йосы совсем испортился от вынужденной бездеятельности. Я-то привыкла терпеть и выжидать, а она изнывала и цеплялась к нам по любому поводу.

– Сколько раз говорить, чтоб не пили эту гадость в повозке, вдова Хюсман! Дышать нечем! А вы, – напускалась она на меня, – почему бубните пылкое признание, как надгробную речь? В вас что, нет ни грамма чувства? Вы никого не любили?

– Разумеется, любила и люблю – своего брата.

– Я не о том, – отмахнулась она. – Вы ни к кому не испытывали страсти?

Её романы казались мне насквозь фальшивыми, а речи влюблённых донельзя напыщенными и искусственными. Прискакать под окно возлюбленной и донимать её сравнениями губ с кораллами, а зубов с жемчугом. И в чём тут любовь?

К самой леди Йосе я испытывала презрение, к которому из-за придирок теперь примешивалось глухое раздражение. Она не выполнила долг перед семьёй, предписывавший хранить себя до свадьбы, и ничуть не смущалась своего проступка, если его так можно назвать. Я свой долг выполню. Презирала я её не за потерю целомудрия, а за пренебрежение обязательствами перед родом.

День на четвёртый, устав разглядывать проносящиеся за окном поля, она остановила взор на скакавшем рядом рыцаре, какое-то время рассматривала его и с шумным вздохом откинулась на подушки.

– Что вы знаете о близости между мужчиной и женщиной, леди Лорелея? – вызывающе спросила она, прервав моё чтение на полуслове.

Вдова, как обычно, похрапывала и причмокивала во сне. Тальк осыпался с груди, припокрошив чёрный бархат белёсой пылью. Запнувшись, я подняла глаза от страницы и встретила с насмешливым взглядом. По лицу леди Йосы гуляла полуулыбка, рука поигрывала талисманом.

Поскольку я молчала, она продолжила, правда, на этот раз соизволила-таки понизить голос, покосившись на вдову:

– Вам предстоит первая ночь, неужели вы о ней не задумывались?

Я наконец отомкнула губы и бесцветно произнесла:

– Должна идти кровь.

Она приподняла брови.

– Откуда вы знаете?

Тот же вопрос я задала Людо. Мы ведь тщательно обговаривали план и обсуждали детали.

«Откуда знаешь про кровь, если никогда не женился?»

«Не твоё дело».

Я закусила губу. Ненавижу, когда брат так говорит, и он это прекрасно знает. У меня же от него нет секретов... ну, почти нет.

«И много должно вылиться?» – холодно спросила я.

«Не так, чтобы слишком».

²⁰ Так произносилось слово «меланхолия» во французском языке в Средневековье. Это объясняется забытой смысловой связью с древнегреческой «чёрной жёлчью» и особенностями артикуляции.

«И как это понять? Две капли? Стакан? Как при регулах?»

«Как из ранки на пальце! И прекрати меня донимать!» – разозлился он, странно посмотрел, встал и ушёл. Вернулся, только успокоившись. В итоге мои знания о первой ночи ограничились спальней и кровью. Остальное, сказал Людо, мне не понадобится, я ведь в действительности не собираюсь исполнять супружеский долг леди Йосы. Ну, ещё нужно знать про традиционный кубок с вином, который молодая жена преподносит мужу.

– Так откуда? От матери? – настаивала леди Йоса. – Моя скорее б лопнула, чем сказала!

– А вы? От помощника грума? – дерзко спросила я.

Она удивлённо поморгала, а потом вдруг прыснула, прижав ладонь ко рту.

– Нет, не от него.

– То есть леди Катарина ошиблась, и вы не...

– На пару лет раньше, – пояснила она. – У моей матери был духовник. Она думала, он её любит. Настолько, что когда мне было двенадцать, отец вдруг скоропостижно скончался. Знаете, он был неплохим человеком. Как-то раз я осталась после мессы, и...

Интересно, была бы она столь откровенна, если б уже не сажала меня мысленно в дроги Жнеца?

– Да и я вовсе не о крови, – она лениво скинула туфлю и, уперев пятку в колено, принялась нарочито медленно растирать стопу. – А о том, как доставить и получить удовольствие. Вы что, совсем ничего об этом не знаете? Не слышали перешёптывания служанок по углам? И картинки не видели? Ну, уж случку собак-то заставляли?

Рука зачесалась вlepить ей пощёчину за снисходительность тона. Теперь она смотрела чуть свысока, словно презирая меня за незнание.

К снисходительному тону прибавилась ещё и снисходительная улыбка, доведя меня до белого каления. Леди Йоса в последний раз с непристойной неторопливостью провела рукой по стопе, вернула ногу на пол и расправила подол:

– Ну, так слушайте. – Проворно привстав со своего места, она уселась рядом. Вдова осталась в одиночестве, похрапывая в углу. Набрякший подбородок клонился к груди, чепец накренился. На ухабах она скидывала голову и сонно ворчала, не открывая глаз.

– Сперва он, скорее всего, велит вам раздеться и лечь, – зашептала леди Йоса под цокот копыт снаружи и скрип повозки. Она сидела так близко, что я ощущала тёплое дыхание на лице. – Лучше сделайте это сами, пока будете ждать в опочивальне. Потом Его Величество может дотронуться здесь, – она коснулась моей груди, или тут, – провела костяшками по шее.

– Рукой? – спросила я странно хриплым голосом.

– А это уж как захочет, – рассмеялась она. – Мне продолжать, или мои речи скучны и ничего нового не сообщают?

Я промолчала, и она, лукаво улыбнувшись, снова заговорила. Много из того, о чём она поведала, оказалось неожиданно знакомо. Просто раньше я не подозревала, что под «потерей целомудрия» и «исполнением супружеского долга» разумеют именно это. В народе-то проще называют...

Останься я дома, получи воспитание настоящей леди, вероятно, пребывала бы в неведении и по сей день. Но в дороге взрослеют быстро. А в моей жизни было слишком много дорог...

Впервые с вопросом я столкнулась год на третий наших с Людо скитаний. Наверняка случалось что-то и раньше, но мне не запомнилось. В тот день мы заночевали в храме. Их двери открывались для всех без разбора, лавки на ночь сдвигали к стенам, и люди укладывались на пол вповалку.

Проснувшись я среди ночи от возни по соседству. Какой-то крестьянин вскарабкался на женицу и двигался на ней взад-вперёд. Он кряхтел, она постанывала.

Я растолкала Людо.

– Гляди, смешные...

Но брат почему-то не смеялся.

– Эй, вы там, уймитесь! А ты, Лора, заткни уши и отвернись.

– Зачем это?

– Делай, как сказал! – рявкнул он.

Я обиженно накрыла уши ладонями, но так, чтобы всё слышать. Отвернувшись по тому же принципу. Парочка не обратила на окрик никакого внимания. Слово за слово, тумак за тумак. Вокруг начали просыпаться, заворчали, заругались, прибежал всполошённый клирик... в общем, из храма пришлось уйти.

– Людо, а что они делали?

– Отстань, Лора. И вообще забудь, что видела.

Но случай, как нарочно, не выходил из головы. В последующие месяцы я ещё не раз видела подобные сцены, не только в храмах, но и на постоялых дворах, где на одну кровать укладывались до дюжины человек, однако уже не будила брата. Действо было не слишком похоже на то, что описывала леди Йоса. Скорее уж и впрямь напоминало случку собак. Много сопенья, много возни, и вообще выглядит... так себе. Но участникам явно нравилось.

Примерно тогда же Людо начал пропадать по ночам, и не только по ночам. Отлучался ненадолго и оставив под присмотром какой-нибудь матроны, но я всё равно чувствовала себя брошенной и несчастной, а дознаться о причине уходов не получалось: стоило спросить или попытаться последовать за ним, сразу злился. Как-то поздним вечером я лежала на постоялом дворе и, глотая слёзы, слушала, как трактирщик зовёт свою дочь с крыльца. Я-то видела, что они с Людо спрятались в сарае... Вернувшись, брат по обыкновению улёгся сзади, подгрёб меня и, уткнувшись носом в макушку, собрался спать.

Я выставила локоть:

– Уйди.

– С чего это?

– Просто уйди, и всё.

– Куда мне идти? Ночь на дворе!

– Иди обратно... к той.

– К кому? – нахмурился он, приподнявшись на локте.

– Откуда я знаю её имя! – огрызнулась я, хотя, конечно, уже знала. Ещё бы: её папаша битый час его орал!

– Лучшие не выводил меня, Лора. Разве я не предупреждал, чтоб не спрашивала?

– А я и не спрашиваю. Больно надо!

Хотя очень хочется понять, чего она такого знает или умеет, что меня ему недостаточно.

Я отодвинулась на край матраса и ровно задыхалась, делая вид, что сплю, а сама не сомкнула глаз до утра. Даже пошмыгала, мучительно переживая происходящую перемену: в жизни Людо появилось нечто, куда мне путь заказан и о чём он не рассказывает. Я чувствовала развешивающуюся между нами пропасть и не знала, как всё исправить. Отчаянно хотела, чтобы было, как раньше, но, как раньше, не получалось. Я смутно догадывалась, что всё это неким образом связано с давней сценой в храме и тем, что происходит между мужчинами и женицами, но гнала от себя гадкие мысли. Людо не такой! Мы же лорды, а не какие-нибудь вилланы, эта возня для них. Благородные уж точно ничем подобным не занимаются... Должна быть другая причина, и, может, если я её дойму, то пропасть удастся преодолеть?

Я ненавидела каждую, с кем он уходил.

Но других версий не находилось. Несколько недель спустя я спросила у Людо, зачем мужчины ложатся на жениц. Тогда брат впервые меня ударил... Решил, что не просто так интересуюсь.

– Если хоть раз, слышишь, хоть с кем-то из них тебя застану... на меня смотри, говорю! – И я, втянув голову в плечи, смотрела в подёрнутые пеленой глаза, пока он, держа за ворот, отвечивал пощёчины.

Людод-то через час остыл, а вот я целый месяц с ним не разговаривала и игнорировала лишние куски хлеба, равно как горсти свежих ягод в подоле и даже новый гребень. Но в глубине души чувствовала, что он был прав. Мне не следовало спрашивать. Зато весь месяц Людо был только мой, ни разу не отлучился. Ради этого стоило спросить...

Позже я, конечно, узнала, что так простонародье развлекается и заводит детей. И что надо соблюдать осторожность, чтобы не приняли за одну из них...

Рассказ леди Йосы не только восполнил имеющиеся пробелы, но и ошеломил: неужели всё? Я не могла примерить такое поведение к родителям, например, или их высокородным приятелям. Вспомнив отлучки Людо, помрачнела: подтвердилось то, о чём я и так в общем-то давно догадалась. Но как от этого можно получать удовольствие? И что значит «я сама захочу»? А дети точно по-другому не могут появиться, например от большого желания или горячей молитвы? Нет, смеялась леди Йоса, только так. Поэтому нужно пользоваться специальным травами, если не хочешь понести. Я всё равно до конца ей не поверила. Наверняка есть другой способ, и она специально поддразнивает, либо просто не знает о нём. Я хотела спросить ещё о чём-то, но тут её настроение резко переменялось. Она словно бы впервые заметила, как близко мы сидим, и отодвинулась, а потом и вовсе пересела обратно к вдове. Веселья как не бывало.

– А вообще забудьте все, что я сейчас рассказала, – резко бросила она. – Не приведи Праматерь, Его Величеству понравится – ещё станет докучать мне потом каждую ночь. Так что просто лежите и, сцепив зубы, терпите. Покорность, а вовсе не невинность – главная добродетель женщины, если верить моей матери. Невинность – всего лишь товар.

Она отвернулась к окну и подарила мне целый час тишины.

* * *

На стоянке Йоса поручила перекидышу зашить платье, которое сама же тайком и порвала. Наряд потом придётся выбросить: шьёт девушка будто двумя левыми ногами. Вдова тем временем кряхтела, втирая целебное снадобье в распухшие суставы.

– Пожалуй, пройду немного перед сном, – беззаботно обронила Йоса, откидывая полог шатра. – Нынче дивная ночь.

Девушка подняла голову от шитья, провожая её тёмным взглядом, но промолчала. Никогда не поймёшь, о чём думает. Выполняет все поручения, но иногда кажется, что вместо «слушаюсь, Ваше Величество» сожмёт пальцы на горле. Есть в ней что-то дикое и неуправляемое. В них обоих это есть... Но то, что отталкивает в женщинах, нередко привлекает в мужчинах.

Кухарка скоблила песком днище котла. Йоса велела ей отвлечься и собрать, что нужно. Та бросилась выполнять. Забрав готовый свёрток, Йоса обогнула крайнюю палатку и очутилась на небольшом участке между лагерем и лесом.

Юноша был там. Смазывал коню натёртые подпругой бока. Животное ему нравилось, Йоса это ясно видела.

– Можете оставить коня себе.

Он полуобернул голову, неопределённо повёл плечом и снова отвернулся.

– Он ведь вам нравится?

Ещё одно неопределённое пожатие.

– Как его назвали?

– Торф.

– А вас мне как называть? Людовик?

– Людо.

– Это полное имя?

– Да.

Рука скользила по шкуре, оставляя жирные дорожки мази.

Йосу начал раздражать этот разговор. Не так она себе его представляла. На неё обычно глазели, а не отворачивались, тем более, когда она давала себе труд так тщательно готовиться к встрече.

– За ужином вы не притронулись к окороку, – сказала она резче, чем собиралась. – Эдак кухарка обидится, решив, что вы брезгуете. Вот, я принесла, попробуйте. – Она протянула свёрток из промасленного пергамента.

– Положите туда. – Он кивнул на плоский камень под дубом, на нижней ветке которого висела седельная сумка.

Йоса едва удержалась, чтобы не швырнуть окорок ему в спину. Вместо этого топнула ногой и сказала высоким звенящим от гнева голосом:

– Смотрите на меня, когда я с вами разговариваю!

Рука на боку коня замерла. Юноша неторопливо отставил мазь, так же спокойно вытер пальцы, повернулся и, ни слова не говоря, двинулся на неё.

Йоса думала, он остановится через пару шагов и, когда этого не произошло, попятилась, невольно покосившись на лагерь. Часовые совсем близко... стоит крикнуть, и кто-нибудь обязательно прибежит. Ей ничего не грозит! О том, что можно попросту не успеть крикнуть, она в тот момент не подумала.

Отступала, пока не уткнулась спиной в дерево. Юноша упёр ладони в ствол по обе стороны от её лица и наклонился непозволительно близко:

– Так смотреть?

Дыхание щекотнуло щеку. Йоса ничего не ответила. Сердце колотилось где-то в горле, грудь часто вздымалась. К страху примешивались любопытство и возбуждение.

Он протянул руку, заставив её ещё сильнее вжаться в кору, хмыкнул, заметив, как она дёрнулась, пошарил в висевшей на суку сумке и извлёк блеснувший лезвием нож. Вот теперь самое время было кричать, но язык присох к нёбу. Прежде чем Йоса успела издать хоть звук, он забрал окорок, который она всё это время, забывшись, прижимала к груди, отрезал ломтик, наколот ножом и с лязгом снял зубами.

Прожевав, отрезал и насадил на острие второй и протянул ей:

– Вы ведь тоже хотите попробовать?

Поколебавшись, Йоса потянулась к мясу, но в последний момент убрала руку и, кинув на него вызывающий взгляд, тоже сняла зубами, медленно, не отводя глаз.

Он ухмыльнулся и провёл пальцем по её нижней губе, надавливая так, что рот непроизвольно приоткрылся.

В этот момент кто-то из рыцарей окликнул товарища, и Йоса вздрогнула.

– Мне пора, – выпалила она, отталкивая руку и, поскольку юноша не шелухнулся, добавила: – Пропустите.

Он, наконец, сделал шаг назад. Подобрав подол, Йоса протиснулась мимо него и поспешила к лагерю. Заворачивая за палатку, обернулась, но юноша уже снова отошёл к коню и стоял спиной к ней. Это было даже досаднее, чем оставшиеся на платье жирные пятна.

6

На исходе шестых суток стало ясно, что наш кортеж у цели. Вокруг раскинулись пашни, на смену бедным почвам пришёл жирный чернозём, на котором плодоносит даже воткнутая в землю палка. К голосам знакомых птиц прибавилось множество незнакомых, в пролесках стали чаще мелькать звери. Они провожали наш караван любопытными взглядами и безбоязненно выбегали на дорогу, из-за чего пришлось несколько раз останавливаться и прогонять их камнями.

Утром восьмого дня мы миновали первые аванпосты на границе владений королевского дома, а уже к вечеру наше путешествие закончилось перед длинным светлым строением. Над входом висел сдвоенный брачный герб: три червлёных²¹ волчьих гончих Скальгердов на золотом поле слева соседствовали с лаской Венцелей на лазурном справа. Согласно древнему обычаю, леди Йоса должна была войти туда наследницей своего рода, скинуть одежды, облачиться в наряд, заготовленный для неё семьёй будущего супруга, и выйти с другого конца уже невестой короля. Так она символически оставляла прежнюю жизнь позади, чтобы вступить в новый дом.

Она могла взять с собой в сопровождающие одну женщину или девушку по выбору. Ещё одна, со стороны жениха, уже дожидалась внутри.

– Леди Лорелея, вы пойдёте со мной.

– Да, Ваше Величество.

В памяти осталось, как хрустели стебли лилий под нашими ногами, в воздухе кружили снежинки пыли, и как прерывисто дышала леди Йоса. Второй помощницей оказалась русоволосая женщина по имени Мод. Она ловко расшнуровала рукава и стянула с леди Йосы платье, а следом и камизу, оставив её обнажённой и дрожащей. Я помогла нарядить её в алое платье-робу с широкими посечёнными рукавами, отделанными фестонами²² листообразной формы, и золотое сюрко²³ с широкими проймами. Пока я застёгивала тяжёлый от драгоценных камней пояс с кошель-эскарселем и свисающими до земли кисточками, Мод надела на неё покров и филлет²⁴ замужней дамы.

Потом мы снова шли по длинному коридору, к другому выходу. Он вывел нас на берег озера Хидрос, где уже дожидались остальные, включая Людо, и белая ладья с гребцами, похожая на одного из лебедей, грациозно скользящих по чёрной глади озера. Неподальку покачивались две галеры, патрулировавшие берег.

Леди Йоса на миг замерла, прижав руку к груди, и я вместе с ней. Представшее глазам зрелище потрясало и подавляло. С южного берега, где мы стояли, королевский замок был виден, как на ладони. Его бастиины раскинулись на вдающемся в озеро полуострове, но отсюда казалось, что древние, как глыбы мира, крепостные стены вырастают прямо из воды, и замок парит над нею, надвигается на нас несокрушимой мощью своих глухих неприступных стен. В нём не было ни капли изящества – только надёжная крепость.

Удачное расположение – важная, но далеко не единственная причина, по которой родовое гнездо Скальгердов ещё никому не удавалось взять за всю историю. Другим отпугивающим мотивом служил могущественный Покровитель, один из древнейших. Всё, что мы видели, проезжая через их владения – плодородные поля, изобилие редких птиц и зверей, полноводные реки, – подпитывается от его силы. Я почти слышала гул земли под ногами и чувствовала

²¹ Красных.

²² Декоративный элемент, орнаментальная полоса с обращённым вниз узором в форме листьев, цветов, ступенчатых зубцов и т. д.

²³ Вид короткой средневековой верхней одежды без рукавов либо с короткими и широкими рукавами.

²⁴ Тонкий ободок.

пронизывающую это место энергию, потоки которой опутывали незримой сетью берега, пролегли глубоко под замком, поддерживали жизнь на многие мили вокруг.

Самые могущественные Покровители обретаются на пересечении лей-линий²⁵, послабее – вблизи. Род со слабым Покровителем – всё равно что не воронёный доспех: рано или поздно заржавеет.

Только члены семьи знают, как призвать своего замкового духа, и это, конечно, держится в большой тайне. Когда-нибудь это знание перешло бы по наследству от отца к Людо, но теперь этого уже не произойдёт.

Многие изображают своего Покровителя на гербе, но действительно ли он выглядит именно так, проверить, по понятным причинам, невозможно.

Скальгерды потому и правят испокон веков, что на их стороне слишком многое: один из древнейших Покровителей, природные и рукотворные укрепления, легенда о водяном чудовище, которое спит на дне озера Хидрос, зарывшись в ил, но пробудится в случае опасности, и мощный дар. Лес вблизи замка не случаен. Каждый из обитающих в нём зверей – дополнительное звено в цепи их власти. Если нас, Морхольтов, в народе называют «перекидышами» или «хамелеонами», то Скальгерды известны как «звероусты»: их дар в умении общаться с животными, управлять ими. Говорят, много веков назад кому-то все же взбрело в голову напасть на замок. Часть армии двинулась с севера, через лес. Из более чем пятисот воинов, вошедших в него, не вышел ни один. Те, кого послали следом, не смогли разглядеть траву под ковром из чисто обглоданных костей своих товарищей.

Поэтому надо быть непроходимым тупицей, чтобы атаковать в открытую.

Мы погрузились в ладью и отчалили от берега. Люди короля были все, как один, одеты в цвета рода – красный с золотом. Мы с Людо, единственные темноволосые на судне, выделялись, как вороны среди аистов. Даже леди Йоса, с её белокурыми локонами и в здешнем платье, уже казалась одной из них. На неё, как всегда, глазели. В открытую не осмеливались, но по лицам воинов ясно читалось, что красота будущей королевы им по вкусу. Красота вообще везде в почёте. Это уродам приходится нести ответ за свои изыяны.

Её Светлость больно стиснула мою руку, не отрывая напряжённого взгляда от замка. Утки и лебеди скользили с нами наперегонки, а в чёрной воде отражались лохматые низко плывущие облака, подсвеченные закатными лучами. Казалось, герб Скальгердов отпечатался даже на небе: солнце затопило его кипящим золотом до самого горизонта, оставив на границе стихий три багровые полосы, дрожащие в воде дорожками пролитой киновари²⁶.

Меня охватила дрожь, в висках застучало, а во рту появился противный кисло-металлический привкус. Гребцы завели ритмичную песню, отдававшуюся в ушах буханьем набата. Я больше не различала лиц, мрачных красот этого места и пылающих на небе красок, а вместо длинношеих лебедей видела плывущих по рекам покойников, сделавших воду непригодной для питья. Ещё видела наши фамильные поля, сожжённые, кормилицу, как-то по-глупому завалившуюся набок, со стеклянными глазами и обиженно оттопыренной губой – конечно, она обижена, ведь за всю жизнь и мухи не обидела и не заслужила быть зарубленной на пороге моей спальни... видела отцовские пальцы с вздувшимися костяшками, судорожно комкающие простыни, и кровавую жижу, с бульканьем стекающую из почерневшего рта, мать, загораживающую его постель с мечом в руках. Она успела ранить двоих... Я снова слышала гул огненной стихии, треск проваливающейся крыши, скрежет гранёных когтей по стене трофейной и вой, с которым огромная туша срывается вниз, проламывая плиты, извивается, раздирает шпалеры в борьбе за свою и наши жизни. А следом – внезапная оглушающая выворачивающая внутренности тишина...

²⁵ Аналог энергетических линий.

²⁶ Ярко-красная краска.

Малиновый воздух дрожит и рассыпается искрами, свинцовые наличники текут от жара, Артур катается по полу, прижимая ладони к лицу и рыдая от боли, а языки пламени сжигают мой прежний мир...

– Праматерь Покровителей! Вы хотите мне пальцы сломать?! – Этот раздражённый возглас возвращает меня обратно на ладью. Ещё какое-то время я тупо смотрю на леди Йосу, недовольно потирающую руку. – Вам-то что волноваться, – шёпотом бросает она, – не вы обречены чахнуть в этой тюрьме. Разок раздвинете ноги, и станете потом свободны и богаты, будь вы прокляты за это!

Я, тяжело дыша, оглядываюсь вокруг, удивлённая, что озеро всё ещё на месте: не вскипело и не испарилось от огненного ада моих воспоминаний. Провожу слабой рукой по лбу, платье противно липнет к спине.

В этот момент массивная решётка надвратной башни со скрипом поднимается над головой, роняя на разгорячённое лицо холодные капли, и мы проезжаем под «смоляными носами» и бойницами. Короткий тёмный тоннель выводит в передний двор к доку и выстроившейся вдоль канала толпе. Люди приветственно кричат, раскручивают трещотки, машут зажжёнными лучинами, напевают друг на друга, пытаюсь разглядеть будущую королеву и прибывших с ней гостей. Всё это видится мне словно бы в тумане, картинка расплывается по краям, а звуки приглушены. Всюду мельтешение, в небо срываются нестройной стаей оранжевые фонарики, в нас летят ленты и венки из барвинка²⁷. Потом ещё одна надвратная решётка, и канал сворачивает к трёхэтажному паласу, за которым высится донжон.

Здесь людей уже на порядок меньше, и ведут они себя более сдержанно.

Это канал для почётных гостей, оканчивающийся возле центрального жилища. Ступени спускаются до самой воды, где лестницу стерегут два мраморных грифона.

На верхней площадке у входа в палас застыли четыре фигуры в богатых одеждах: король, смазливая девушка лет четырнадцати, наверное, его сестра Бланка, юноша с каштановыми кудрями и серьёзным лицом с правильными мягкими чертами... Мой взгляд остановился на четвёртом, облачённом в тёмно-изумрудный упелянд²⁸ до земли, отороченный соболиным мехом, и сердце исступлённо забилося. Я-то думала, что едва его узнаю. Что годы согнули его, иссушили, убелили сединами и превратили в дряхлого старика, ведь с нашей последней встречи для меня прошла целая жизнь. Но он совершенно не изменился: те же золотистые без единой серебряной нити волосы, короткая борода, скорее даже щетина, высокая широкоплечая фигура, проникнутая небрежным спокойствием, и внимательные серые глаза. Когда они скользнули по мне, я забыла дышать. Узнает ли он девочку, некогда отчаянно молившую взять её в жены?

Но взор регента быстро перебежал на будущую королеву и сосредоточился на ней. Почувствовав руку, я обернулась. Людо. Он успокаивающе сжал моё плечо, и в лихорадочном блеске глаз брата я увидела отражение разрывавшего меня чувства.

Взгляд снова притянуло к стоящему на крыльце человеку – все прочие перестали существовать. Казалось, я сейчас упаду или закричу, или ладья перевернётся от сотрясающей меня дрожи. Слава Праматери, он дожил до этого дня, не преставился от какой-нибудь глупой болезни или несчастного случая!

Ведь целых семь лет каждую ночь я видела его во снах и, просыпаясь, разбитая, опустошённая, грезилась о встрече. Мечтала о том мгновении, когда всажу кинжал в его чёрное сердце по самую рукоять и скажу:

²⁷ Венки с нежными цветами небесно-голубого или розоватого оттенка.

²⁸ Длинная мужская верхняя одежда знатных мужчин. Мог застёгиваться сверху и до талии. Их шили из парчи, бархата и других плотных тканей.

«Ты пришёл в наш дом, как гость, и подло ударил в спину. Ты убил всё, что было мне дорого, лишил будущего, семьи и веры – и за это умрёшь».

Людо, когда я с ним поделилась, сказал, что речь слишком длинная, а клинок может соскользнуть с рёбер, поэтому лучше молча ударить в печень, как он меня учил, и повернуть. Для него важен сам факт, но только не для меня, мне этого мало.

В моём воображении из развёрстой раны текла тёмная и густая, как смола, кровь. Руки шарили по груди, тщаь выдернуть кинжал, а в глазах метались ужас и стыд. О, Бодуэн Скальгерд непременно умрёт, но сперва увидит свой дом в руинах, королевский род угасшим, а всех, кого любит, отбывшими в Скорбные Чертоги. Если такие, как он, вообще способны любить.

Ещё в моих мечтах у него был сын, гордость и надежда отца: красивый золотоволосый сероглазый малыш, которому я перережу глотку у него на глазах, потому что нет ничего больнее, чем терять тех, в ком течёт твоя кровь. А регент должен страдать стократ сильнее, чем страдала я. Из-за него прежняя Лора умерла семь лет назад, сошла с ума от горя, и вместо неё на свет появилась новая, та, в чьих жилах – ненависть, а в душе вечная ночь. С того дня прежний мир раскололся на два: первый тесен, в нём есть место только для меня и Людо, а второй населён всеми остальными людьми, считающими нас с братом проклятыми выродками. А когда люди во что-то верят, их нельзя разочаровывать.

Как во сне, мои ноги поднимаются по ступеням, руки машинально придерживают подол, то и дело выскальзывающий из потных пальцев. Кажется, я кому-то что-то отвечаю, возвращаю приветствия, и мой голос звучит на удивление спокойно.

– Не пялся на него так, – шипит Людо, и я с трудом перевожу взгляд на короля.

Годфрик, как и обещал его дядя, вырос, ещё сильнее вытянулся, но отнюдь не возмужал. В нём по-прежнему не чувствуется силы. Лицо такое же равнодушное и безжизненное, и красота невесты не возбуждает огня в глазах. Гладкие красные волосы разделены на пробор и висят сосульками ниже плеч. Золотой обруч короны смотрится на них тусклой железкой. Есть злая ирония в том, что я куплена на ложе человека, некогда притворявшегося моим женихом...

Её Высочество леди Бланка, как я уже сказала, смазлива. Волосы мягко-рыжего оттенка обрамляют нежными локонами лоб и виски и спускаются до талии, кожа припорошена золотистыми веснушками. Не похожа ни на дядю, ни на брата. Гордо вздёргивает подбородок, но в карих глазах – затаённая робость, и пальцы нервно комкают подол. Когда Людо подходит ближе, смотрит на него, приоткрыв рот...

Тут я вспомнила о юноше, стоявшем чуть позади Бодуэна, и впилась в него оценивающим взглядом. Сын? Нет... слишком взрослый для сына, лет двадцати. На брата, племянника и вообще родственника не похож, черты совсем другие, да и волосы не рыжие... Кем же он им приходится, раз встречается высоких гостей вместе с королевской семьёй? Добротный, но без богатой отделки костюм и манера держаться чуть позади Бодуэна указывают на нечто вроде личного секретаря или помощника, и мой интерес к нему угасает.

Ступени заканчиваются, и над головой проплывает тимпан²⁹, украшенный вложенными друг в друга арками, создающими иллюзию нескончаемости. По бокам от входа установлены колонны, из которых лезут волчьи гончии. Пасти оскалены, мускулы напряжены, тела готовятся к прыжку. Кажется, ещё немного, и мрамор лопнет, рассыплется в прах под напором их неукротимой ярости, выпуская псов на волю.

На пороге мы останавливаемся, чтобы пропустить сперва леди Йосу, идущую рука об руку с Годфриком, и остальных членов королевской семьи. Давешний юноша оказывается

²⁹ Пространство над дверями, имеющее полукруглую или стрельчатую форму и в большинстве случаев украшенное скульптурным, живописным или мозаичным изображением.

рядом, предлагая сопровождение. Голос такой же располагающий, как внешность, но без железных ноток, отличающих сильных духом людей.

Помощь? Да, благодарю. И мне приятно знакомство...

Я забываю его имя, едва оно произнесено. Он что-то говорит... достаточно просто кивать в ответ. Мой взгляд непроизвольно возвращается к рослой фигуре в упелянде. Если протяну руку, смогу коснуться его... Мне этого нестерпимо хочется – просто чтобы убедиться, что он не очередной сон, коих посетило меня за последние годы тысячи. Но я одёргиваю себя в последний момент. Осталось совсем чуть-чуть, надо набраться терпения. А ближе к развязке оно, как назло, всегда истощается.

Я оглядываюсь на Людо, и в его лице такое же нетерпение, но и предостережение: торопиться нельзя, только не в этом деле...

Мной владеет чувство сродни тому, какое испытываешь, отпуская на волю бабочку или устанавливая последний элемент на вершину карточного домика: одно неловкое движение, и вся конструкция рассыплется.

Я поворачиваюсь к своему спутнику и, не в силах сдержать возбуждённой радости, улыбаюсь. Наверное, он принимает это на счёт своих слов, потому что улыбается в ответ и что-то поясняет.

На миг прикрыв глаза, я представляю на месте неприступного замка изъеденный плесенью остов, постепенно затягиваемый болотом, в которое превратилось озеро; заброшенный док с гниющими галерами, чахнувший высохший лес и легендарное чудище, выползшее из глубин и издыхающее на берегу белым червём. А среди обломков плавают, раскинув руки и незряче уставившись в небо, три рыжеволосые фигуры, одна ещё и с кинжалом в груди. Их пряди, расправившись неводом, мешаются и запутываются в водорослях.

И когда это случится, когда все до единого Скальгерды сойдут в чертоги Скорбного Жнеца, а наследие их окажется предано забвению, я буду знать, что отец смотрит на нас с Людо с небес и улыбается.

7

Согласно плану, я не пошла на следующий день в часовню на брачный обряд. В пути мы с леди Йосой условились, как всё лучше устроить, и я действовала строго по намеченному. Утром пришла в её покои и застала там с дюжину фрейлин – все девушки благородных кровей. Ещё примерно столько же пришло в следующие четверть часа, пока Её Светлость принимала ванну с ароматическими травами и маслами за ширмой, куда имели доступ только две служанки. Едва она вышла, распаренная и благоухающая, как оказалась в плотном кольце фрейлин. Каждая тянула на себя, желая выслужиться: сразу две взялись расчёсывать мокрые волосы, три бросились к лежащей на кровати камизе, едва не порвав её, ещё три боролись за право втереть в тело госпожи смягчающую мазь.

– Леди Лорелея, что с вами?

Даже я решила бы, что беспокойство в её голосе неподдельное.

– Женские недомогания, Ваше Величество, – ответила я заученную реплику и потупила взор.

– Вы вся зелёная, ступайте к себе.

Я вскинула глаза в деланом испуге, чувствуя, что актёрка из меня никудышная. Хорошо хоть бледность, как и румянец, умею напускать на себя мастерски.

– Нет, прошу! Я должна быть сейчас с вами... Не тратьте на меня мысли в этот час.

Язык еле ворочался, выталкивая чуждые моему характеру и чувствам слова, хотя я несколько раз повторила их вслух, прежде чем выйти из своей комнаты.

– У меня хватает помощниц, – она обвела рукой ораву высокородных прислужниц, – справятся и без вас. Не хватало ещё, чтобы вы грохнулись во время речи священнослужителя и всё испортили.

Послышалось сдавленное хихиканье.

– Простите, Ваше Величество.

Я отступила, не поворачиваясь спиной, и она сделала нетерпеливый жест.

– Всё, идите. А вы, леди Жанна, – повернулась она к розовощёкой шатенке с жемчужной ниткой в волосах – надо же, уже различает фрейлин по именам, – проследите, чтобы леди Лорелея принесли тёртых отrostков горлеца.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

Исполненный смирения и достоинства поклон предназначался леди Йосе, а раздражённо поджатые губы – мне. Леди Жанна неохотно отдала отвоёванный такими трудами гребень той самой помогавшей нам Мод, своей близкой подруге, как я позже узнала, и направилась к двери.

Меня провожали чуть презрительными и вместе с тем завистливыми взглядами: будущая королева в день собственной свадьбы снисходит до заботы о фрейлине. Разумеется, такое внимание объясняется тоской по родине, с коей я остаюсь единственной связующей ниточкой и напоминанием. И каждая втайне надеется затереть эти воспоминания и занять место близкой подруги и наперсницы подле госпожи. Сказать бы им всю правду и посмотреть на лица.

В коридоре мы с леди Жанной разошлись в разные стороны: она на поиски травника, я же – к своим покоям. Уединение в виде отдельной, пусть и крошечной, каморки, переделанной из склада для инструмента при рабочей комнате, которое мне здесь подарили, было до недавнего времени недоступной роскошью.

Мой путь пролегал мимо ниши, в которой установлена высоченная, метра три, скульптура Праматери. У стоп её копошатся всевозможные твари, реальные и вымышленные: тигры, аспиды, мыши, мантикоры, единороги, лебеди, барсуки, онагры, сатиры, птицы каладриус, йейлы, левкроты и многие другие. Среди прочих размерами и тщательностью проработки выделяется волчья гончая. Её Праматерь треплет за ухом, отдавая явное предпочтение перед

другими. Там же прикреплены огарки свечей и рассыпаны подношения. Для тех, кто желает произнести молитву в уединении, предусмотрены шторы. Этой нише предстоит ближе к вечеру сыграть особую роль.

Заслышав голоса, я резко останавливаюсь. Один незнаком, второй принадлежит Годфрику. Они направляются сюда, о чём-то ссорясь, и я, недолго думая, прячусь за изваяние. Почти сливаюсь с ним, прижавшись щекой к холодному мрамору и стараясь заглушить удары сердца. В следующий миг оба показываются из-за поворота. Я удобно устроилась в густой тени, а потому могу осторожно выглянуть. Годфрик уже одет для церемонии, на его спутнике одежды пажа, и он прекрасен, как Нарцисс – Покровитель в облике юноши, каким его изображают на миниатюрах в книгах: белое золото волос, утончённый овал лица и бездонные синие глаза. Только на миниатюрах у Нарцисса не искусанные в кровь губы, и голос я представляла себе холодным и властным, а не униженно блеющим.

– Но почему? – сдерживая слёзы, восклицает он и останавливает Годфрика за рукав.

Тот стряхивает руку и быстро оглядывает коридор.

– Сам знаешь, почему, и я в тысячный раз повторяю, что это временно.

– Временно? – тут же хватается за надежду тот. – Сколько: неделя? Месяц? Год?

– Откуда мне знать! – теряет терпение король. – Сколько понадобится. Сам знаешь: люди дяди разве что в нужник со мной не ходят, и ты сейчас не упрощаешь мне задачу.

– Но ты ведь обещаешь вернуть меня ко двору?

– Я сделаю всё от меня зависящее, – дёргает плечом король.

– Что это значит? – В голосе прорезаются истеричные нотки, и Годфрик вскидывает ладонь, призывая юношу говорить тише. – Ты охладел ко мне? – покорно понижает голос тот.

– Не будь идиотом, Абель! – Годфрик трёт руками лицо, отчего кожа становится морковного цвета, и на ней проступают веснушки. – Как же мне всё это опостылело...

– И я опостылел?

– И ты! – сорвавшееся с языка. – Временами...

Юношу словно ударили – по щеке даже расплзается пятно, как от пощёчины, хотя Годфрик его и пальцем не тронул. Напротив, подчёркнуто старается сохранить меж ними расстояние на случай, если кто-то ещё покажется поблизости. Проглотив обиду, Абель обезоруживающе улыбается и притягивает короля за талию.

– Просто скажи, что будешь скучать, – шепчет он. Старается говорить обольстительно, но выходит довольно жалко – наверное, из-за мечущегося в глазах отчаяния. Глаза всегда выдают с головой. Именно поэтому я стараюсь держать свои опущенными.

– Не будь смешон, – резко отталкивает его Годфрик и снова оглядывается. – Ты делаешь всё, чтобы мы больше не свиделись!

– Почему ты так говоришь? – Уже не сдерживаясь, плачет Абель и протягивает ладонь, чтобы коснуться его лица. – Разве ты забыл: твоё сердце стучит лишь потому, что бьётся моё. И кончина не так страшна, ибо мы встретим её, взявшись за руки...

– Нет, не помню! – пятится Годфрик. – И ты забудь. – Уже отвернувшись, бросает: – Ты ни в чём не будешь нуждаться. Одежда, еда, кони – всё, что захочешь.

– Но я хочу тебя!

Возглас повисает в пустоте, потому что король уже скрылся за поворотом. Абель ещё какое-то время стоит, глядя ему вслед – грудь сотрясается от беззвучных рыданий – а потом разворачивается и почти бегом бросается прочь, туда, откуда они пришли.

Значит, правду судачат о короле.

А Абель – идиот. Похоже, у него не было отца, который сказал бы, как мой: «Запомни, за стенами дома у тебя нет друзей. В определённый момент на жизненном пути тебе, надо думать, покажется иначе, ты решишь, что встретила добрых сочувствующих людей. Но таких среди посторонних нет. Лишь члены семьи будут искренне рады твоим радостям и разделят с тобой

горе. Все остальные готовы только брать и использовать. Проявив для вида сочувствие, они втайне порадуются твоему несчастью и при первой возможности постараются уязвить, насмеяться и урвать у тебя кусок пожирнее. Отдавая другому чувство и мысли, ты отдаёшь ему власть над собой. Лучше б тебе никого взаправду не любить, кроме семьи, Лора».

Теперь от всей семьи осталось всего ничего... Прежде я была слишком мала, чтобы понять и оценить слова отца, и только когда начались наши с братом мытарства, постигла их правоту. Встречавшиеся мне на пути люди готовы были только брать и радовались, когда им это сходило с рук.

Поэтому Абеля мне не жаль: тот, кто бездумно растрчивает себя, не должен жаловаться, что его разобрали на части. Вдобавок, никогда в жизни я не посочувствую тому, чьё сердце на стороне кого-то из Скальгердов!

Людо ждал меня в комнате.

– Принёс? – Я быстро прикрыла дверь.

– Да. – Он протянул мне то, о чём мы договаривались.

– Годфрик уже направился в часовню, я только что видела. А мне вот-вот принесут траву, и тебя не должны застать.

– Не застанут. – Людо откинул волосы мне за спину и погладил щёку. – До пира мы вряд ли ещё свидимся, а там ты уже будешь ею, так что я хотел сказать... просто делай, как договорились, Лора.

Я слотнула и кивнула. Он не отпускал щеку, и я почувствовала, как напряжена рука.

– И обещай: что бы ни случилось... ты не ляжешь с ним.

Значит, и он об этом думал. И, верно, забыл, что мне положено знать только про кровь и спальню, но не о том, что в ней происходит.

– Даже если что-то пойдёт не так?

– Даже если, – жёстко сказал Людо. – Мы найдём другой способ.

Размышляя в эти дни над предстоящей ночью, я решила, что в случае чего между крахом плана и выполнением задачи, для которой меня наняла леди Катарина, выберу второе, хотя меня воротило при одной только мысли о том, чтобы лечь с Годфриком. Особенно после сцены с Абелем. Людо будет вне себя, но потом поймёт, что так было нужно...

Я отвела глаза, но брат резко развернул моё лицо обратно.

– Обещай! – хрипло повторил он.

Я чуть кивнула, но мнения не переменяла. Он отступил, мгновение молча смотрел и направился к выходу. Выглянув в коридор и убедившись, что снаружи никого, я шире растворила дверь, и Людо беззвучно выскользнул наружу.

Остаток дня старательно изображала хворающую. Теперь отсутствие в часовне и на вечернем празднестве леди Лорелеи Грасье не вызовет вопросов. Главное, что там будет супруга короля. Кем бы она на самом деле ни была.

8

Пир мне запомнился разбитой мозаикой. Мозг отмечал только детали, а не общую картину, и больше на уровне чувственных впечатлений: слепящие огни огромных свечных люстр на цепях, рассыпанные сотнями отражений по залу, густой запах шалфея и лаврового листа, источаемый чашами с водой для мытья рук; затейливые поилки с гренашем в виде фантастических тварей; жирные разводы от губ на поверхности вина в кубках; золочёные клювы и лапки у птиц на золотом же блюде в центре стола; изукрашенный эмалью и узорами шкаф-креденца³⁰, откуда сенешаль³¹ брал поочерёдно единорожий рог на цепочке, жабий камень, агат и прочие змеиные языки³² и касался ими кушаний, проверяя их на наличие яда, прежде чем подать нам на стол, и моему воспалённому воображению мнилось, что рог кровоточит, указывая на заговор...

И люди-люди-люди всюду. От неумолчного шума голосов тяжело бухало в висках и ломило затылок, а от мельтешения головных уборов и нарядов, сплошь из сиглатона³³, атласа и парчи, подташнивало. Перед глазами проносились подбирающие кости с пола звери и хороводы гостей: смеющихся, поднимающих кубки, травящих анекдоты, обжирающихся, давящихся, хлопающих жонглёрке в цветастом расшитом блёстками наряде. Её танец вызвал бурю аплодисментов и не слишком пристойных замечаний, а юбки взметались и кружились, опадали и снова взлетали вверх...

Мои руки, руки леди Йосы, держали ложку и нож с рукояткой из чередующихся полос кости и эбена, больше для вида, потому что всё моё внимание сошлось на том, чтобы не допустить ошибки, не напортачить с какой-нибудь мелочью. Около часа назад мы с Её Величеством обменялись одеждами в нише со скульптурой Праматери. Я переоделась в переданное мне ею заранее простое платье с рукавами на пуговицах, пришла пораньше, спряталась там и считала удары сердца, пока не услышала шаги. Велев сопровождающим остановиться поодаль, она приблизилась к изваянию, якобы для молитвы, и задёрнула штору.

В последний момент я вспомнила о талисмানে у неё на шее и повесила его вдобавок к двум другим предметам, спрятанным в мешочке у меня на груди. О них знаем только мы с Людо. Белокурый волос запустил процесс – тут уже не до разборчивости. Во время превращения леди Йоса держала меня, крепко обхватив обеими руками, а я изо всех сил зажимала себе рот ладонями, давя звуки, могущие выдать нас фрейлинам в полудюжине шагов от ниши. Мы рисковали... весь наш план сплошь построен на риске и балансирует на остром заточенном лезвии.

Теперь любой признал бы во мне молодую и прекрасную супругу короля. Разве что плавные движения леди Йосы трудно скопировать, но я старалась двигаться, как она, повторять интонации. Хотя вряд ли в общей суматохе кто-то замечал разницу, да и некому ещё здесь было знать её так хорошо. Людо сидел за другим, не почётным, столом, и всякий раз, повернувшись туда, я встречалась с ним глазами.

Бланка тоже время от времени косилась на меня, а Годфрик весь вечер смотрел перед собой и часто прикладывался к кубку. Я же в свою очередь изо всех сил пыталась не смотреть на регента. Получалось плохо...

³⁰ Небольшой закрытый шкафчик, использовавшийся у знати и ставившийся около стола. Туда клали предметы, используемые для снятия пробы блюд.

³¹ В описываемое время исполнял обязанности стольника.

³² Предметы, которыми проверялось наличие яда.

³³ Вид шёлковой ткани, из которой шилась богатая одежда.

Словно завороженная, я наблюдала, как рука с крупными красивой формы пальцами подносит ложку ко рту, как вспыхивают массивные перстни, как вокруг рта образуются складки, когда он смеётся, и как меняют цвет волосы, стоит ему тряхнуть головой, и вспоминала другой замок и другой пир, на котором он точно так же был весел и нравился всем подряд. Как мы могли быть так слепы, принимая за искренность голый холодный расчёт? Даже сейчас мне с трудом верилось, что это один и тот же человек, а весёлые глаза могут вмиг стать холодными, как сталь, и рука, хлопающая по плечу соседа, с той же лёгкостью воткнёт ему нож меж лопаток.

Тут меня отвлек шум и вскрик жонглёрки, танцевавшей с чем-то вроде огромных железных вееров, униженных живыми огнями. Кто-то грубо отпихнул её и встал напротив нашего стола. Металлическая пика задела юбку, и та моментально вспыхнула, запахло палёным. Напарники девушки – один ходил на руках, второй показывал трюки с обезьяной, кинулись к ней и принялись сбивать пламя ладонями.

Музыка оборвалась, воцарилась тишина. Все смотрели на худого покачивающегося юношу, в котором я с трудом узнала Абеля. С трудом, потому что от ангельской красоты не осталось и следа. Его запавшие воспалённые глаза с набрякшими веками безуспешно пытались сосредоточиться на нашем столе, грудь была залита вином, а одежда в беспорядке лезла во все стороны.

Он глупо хихикнул и вытер мокрый рот. В тишине прозвучало резко и визгливо. Король сидел, не шевеля ни единым мускулом, лицо, и без того неподвижное, превратилось в маску. Кинув на племянника быстрый взгляд, Бодуэн обратился к юноше нарочито беззаботным тоном:

– Ну и набрался же ты, Абель, но сегодня это всем простительно. Эй, кто-нибудь, усадите его за стол! – Он махнул в сторону самого дальнего, где имелось местечко в углу у стены. – Только сперва отвесьте хорошего тумака и ничего, крепче эля, больше не наливайте.

Слова встретили одобрителем смехом, и на этом всё можно было бы замять, обратив в шутку, но Абель упрямо мотнул головой, отчего его снова повело в сторону, а ноги заплелись.

– А я пришёл не к вам, Вечный Недокороль, неа! – Он покачал пальцем и неловко крутанулся на пятках, словно выбирая ведущего в игре. – Я пришёл лично поздравить новобрачную и пожелать ей до-о-о-лгой и страстной ночи! – Слова предназначались мне, но смотрел он на Годфрика, часто моргая. Тот по-прежнему молчал и не двигался, как застывший в смоле комар.

Абель отвесил глубокий, до самой земли, поклон и, не удержав равновесия, шлёпнулся на пол. Попытался встать и снова упал.

Бодуэн сделал знак страже, уже без фальшивой улыбки, и те двинулись к парню, ползающему в безуспешных попытках подняться.

Гости переговаривались, прикрываясь ладонями, и обменивались многозначительными взглядами, поглядывая то на Годфрика, то на меня.

Не иначе как Ваалу, отец всех козней, вселился в меня в тот миг, заставил встать и громко произнести:

– Постойте! Пусть займёт место рядом со мной. Хочу, чтобы сегодня всем было весело и ничто не омрачало праздника.

О словах я пожалела тотчас. Стражники растерянно застыли, регент посмотрел на меня, словно впервые увидел. Что за затмение на меня нашло, зачем я это сделала? Ради мелкого желания уязвить Годфрика? Заставить Бодуэна наконец взглянуть на меня, пусть и в облиии королевы? Ну, не из жалости же к Абелю...

В глаза среди прочих бросилось лицо Людо, и я мысленно отругала себя последними словами.

– Нет. – Я даже не сразу поняла, что этот холодный безжизненный голос принадлежит королю. – Моя супруга слишком снисходительна. Вышвырнуть его вон.

Абель как раз поднял голову, поддерживаемый с обеих сторон стражниками. Прядь прилипла к лоснящемуся от пота лбу, губы силились что-то произнести.

– Пожалуйста, Годфрик... – услышала я, или мне показалось, что услышала.

– Вон я сказал! – рявкнул король, лицо и шея которого покраснели от гнева. – На псарню его, выдрать хорошенько, а как проспится – за ворота.

Стражники, как по команде, повернулись к Бодуэну, и тот коротко кивнул. Юношу потащили прочь из зала под сдержанные смешки и язвительные замечания гостей. Он, наконец, пришёл в себя и обернулся через плечо, издав слабое:

– Годфрик!

Король отвернулся и махнул жонглёрке, успевшей стряхнуть пламя и теперь переминающейся в опалённой юбке.

– Чего стоишь, продолжай. И вы тоже! – Это уже остальным актёрам. – Те принялись наяривать смычками по струнам, раскручивать трещотки и изображать веселье.

Извивающегося Абеля дотащили до дверей, он упирался длинными хрупкими ногами.

– Годфрииик!

Последний рывок, и он за дверью.

Король так и не повернул к нему головы. Зато наконец посмотрел на меня. Горящими налитыми кровью глазами. И сделал знак прислужнику долить в свой кубок гренаша. Подзывал он его ещё неоднократно в течение вечера. В один из таких разов регент накрыл кубок ладонью, но под яростным взглядом племянника медленно убрал руку. Я уже плохо соображала от духоты и напряжения, вызванного затяжным превращением, и, забыв таиться, смотрела на Бодуэна. А потому вздрогнула, когда он повернул голову и взглянул прямо мне в глаза. Вокруг сделалось очень-очень тихо. Я вдруг обнаружила, что не только он, но все до единого гости смотрят в мою сторону, и помертвела, решив, что личина каким-то образом сползла, обнажив обман.

Но следом стала понятна причина: в зал внесли массивную чашу на бронзовой треноге и установили в центре. Настало время брачной проверки. Той самой, из-за которой настоящая леди Йоса не смогла бы стать королю супругой и покрыла бы свою семью позором.

Я понимала, что надо встать и тоже выйти на середину, но не могла заставить себя подняться. Ноги размякли студнем, под ложечкой противно сосало. Тогда рядом возник давешний юноша, провожавший меня, Лору, в замок. Он сидел в конце нашего стола, часто подходил к регенту, и на этот раз я запомнила, что его зовут Тесий.

– Позвольте, Ваше Величество.

Он подвёл меня к чаше, возле которой стоял ребёнок – девочка лет шести. Она была обряжена в тогу и с трудом держала глиняный кувшин с водой. В кудряшках нежно белел веночек из роз, а на лице застыло серьёзное, под стать моменту выражение. Только невинное дитя может провести эту церемонию.

На плоском днище чаши лежали крупные овальные камни, с виду ничем не примечательные. Девочка качнула кувшин, подула в него и наклонила, выплеснув всё без остатка. Вода заполнила сосуд почти до половины и немедленно вскипела под действием камней. Я склонилась над чашей и ухватилась за края, чтобы удержаться на слабых ногах. В бурлящей поверхности отражалось лицо королевы, бледное и напряжённое, лопающееся сотнями пузырьков.

Существуют, как я недавно узнала от неё самой, разные способы подделать невинность: сунуть монету проверяющему лекарю, поместить в себя шарик хлопка, пропитанный бычьей жёлчью, а ещё лучше вкладыш смолёвки – это растение так раздражает всё внутри, что плоть начинает кровоточить...

Но ничто из этого не годится для «каменного суда», к которому прибегают самые богатые и родовитые семьи, такие как Скальгерды и когда-то наша. Теперь камни со дна чаши прак-

тически невозможно заполучить. Обычно, попав в семью, они хранятся в ней из поколения в поколение и вынимаются для таких вот случаев, как сегодняшний.

А некоторые рода и вовсе не верят в то, что образ первого мужчины запечатлевается на всём потомстве женщины, от кого бы она в будущем не понесла, либо же ставят приданое выше этого, поэтому отказываются от проверок. Но для короля важна чистота наследников.

Про камни я знаю с детства: мать проходила обряд, как до того её мать, и так далее. Я любила слушать рассказы кормилицы о том, как красиво всё было обставлено и сколько собралось гостей. Ужасалась и восхищалась в нужных местах, не вникая, зачем вообще понадобилась церемония и что кроется под «целомудрием» и «брачной обязанностью». Тогда это были всего лишь слова...

Я подтянула повыше рукава и в полной тишине поднесла пальцы к исходящей паром поверхности. Дёрнулась от звона выпавшего у кого-то кубка... Если девушка невинна, кипящая вода не причинит ей вреда. В противном же случае окрасится в алый и обварит до кости. Я затаила дыхание, чувствуя себя, как посетительница рынка, которую заставили открыть суму. Знаю, что честна, но внутри всё трепещет от мысли: а вдруг по какой-то дикой нелепой сумасшедшей случайности в суме окажется ворованное яблоко...

Я нашла глазами Людо и, по-прежнему не дыша и не отрывая от него взгляда, опустила руки в воду... и не почувствовала ничего. Только лёгкое покалывание пальцев, какое бывает, если зайти после мороза в тёплое помещение. Вода вдруг прекратила волноваться, став зеркально-гладкой. По скамьям пронёсся одобрителный ропот. Все посмотрели на короля.

Девочка с тем же важным видом кивнула стражникам, и они, сняв чашу с треноги, понесли ему. Позабывшись о том, чтобы доказательство водрузили прямо на стол, и получив в награду за труды золотую монету (от Бодуэна), она поклонилась и стремглав бросилась к поджидающей в дверях матери, теперь уже широко улыбаясь и демонстрируя дыру на месте передних молочных зубов.

Трапезная взорвалась ликующими криками и поздравлениями.

Только Годфрик, кажется, был не прочь посмотреть, как я корчусь и покрываюсь волдырями.

Не успела я опомниться, как оказалась в окружении фрейлин. Пир для меня окончен, впереди брачная ночь.

* * *

Я покорно позволила фрейлинам раздеть меня до нижней сорочки, с трудом удержавшись от того, чтобы не вцепиться в последний миг в платье, но, когда хотели снять и мешочек, накрыла его ладонью:

– Это останется!

– Как скажете, Ваше Величество.

Потом мне расчесали волосы, сбрызнули их цветочным составом и оставили одну, подвинув ближе традиционный кубок с вином, который надлежало поднести супругу, и тазик с розовой водой – чтобы мыть ему ноги.

Убедившись, что фрейлины действительно ушли, я подскочила к кубку, на ходу вытряхивая из мешочка содержимое. Там ютилось два предмета: крохотный, как на пару капель духов, сосуд с сонной одурью и шарик со свиной кровью, который принёс мне сегодня Людо. План был чрезвычайно прост: я встречаю Годфрика, подношу питьё, отвлекаю на то недолгое время, которое нужно, чтобы оно подействовало, и когда он засыпает, давлю шарик на простынях. Потом жду королеву, объясняю его состояние понятной в таком деле утомлённостью, меняюсь с ней местами и незаметно возвращаюсь к себе. Так я обвожу вокруг пальца сразу

всех: короля, его семью, леди Йосу и её мать. Они будут уверены, что консумация состоялась. Шарик я поместила обратно в мешочек и принялась ждать.

Ожидание неожиданно затянулось, и отступившее было нервное напряжение вернулось, со всеми страхами и лишними мыслями, которые я старательно гнала. Устав мерять шагами покои, я присела на край высокой и довольно мрачной кровати. Крепкие дубовые столбики, жёсткий, как доска, матрас, тяжёлый бархатный полог, затеняющий брачное ложе, и морды волчьих гончих, наблюдающих сверху... Трудно представить, что на таком можно не то чтобы получить удовольствие, но хотя бы не слишком страдать.

В трапезной что-то бряцало, и дерево скрежетало о камень. Пир завершился, столы разбирали и складывали у стен, чтобы челяди было где спать. Выходных особ разместят на третьем этаже – с боковой лестницы то и дело доносились голоса провожаемых наверх гостей.

Тут я вспомнила совет Её Величества встречать короля полностью раздетой и оттянула сорочку, оглядывая чужое тело. Перебьётся. Как и с мытьём ног – лепестки роз застыли на поверхности воды пёстрой ряской. Сразу напую вином, так что всё это не понадобится. Ещё вспомнился Абель... Где он сейчас: до сих на псарне? Разбитый и иссечённый розгами, как когда-то Людо... И позабыл ли Годфрик мой промах, отнесённый на счёт леди Йосы?

Снаружи раздался шум, дверь с треском распахнулась, и одного взгляда на покачивающегося в проёме Годфрика хватило, чтобы понять: не забыл. Он был в ещё худшем состоянии, чем Абель: красные пряди облепили мокрый лоб и шею, в мутных глазах – ненависть пополам с отвращением, словно он смотрит не на красивейшую девушку, а на таракана в сорочке, и губы гадливо кривятся. От неожиданности я примёрзла к кровати.

Он отвернул голову и рявкнул кому-то в коридоре.

– Проваливайте! – Ничего не произошло, и тогда он прорычал ещё громче. – Проваливайте, я сказал!!

Наконец раздалась удаляющиеся бряцающие шаги стражников. Годфрик снова повернулся, качнувшись, ввалился внутрь, захлопнул дверь ногой и двинулся прямо на меня.

Я опомнилась, вскочила и, взяв тяжёлый инкрустированный кубок обеими руками, шагнула ему навстречу. От широкой фальшивой улыбки, которой я надеялась его смягчить, свело скулы:

– Ваше Величество, я ждала вас, и...

– Сука! – Он одним ударом вышиб кубок, и вино, прочертив в воздухе дугу, выплеснулось на белую кожу на полу. Я, онемев, уставилась на алое, как кровь, пятно, не веря, что «простой и надёжный план» только что разлетелся вдребезги, а в следующий миг вскрикнула, потому что Годфрик грубо схватил меня за шею, развернул к кровати и толкнул на живот. От удара о жёсткий матрас выбило дыхание, я тут же попыталась встать, но он навалился сверху, придавив всем весом и обдав запахом пойла.

– Будет тебе брачная ночь, дрянь! – прошипел он мне в ухо, вздёрнув голову за волосы. – Чтоб всем было весело, да?!

Одной рукой он ткнул меня лицом в покрывало, а вторую просунул снизу, рывком ставя на колени, и задрал сорочку до пояса. Я попыталась вывернуться, но лишь беспомощно ёрзала под ним. И вот тогда меня накрыло паникой, захотелось вопить от ужаса, но я едва могла дышать, покрывало лезло в рот, глуша все звуки. Годфрик отодвинулся, возясь со штанами и удерживая меня за затылок. Сердце колотилось, во рту стоял солоноватый привкус из-за прикушенной при падении губы. Праматерь Покровителей! Неужели это действительно происходит со мной? Ведь только что всё шло хорошо! Перекинуться обратно в себя?! Это наверняка поможет! Но тогда придётся попрощаться с возмездием и, скорее всего, жизнью... Я подавила стон. Значит, терпеть. Вцепиться зубами в покрывало и терпеть. В глазах вскипели слёзы бессилой ярости и страха. Раз должна идти кровь, значит, будет больно. Он и держал-то нарочно таким образом, чтобы было больнее. Не так, всё должно было быть не так!

В ягодицы ткнулась обнажённая плоть, и я глубже зарылась лицом в покрывало, чтобы не заскулить от отчаяния и унижения. Ну почему именно с ним и именно в таком положении? Не лёжа на спине, а как собаки или те грязные мужики, сопящие на бабах. Мне всегда это казалось отвратительным...

Я зажмурилась и приготовилась к пытке, но тут Годфрик ругнулся и снова отодвинулся. Вывернув голову вбок, я увидела, что он держится за промежность и пытается... а плевать, что он там пытается! Изловчившись, я изо всех сил лягнула его. Годфрик был на самом краю кровати и свалился назад. Я тоже скатилась на пол, больно ударила локтем, но тут же вскочила. Он ещё пытался подняться, путаясь в полуспущенных штанах и поливая меня бранью, взгляд шарил вокруг, потеряв всякую осмысленность. Тогда я подхватила с пола пустой кубок и наотмашь ударила его. Годфрик упал на спину, широко раскинув руки. Я замахнулась, тяжело дыша, готовая в случае чего снова его приложить, но он лежал неподвижно. Убедившись, что он больше не поднимается, заставила себя разжать пальцы и уронить сосуд, хотя больше всего хотелось бить и бить, пока не вышибу из мрази дух. А вдруг я уже это сделала?! В памяти всплыло другое тело, старое и обрюзгшее, точно так же лежавшее на полу, и разметавшиеся красным покрывалом волосы короля показались мне растёкшейся кровью...

Ноги подломились, и я рухнула на колени. Икая от страха, путаясь в сорочке, подползла к нему, приложила ухо к груди. Стучит... Стучит! Снова икнув, попятилась на руках, подтянула колени, обхватила их и принялась покачиваться вперёд-назад, пытаюсь унять дрожь и рвущийся наружу смех вперемешку с всхлипами. Вот тебе и брачная ночь...

Теперь мои недавние рассуждения о том, что лучше позволить ему делать со мной всё, что захочет, чем сорвать план, казались детскими и незрелыми. Хорошо рассуждать о таком, сидя в безопасной комнате, а не извиваясь под пьяным разъярённым мужчиной. Наверное, правильнее было бы всё-таки вытерпеть и не рисковать понапрасну, но что сделано, то сделано. Теперь нужно думать, как всё исправить.

Немного успокоившись, я потёрла лицо и заставила себя собраться с мыслями. Скоро здесь будет королева, и лежащий на полу Годфрик со знатной ссадиной у виска совсем не похож на счастливого новобрачного. Остаётся молиться, чтобы завтра он ничего не вспомнил, а головную боль принял за последствия невоздержанных возлияний. Мало ли что человеку примерещилось в таком состоянии... Скажу, что споткнулся на входе.

Поднявшись на дрожащих ногах и заперев дверь, я приблизилась к нему и, немного покружив, подхватила под мышки. До чего же тяжёлый! С виду худой, но по ощущениям тащу мраморную статую! Сделав несколько рывков, я остановилась перевести дух. Только тот, кто тащил бессознательного мужчину, знает, что это такое. Я пыталась волоочь, перемещать рывками и толкать, падала, снова вставала и волокла дальше. Один раз в сердцах пнула.

Всеми правдами и неправдами мне удалось втащить его обратно на кровать. Сделав последнее усилие, я упала рядом, хватая ртом воздух и приходя в себя. Волосы почернели: личина в процессе возни сползла. Главное, чтобы Годфрик сейчас не очухался: на правдоподобную ложь меня уже не хватит... Отдышавшись, я снова поднялась, проворно стянула с него штаны и откинула покрывало. Теперь последнее: вынула подрагивающими пальцами из мешочка шарик, едва не лопнув его раньше времени, положила на кровать, глянула на Годфрика и одним ударом кулака размазала по простыни.

Едва успела это сделать и обтереть пальцы, как снаружи раздались шаги, и в дверь тихонько постучали два раза, а потом после паузы ещё два. Я подбежала, распахнула створку и втянула королеву за руку в комнату.

– Вы спятили! – сдавленно охнула она, таращась на меня.

– Это произошло только что, – пояснила я, сообразив, что она имеет в виду личину, – он меня не видел.

Голубые глаза, казавшиеся в свете масляной лампы болотными, перебежали на распротёртого на постели Годфрика и чуть расширились.

– А с ним что?

– Перебрал вина, уснул. Сразу после того, как мы... как он... – изобразив смущение, я ткнула в испачканные простыни. – Годфрик как раз слабо шевельнулся и что-то проямлил, не открывая глаз.

– Ясно. Быстро, помогите мне раздеться!

Она всё ещё была в платье с рукавами на пуговицах, но надела поверх раздобытый где-то – а может, взятый из дома, – передник служанки, а волосы спрятала под каль, что неожиданно изменило её практически до неузнаваемости. Теперь, когда каскад пышных белокурых прядей не отвлекал внимания от лица, черты казались проще и мягче. Я торопливо избавила её от одежды, стянула с себя сорочку через голову и приготовилась накинуть на неё, когда заметила, что она пристально меня рассматривает. Внимательный взгляд скользнул от кровоточащей губы к ногам, и она брезгливо покосилась на Годфрика. Опустив глаза, я увидела у себя на внутренней поверхности бёдер следы от пальцев, которые скоро превратятся в синяки. Судя по всему, на шее они тоже имелись. Но королева так ничего по этому поводу не сказала и сделала мне знак повернуться.

– Теперь ваш черёд, поднимите руки.

Она помогла мне одеться и пристегнуть пуговицами рукава. В обычное время я себе таких не позволяла – не хватало ещё, чтобы приняли за доступную!³⁴

Выглянув за дверь, королева махнула, давая понять, что путь свободен. Я уже переступила порог, когда она поймала меня за локоть:

– Запритесь сегодня.

– Что?

– Запритесь на засов и, что бы ни случилось, никому не открывайте, – выпалила она и отпрянула, потому что в этот момент Годфрик застонал, приходя в себя.

Дверь перед моим носом с треском захлопнулась, оставив одну в темноте.

³⁴ Во времена Лоры пуговицами пристёгивали рукава женщины лёгкого поведения – чтобы платье можно было быстро снять. Добропорядочные предпочитали вшивать их каждый день и отпаривать (рукава были очень узкими, по-другому их было не снять) или же привязывать.

9

Накатила страшная слабость не только от недавнего нервного потрясения, но и от отдачи. Сегодня я удерживала личину на грани физических возможностей, чего делать нельзя. Ещё чуть-чуть, и могла надорваться. В нашей семье такое уже случалось – прабабка так и не оправилась, повредила рассудком. Я и сама не была уверена, что по-прежнему в своём уме: мысли осыпались старой штукатуркой, кожа горела, а в ушах противно дребезжало. Перебирая руками по стене, я дотащилась до комнаты и ввалилась внутрь, как недавно Годфрик. Заметив на постели тень, вскрикнула, но тут же зажала себе рот ладонью, различив Людо.

Он вскочил, миг оказался рядом и стиснул мои плечи.

– Ты в порядке?!

– Да, – выдавила я. – У нас получилось...

И с облегчением полетела в темноту...

А очнувшись уже сидящей на кровати, с подоткнутой под спину подушкой, видя низко склонившегося надо мной брата. Он хотел убрать мои волосы с лица, но пальцы замерли на полпути. Слишком поздно сообразив, в чём дело, я попыталась прикрыться, но он развёл руки и отодвинулся, рассматривая меня: разбитую губу, наливающиеся синяки... Взгляд скользнул ниже, и я инстинктивно свела бедра, прижав подол.

Людо медленно встал, глаза стали пустыми.

– Я его убью, – произнёс он тусклым отстранённым голосом, что в случае брата указывало на последнюю стадию бешенства. – Он тебя...

– Нет, – выпалила я, подавшись вперёд, и схватила его за руку. – Ничего не было. Я его опоила.

– Врёшь!

– Хорошо, вру, не опоила, а оглушила.

Он моргнул, и я рассказала все, как было. Опустив, конечно, тот момент, когда лежала, заголённая, уткнувшись лицом в покрывало, в ожидании насилия. Сказала, что ударила кубком сразу, как поняла, что план с сонным вином провалился.

– Думаешь, он не вспомнит?

– Надеюсь. Он был страшно пьян.

Пояснения забрали остатки сил, и я вновь откинулась назад, прислонившись затылком к восхитительно-прохладной стене.

– Пожалуйста, просто помолчи со мной.

Людо сел обратно, привлёк меня к себе и прижался губами к виску.

– Всё хорошо, теперь всё хорошо, – твердил он, покачиваясь вместе со мной и глядя по голове.

Его слова действовали, и вскоре я почувствовала, что проваливаюсь в зыбкую дымку дрёмы, предвестницы сна. Сна, который надеялась больше никогда не увидеть. Я забылась в объятиях Людо, а очнувшись в трофейной нашего замка, ощущая на себе другие руки и запах восковницы и дыма. Подняв глаза, встретила с серыми льдинками.

Гость сказал, что всё, что я знаю, неправда: мой дом на самом деле цел, а родители живы, и он не делал того, в чём я его обвиняю.

– Видишь, – обвёл он рукой залу, – всё на месте, не так ли?

Я оглядела комнату, знакомую до последней трещинки на стене, мельчайшей заклёпки на щите, и сердце радостно подскочило.

– Ты можешь прийти сюда в любой момент, во сне этот замок всегда будет существовать. Так какая разница, что в том, другом мире, его нет? Тот мир хуже, в нём много боли и грязи, любимые уходят слишком рано, и всё получается совсем не так, как хотелось бы.

И правда, какое мне дело до того, что происходит в том ужасном мире? Лучше б навсегда остаться здесь... Я обнимаю Гостя и, зарывшись лицом в упелянд на груди, слушаю, как бьётся сердце, растворяюсь в умиротворении и блаженстве безопасности рядом с человеком, проявившим некогда доброту к расстроенной девочке и назвавшим её красивой...

Когда трофейная начинает блёкнуть, я хватаюсь за его одежду, утаскиваемая обратно в худший мир, залитый холодным утренним светом, и, ещё не успев окончательно проснуться, чувствую, как на смену сладкому самообману приходит жгучий стыд – вечным укором той Лоре, что поверила чудовищу, пришедшему разрушить наши жизни.

Щеку кололо шерстяное покрывало, а узкое окно, утопленное в глубокой нише, виделось размытым пятном. Услышав рядом ровное дыхание, я потёрла глаза и уставилась на спящего на боку, лицом ко мне, белокурого юношу на вид лет четырнадцати. Сердце взволнованно подпрыгнуло.

– Артур!

Глаз лежащего распахнулся, явив светло-карюю радужку, широкий после сна зрачок резко сузился.

С глухим возгласом Артур скатился с кровати, отполз на руках, забился в угол и, обняв колени, уткнулся в них лицом.

– Прости! – воскликнула я, вскакивая и приближаясь к нему. – Не хотела тебя напугать...

Опустилась рядом, погладила плечо, чувствуя, как он дрожит.

– Я так соскучилась!

Не удержавшись, крепко его обняла. Артур не сопротивлялся, но и не обнял меня в ответ. Вспомнив вдруг, что так и не заперлась, я сходила к двери, опустила засов и вернулась в затенённый угол.

– Людо знает, что ты здесь?

Артур дёрнулся и сильнее вжался в стену.

– Ничего страшного, не волнуйся, – я старалась говорить как можно ласковее, глядя его по руке. – Я с ним потолкую, он не будет сердиться.

Через какое-то время пальцы под моей ладонью перестали дрожать. Артур повернулся правой стороной, как делал всегда, и наконец осмелился бросить на меня осторожный взгляд, искоса, прикрываясь волосами. Он редко смотрел прямо, словно боялся, что его за это ударят. Как и Людо, он очень красив, хоть и на совершенно иной лад. Чем-то схож внешне с Абелем: тоже высокий, хрупкий, но ладно скроенный, с точёными скулами и тонкими губами. Вьющиеся платиновые волосы, сейчас потускневшие и свалявшиеся, заблестят, как алмазы, если их вымыть и причесать. Но в отличие от бывшего любовника короля, под его мягкостью кроется не безволие, а покорная обречённость и готовность заранее прощать всех обидчиков. Ещё любовь и уважение ко всему живому. Так, заметив, что по локтю ползёт паук, он убрал руку из-под моей ладони и бережно пересадил хранителя всех очагов на стену, по которой тот побежал к серебрящемуся у потолка прибежищу.

Губы Артура тронула улыбка. От него исходит внутренний свет, а карий глаз смотрит на мир робко и слишком по-взрослому. Артур с самого детства такой. Будто знает всё наперёд, и от этого ему грустно.

– Хочешь есть? – спохватилась я.

Он опустил голову, и я поняла: хочет. До завтрака было далеко, но я вспомнила про гренки, припрятанные ещё в замке леди Катарины, и подошла к сундуку. Жёсткие ломти сыскались на самом дне, я сдула с них нитки и сор и положила на поднос. Рядом поставила оловянный кубок без ножки и наполнила его водой для умывания.

Снова устроившись напротив, поместила поднос между нами и скрестила ноги. Первая подала пример, откусив гренку и жмурясь, будто она необычайно вкусная. В компании Артура

она и правда казалась вкусной, хоть и пахла лавандой, которой служанка переложила одежду. Ненавижу лаванду, но сейчас я не обратила на это внимания.

Артур тоже потянулся к хлебу, из-за чего ему пришлось наполовину высунуться из своего угла в пятно света, и бледный луч скользнул по руке, высветив блестящую рубцеватую кожу.

Как я уже сказала, он очень красив. Был. До того, как огонь, лишивший нас дома, превратил его спину, руки, затылок и левую половину лица в гротескное подобие человеческой кожи, мятую заплату на теле, и затянул второй глаз бельмом. Несправедливее не бывает... Ещё один грех, за который Бодуэну Скальгерду придётся ответить сполна. Но я ничем не показала чувств, чтобы снова не испугать и не расстроить Артура, хотя внутренне рычала от ярости. Хотелось прижать его изо всех сил к груди и сказать, что он самый лучший и красивый на свете.

Пока он был занят завтраком, я достала кулёк с травами, которые дала мне накануне королева, перед ночью с Годфриком. Травы спрятала обратно, а скрученный пергамент расправила ладонью. Добавила к нему уголёк из ручной грелки и протянула Артуру. Его лицо озарилось. Артур умеет говорить, просто не очень любит. Может, потому что его слишком часто просили помолчать и сделаться незаметным. Вот он и научился прятаться, будучи на виду. Но я и так знаю, что он благодарен. Одной рукой он прижал ко рту кубок, шумно прихлёбывая воду, а второй стиснул уголёк, подхватывая полузабытое ощущение, давая пальцам привыкнуть к шероховатой поверхности, и поднёс его к пергаменту.

Рисование его всегда успокаивает. Если б он мог тренироваться постоянно, то, без сомнения, стал бы прославленным художником. Подперев щеки руками, я наблюдала за тем, как из угольной полосы вырастает табун лошадей, мчащихся по бескрайнему полю, погоняемых рваными облаками, как возникает замок на краю утёса и волны разбиваются о его подножие, пытаюсь помешать рыцарю проникнуть внутрь и спасти прекрасную деву – это уже для меня. Не дочертив восточную башню, Артур отложил уголёк, придвинулся и, отводя взгляд, робко обнял меня. Я положила голову ему на плечо и, прикрыв глаза, улыбнулась.

Теперь, кроме нас троих, больше ни одна живая душа на свете не знает, что на самом деле у меня два брата. Один – гордость отца, а второй – позор нашей семьи. Мой самый любимый позор.

10

Наутро Годфрик ничего не вспомнил. По крайней мере разбирательств не последовало. Королева, раздражённая и с тёмными кругами под глазами, тоже страдала забывчивостью и не смогла объяснить, зачем велела мне запереться.

– Я так сказала? Откуда же я знаю, сказала, и всё!

Теперь наступала самая тяжкая часть: затаиться и высматривать.

Примерно через трое суток, когда разъехалась большая часть гостей, дни потекли по заведённому образцу, мало отличаясь один от другого: утренние сборы и одевание Её Величества, служба в часовне, общий завтрак в трапезной, после которого женщинам полагалось удалиться в рабочую комнату и заниматься там рукоделием вплоть до обеда – его приносили туда же. Потом позволялись развлечения: чтение, игра в шахматы или трик-трак³⁵, музицирование, прогулка.

За соблюдением этого порядка следила старшая матрона. Она восседала на жёстком стуле без спинки возле дверей и пресекала любую попытку внести изменения в установленный режим. И она же следила за тем, чтобы книги были унылыми, беседы негромкими, игры не слишком радостными, а прогулки не зажигали румянец на щеках.

– Старая гарпия, – прошипела леди Йоса под стук ткацкого станка, жужжание веретён и сдавленное хихиканье фрейлин.

– Вы что-то сказали, Ваше Величество?

– Вознесла хвалу Праматери за то, что мне досталась такая мудрая наставница!

Матрона недоверчиво поджала сухие, в трещинках, губы, щёлкая чётками, и глазами указала зазевавшимся девушкам продолжать.

После отдыха рукоделие возобновлялось, и в комнаты допускались пажи – распутывать пряжу, а заодно учиться светскому обхождению. Я вспомнила, как Людо в детстве вот так же сидел на полу возле моих ног, расплетая моток. Для него я специально запутывала посильнее. Мы обменивались взглядами и знаками тайно от других – у нас был свой язык, наподобие пальцевого, который используют клирики, принёсшие обет молчания. Так мы делились самыми важными событиями за день:

«Я вышила лилию... совершенно дурацкую».

«Я разбил витраж в часовне».

«Ого! Тебя кто-нибудь видел?»

«Не знаю... нет, кажется».

«Если что, я прикрою: скажу, что ты был со мной!»

Пряжу Людо всегда распутывал самым первым...

Когда темнело, в замке Скальгердов трубили воду³⁶ к ужину, и все снова собирались в общей зале. Трапезы скрашивали менестрели и жонглёры. Наибольшей популярностью пользовались трюки с животными. Звери были тут всюду: громкоголосые птицы носились высоко под сводами и частенько безнаказанно утаскивали лакомые куски со стола, из-за поворота коридора могла запросто брызнуть лисица; куницу или любую другую животную тварь, занявшую твоё место на лавке, ни в коем случае нельзя было сгонять, а моя комната до сих пор воняла жжёной кошачьей шерстью, которой ещё перед нашим приездом окурили помещения от воров,

³⁵ Старинная игра, где шашки по доске передвигают по числу очков, выпавших на костях.

³⁶ То есть слуги трубили в рог, подавая сигнал-приглашение к трапезе, перед которой обносили господ водой для мытья рук.

якобы чувствовавших это на своей коже. Не знаю, чего хозяева опасались больше – что обворуют нас или их.

В конце дня мы помогали королеве подготовиться ко сну и расходились: фрейлины – в отведённую им общую комнату, я – в свою. Когда всё стихало, являлся Людо. Мы складывали все наблюдения и добытую информацию, делились соображениями и засыпали обычно за полночь. Уходил он под утро. Большую часть дня Людо был вынужден торчать на конюшне во внешнем дворе, ухаживая за чужими животными, начищать чужое оружие, выполнять чужие распоряжения и сдерживаться. Ещё он тренировался каждый свободный миг, восстанавливая форму: разминался утром и вечером сам и тренировался с остальными оруженосцами, гарнизонными солдатами и наёмниками, катался верхом. Как ни крути, брат обладал большей свободой передвижений, чем я. Вскладчину получалась почти полная картина: я изучала замок изнутри, он снаружи.

Ещё мы, конечно, соблюдали осторожность: ели только то, что до нас попробовали другие, держались в стороне от склок и драк и приглядывали за рыцарями, прибывшими вместе с нами. Они отбывали назад к леди Катарине в конце недели, а значит, все это время над нами висела угроза. Ещё это значило, что нужно найти способ, спровадив их, самим остаться в замке. Наблюдая за людьми Венцелей, я не подмечала никаких признаков опасности и в конце концов засомневалась в своих подозрениях: может, леди Катарина и впрямь собирается сдержать слово и отпустить нас с наградой? В любом случае, это тоже не входило в наши планы.

Артур пока больше не появлялся – прятался.

– Пожалуйста, Людо, позволь ему изредка навещать меня...

– Нет! А если бы его кто-то увидел?! У этого недоумка каша вместо мозгов, но где были твои?

– Никто не видел и не увидит. Обещаю встречаться с ним только в комнате, мы будем очень-очень осторожны.

– «Нет» я сказал.

– Он ведь тоже мой брат...

– Как ты можешь любить его? Он слаб и всегда таким был.

– Он не слаб, просто... другой.

Ведь иначе я не смогу любить Артура. Нельзя любить слабого.

Подруг у меня так и не появилось, хотя это было бы полезно. Частью стараниями леди Жанны, не простившей мне тот гребень, частью из-за изолированной комнаты, вызывавшей раздражение и зависть, но в основном потому, что для меня всегда оставалось загадкой, о чём они болтают. Как-то раз нарочно прислушалась к сидевшим поблизости.

– А он такой говорит: ваши глаза цвета моего разбитого сердца. А я ему: считаете меня упырём?

– Ты жесто-о-о-ка, Адели!

Та довольно ухмыльнулась и послунявила палец, крутя нить.

То, что леди Йосе отведена роль даже меньше, чем ничтожная, стало ясно сразу. Единственными её владениями были спальня и рабочая комната, но даже здесь она не могла править безраздельно, находясь под неусыпным бдением старшей матроны. Моя мать в своё время принимала деятельное участие в управлении замком, его обустройстве. Оставаясь в тени, она контролировала всё, что не входило в сферу влияния отца, а порой влезала и в неё. Но здесь было по-другому. От новой королевы Скальгердам требовались только принесённые с приданным богатейшие виноградники, золотые прииски, две каменоломни, земли с вилланами, полсотни конных и две сотни пеших полностью экипированных воинов, обязанных явиться под знамёна в случае войны, и здоровый наследник.

Сама леди Йоса почти всегда пребывала не в духе, особенно по утрам, потом постепенно развеивалась, но не до весёлости. Шептались, что у них с королём ничего не ладится. Не знаю,

из-за меня ли у них пошли дрязги с первых же дней, но сомневаюсь в том: Годфрик изначально не был ни расположен, ни способен её любить или хотя бы изображать приязнь.

Вынужденная проводить большую часть дня, как и остальные женщины, в комнатах, я пользовалась любой возможностью, чтобы выбраться и осмотреться, поэтому всегда первой вызывалась исполнять поручения королевы и старшей матроны. И это тоже не способствовало появлению подруг – остальные считали, что я выслуживаюсь.

Идя с поручением, я попутно исследовала палас: расположение залов, обстановку. Дверные и оконные проёмы укреплены кайенским камнем, потолки поддерживаются расписными балками, полы всегда присыпаны свежей травой, и всюду гобелены и шкуры.

Во время одной из таких вылазок я его и обнаружила. Рог, покрытый искусной резьбой и переливчатыми камнями. Ноги сами подвели к нему. Во рту пересохло. Как во сне, я протянула руку, и едва пальцы коснулись прохладной кости, меня пронзило от макушки до пят, вливая горечь и бешенство. Одна из тех вещей, что мать принесла вместе с приданным отцу. Этот рог раньше висел у нас дома над камином. Воры. Наглые, бесстыжие, паскуднейшие воры! Выставившие свои гнусности на всеобщее обозрение и похваляющиеся ими.

Потом ещё было чеканное блюдо, красующееся в открытом дрессуаре³⁷ среди прочей парадной посуды, и масляный светильник в виде львиной лапы.

Встретаться с обломками своей прежней жизни оказалось очень больно. У меня вошло в привычку навещать старых друзей, пленников этого дома. Я гладила их и обещала, что в один прекрасный день подарю им свободу. Смотрела вокруг и пыталась угадать, что ещё из того, что меня окружало, вырвано из рук прежних владельцев, ставших жертвами безудержной алчности Скальгердов.

Избегала я только трофейную. Никак не могла решиться войти туда, убеждая себя, что просто не подвернулся удобный случай. Однако в какой бы части замка ни находилась, я слышала её зов. И вот, поотстав после завтрака от остальных фрейлин, я свернула в первую дверь направо.

Здесьняя трофейная не походила на нашу: больше щитов и оружия, темнее, мрачнее, злее...

Камин... Вытяжной короб безо всяких рисунков. В глубине мне почудилось мерцание, словно два огромных глаза смотрели оттуда, маня, властно притягивая. И я пошла к ним под песню пламени и шёпот поленьев, ощущая кожей трепет соприкосновения с чем-то древним и невыразимо могущественным, и не удивилась бы, подкатись мне под ноги золотой мячик, отправленный гранёным когтем... Остановилась так близко, что жар обжигал кожу, играл волосами и заставлял глаза слезиться, но я нарочно держала их широко раскрытыми. А вдруг?..

Опустившись на колени и подавшись вперёд, прошептала:

«Ты здесь?»

Ответа не последовало. Тогда я предприняла новую попытку:

«Я друг и пришла с благими намерениями».

Ведь месть во имя справедливости – это благо...

Но огонь по-прежнему молчал, и никто не являлся из его глубины. Наверняка потому, что я не одна из Скальгердов, а их камин – всего лишь каменный мешок с трубой.

– Интересуетесь устройством дымоходов?

³⁷ Шкаф для парадной посуды.

Я вскочила так резко, что порвала туфлём подол. Повернувшись, едва не упала. Бодуэн. Человек, с которым я тысячу раз беседовала во сне и лишь однажды наяву, которого я в воображении убивала десятками жестоких способов и с радостью наблюдала мучения, которого я так хорошо знала и о котором не знала ничего, стоял напротив, целый, невредимый и опасный. Я глядела во все глаза, чувствуя себя так, словно жарюсь в камине. Ещё чуть-чуть, и кожа потрескается, кости расплавятся, а волосы потекут огненной рекой.

Осознав вдруг, что, пока я рассматривала его, ко мне тоже присматривались, поспешно опустила глаза и запоздало поклонилась.

– Ваше Высочество.

– Леди Лорелея Грасье, не так ли? – Зоркий взгляд обожегал меня с головы до ног и вернулся к лицу.

– Да, Ваше Высочество.

– Как вам на новом месте, успели обустроиться?

– Да, Ваше Высочество.

– Нравится?

– Да, Ваше Высочество.

– Это всё, что вы умеете говорить?

– Нет, Ваше Высочество.

Он хмыкнул.

Пусть лучше считает душой. Дур не опасаются и не подозревают. А ещё, говоря откровенно, в его присутствии не получалось выдать связной реплики. Зато с закрытым ртом не болтнёшь лишнего.

– Женщины уже давно поднялись наверх. Что вы здесь делаете?

– Я... я, – оглянувшись в поисках подсказки, я вдруг почувствовала что-то в руке и, раскрыв ладонь, продемонстрировала уголёк, который сгребла в последний момент. – Искала инструмент для рисования.

– Ах да, вы ведь из артистов. Значит, любите искусства?

– Люблю, Ваше Высочество.

В этот момент за его плечом показался Тесий. Поклонившись мне, что-то тихо сказал на ухо Бодуэну, и тот, коротко кивнув на прощание, удалился в сопровождении, как я теперь уже знала, секретаря.

Оставшись одна, я едва не осела на пол, колени дрожали. Враг перестал быть фантомом и обрёл плоть, кровь и голос. А ещё он меня знал. Не так уж мы с Людо незаметны, как наивно полагали.

Вечером я всё рассказала брату.

– Думаешь, понял?

Я покачала головой, покусывая стиг пальца.

– Нет, он ведь полагает нас давно умершими. Никто не ждёт в гости мертвецов. Считаешь, он позволил бы нам так спокойно разгуливать по замку, зная, кто мы такие?

Мы надолго замолчали, понимая: это лишь вопрос времени, поэтому оттягивать нельзя, нужно опередить Бодуэна. В прошлый раз он выиграл, потому что ударил внезапно. Теперь преимущество на нашей стороне, и следует сполна им распорядиться.

А на следующий вечер произошло то, чего я даже не опасалась. А зря.

11

Менестрель занемог. За ужином пальцы вяло перебирали струны виелы, голос хрипел и срывался, а красное лицо и испарина выдавали лихорадку. Партнёрша-жонглёрка, с которой он разыгрывал танцевальное представление, пыталась смягчать промахи, но лёгкие ножки оступались, а жесты выходили неловкими и смазанными, обманутые мотивом, призванным поддерживать и направлять. Все закончилось визгливым аккордом и порванной струной. Больного спровадили отлёживаться, и вечер продолжился в грубых развлечениях: охотничьи истории, неотёсанные шутки рыцарей, состязание в силе рук и количестве съеденного и выпитого.

Леди Йоса уныло ковыряла в миске, Годфрик не явился, Людо тоже торчал на плацу, а Бодуэн обсуждал что-то с Тесиём. Секретарь, забыв о рагу, потрясал стопкой листов, а регент уверенно чертил по ним пальцем, что-то втолковывая юноше. Возле моей ноги под столом кто-то смачно хрустел костями, попеременно высовывалась то лапа, то хвост. Пара-тройка детей носились по залу, дразня собак объедками, пока матерям не велели их вывести.

Ещё некоторое время люди развлекались, глядя, как один из рыцарей опрокидывает в себя вино кубок за кубком без помощи рук, стискивая жестяные края зубами. Из шести ему засчитали только три, потому что половина проливалась на грудь. Но потом и это зрелище наскучило.

– ТО-СКА! – рявкнул кто-то в конце стола, приложив ладони ко рту.

– Подраться, что ли, – пробасил один из рыцарей, и товарищи одобрительно загоготали.

– Только не вздумай соревноваться в прошибании досок головой, – оторвался от бумаг Бодуэн, – после прошлого раза у нас столов не осталось.

Вокруг засмеялись, сам рыцарь – громче всех, и в продолжение шутки с размаху врезал лбом по дубовым доскам, так что звякнула посуда и подпрыгнули чарки.

– Знаю! – крикнул какой-то умник. – Пусть леди Лорелея споёт!

Над столами пронёсся одобрительный ропот:

– Да-да, Грасье...

Зашелестели наряды, заскрипели лавки, ко мне поворачивались, повторяя просьбу.

Я кожей чувствовала взгляды, но не подняла головы от тарелки, только сильнее стиснула прибор.

– Я нынче не в голосе.

– Ерунда, все Грасье поют, как сирены!

– И не знаю здешних песен, – предприняла новую попытку я.

– Так спойте из родных краёв.

– Это было бы неуважением.

– Мы не из обидчивых.

Вокруг закивали, рыцари-смутьяны взяли дружно бренчать ложками о стол:

– Пой! Пой! Пой!

– Ну же, не ломайтесь!

– Уважьте просьбу!

– Не томите...

– Просто леди Лорелея боится, что мы отправимся прямиком в Небесную Обитель, заслышав сладость ангелов из её уст, – крикнул зачинщик, и все снова засмеялись.

– Или любит, чтоб её упрашивали, – вставила леди Жанна.

– Спойте гимн Праматери, уж он-то всем известен и никого не оскорбит.

Дальше отпираться было бессмысленно и рискованно. От меня не отстанут, будут повторять просьбу снова и снова – не сегодня, так завтра или в другой день. А упорные отказы рано или поздно родят подозрение. Я наконец подняла глаза и заметила, что регент опустил бумаги и

тоже смотрит. Королева едва заметно качнула головой, предостерегая, но что мне было делать? Возражения лишь распаляли просителей.

– Хорошо.

Отложив прибор, я поднялась и прочистила горло, мысленно проклиная леди Катарину. Крики тут же смолкли, люди приготовились слушать.

И я запела.

Как я уже говорила, голос у меня хрипловатый, до высоких звуков недотягивает, срывается на сип. Вдобавок, Праматерь обделила слухом.

Предвкушение на лицах уступило место сперва удивлению и растерянности, а потом смущению. Только что горячо уговаривавшие меня усладить слух отворачивались, пожимая плечами и переглядываясь с соседями. Удивительное дело: дуройставляю себя я, а неловко почему-то им.

– Не хотела петь, так бы и сказала! – фыркнула леди Жанна, не потрудившись понизить голос.

– Вот-вот, зачем было насмехаться над нами? – поддержала её Мод.

Я запела громче.

На смену стыду за меня пришли шепотки, нелестные замечания и глумливые ухмылки. Люди решили, что я издеваюсь. Кто-то зевнул, кто-то рыгнул, а потом к моему голосу внезапно присоединился ещё один, приятный, не слишком высокий, но и не бас. Он мягко сглаживал мои ошибки и дотягивал звуки там, где этого не могла сделать я. Теперь все смотрели то на меня, то на Тесию, тоже певшего стоя. Когда мы закончили, раздались хлопки. Я не обманывалась, на чей счёт они приходились. Хотелось тотчас убежать из трапезной, но я заставила себя досидеть до конца.

Едва королева встала, подав тем самым знак фрейлинам, я вскочила с места и направилась к выходу. Заметив, что Тесий пробирается в мою сторону, прибавила шаг, но у дверей он меня нагнал и вынудил остановиться.

– Леди Лорелея, погодите.

– Я не нуждалась в помощи, – резко бросила я.

– Разве я помогал? – невинно ответил он. – Просто не мог удержаться и славил Праматерь вместе с вами.

– Рада за вас, а теперь пропустите.

– Вижу, вы на меня обижены.

– Обижаются на тех, кто небезразличен, – ровно ответила я, глядя сквозь него.

Тесий неловко переступил с ноги на ногу и, пробормотав извинение, убрал руку. Я повернулась к выходу и покинула залу. Чувствовала я себя, как Людо, которому наставник протянул руку после того, как выбил меч и опрокинул на землю.

Немного поостыв, я вынуждена была признать, что из-за своей горячности проглядела тот самый шанс, который выискивала. Тесий близок к Бодуэну, следовательно, многое знает о делах семьи, и из того, что я уже увидела, можно заключить, что пользуется доверием. Вдвойне полезно, что сближение инициировано не мной, то есть в нём трудно углядеть умысел с моей стороны. Теперь осталось только придумать, как подступиться к нему после такой откровенной грубости. О своей резкости я не жалела – уверена, секретарь это заслужил: ведёт дела Бодуэна, а значит, соучастник всех мерзостей этой семьи.

Людо тоже пришёл с новостями. С некоторых пор король начал посещать тренировки. За ужином Годфрик отсутствовал как раз по этой причине.

– Он что, тоже бьётся? – удивилась я.

– Нет, только наблюдает с трибуны, – хмыкнул Людо. – Ладоски, как у белошвейки, так что вряд ли он знает, чем отличается баллок от ронделя³⁸.

Зато знает, как глумиться над женщинами.

– А сегодня велел нам с Киллианом выйти друг против друга.

Упомянутый оруженосец уступал Людо в силе, скорости и мастерстве. Вообще-то ему все там уступали, подумала я не без гордости.

– То есть вызвал следующих на очереди?

– Нет, меня и его, – ухмыльнулся Людо. – И после того, как я размазал Киллиана, передал мне через пажа пряжку.

– Он с тобой говорил?

– Нет, как кончился бой, сразу ушёл. – Глаза Людо блеснули. – Понимаешь, что это значит?

Я тупо уставилась на брата. Годфрик отличил его. Это и прекрасно, потому что в таком случае будет легче уцепиться при дворе, и в то же время очень-очень плохо. Людо хорош во всём, что касается боя, но тонкая игра, где нужны выдержка и осторожность, не его конёк. Не сказала бы, что и мой, но я всё же лучше него умею сдерживать натуру и неплохо научилась притворяться.

– Нет, Людо, – покачала я головой. – Помнишь план? Нельзя слишком с ними сходиться. Мы можем наблюдать издали, незаметно выпрашивать у окружения и делать выводы, но только не с ними.

– К Ваалу план! – воскликнул он, вскакивая, и рубанул воздух воображаемым мечом. – Мы здесь уже две недели и знаем достаточно, чтобы начать действовать, поэтому как только люди Венцелей съедут, нужно браться за дело. Тайны, вроде той, что мы ищем, не лежат у всех на виду, о них не похваляются за чаркой и не болтают на площади, мы лишь впустую потратим время. Только члены семьи или кто-то очень близкий к ним может про это знать.

Он, конечно, был прав, но я не могла отступить.

– Поэтому я и хочу подобраться к Тесию!

Людо ответил пристальным взглядом.

– Не переусердствуй.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказал.

Вдумываться было некогда, и я продолжила наседать:

– Записавшись к Годфрику в друзья, ты привлечёшь внимание Бодуэна, а он стережёт племянника, как стервятник, ты же знаешь. Нам это не нужно.

– Хватит, Лора, дело решённое, – раздражённо отмахнулся он.

Тогда я отважилась на последний аргумент и, отводя взгляд, с запинкой произнесла:

– Тебе следует знать, что о Годфрике ходят... некоторые слухи. О его вкусах.

– Какие ещё слухи? – нахмурился он, а потом глаза сузились, пальцы стиснули мой локоть. – Кто тебе разболтал? У кого уже выучилась?

Только я могла верить, что он до сих пор не в курсе пристрастий короля. Я высвободилась, про себя радуясь, что он понял, о чем речь, и не придётся излагать всё вслух, и для вида пожала плечами:

– Разве это секрет?

– Ты спятила! – взъярился он. – Думаешь, я запишусь в ряды этих его... – Он употребил одно из выражений, от которых я давно разучилась краснеть. – Да я скорее отрублю ему всё ниже пояса!

– Пожалуйста, тише! – взмолилась я, оглядываясь на запертую дверь.

³⁸ Виды кинжалов.

Грязно выругавшись, он опустился обратно на постель, развернул меня спиной к себе и принялся раздражённо водить гребнем по волосам, с силой дёргая колтуны. Я молча терпела.

– Не фрейлины, а сборище шлюх. Ты можешь велеть им заткнуться за шитьём?

Я не стала разубеждать его в источнике информации.

– Не могу... – усмехнулась я.

Он снова выругался, потом отложил гребень, пропустил гладкие пряди меж пальцами и перекинул их на одну сторону. С шумным вздохом обнял меня со спины, устроил подбородок на плечо и принялся выводить пальцем узоры на внутренней стороне запястья, рождая мурашки.

– Обещаю, я буду осторожен.

Но это не успокоило. Внутри нарастало тревожное чувство. Мне предстояло заняться Тесиём, а Людо собрался водить опасную дружбу с королём. Знаю я его осторожность.

* * *

Йосе не спалось. Тело ныло от недостатка ласки. Даже не ласки. Хотелось, чтоб её хорошенько отлюбили. Сегодня же! Прямо сейчас! Проходя после ужина мимо стражи, она поймала на себе оценивающий взгляд одного здоровяка и сразу живо представила, каково было бы оказаться с ним наедине. Он окинет её таким же наглым лапающим взглядом, от которого сладко тянет в животе, расстегнёт свой пояс, а потом... мм...

А вместо этого сладостного «мм...» приходилось довольствоваться огромной холодной постелью и мечтами о том, что она имела полное право требовать с супруга. Вот только Годфрик не мужчина, и тут требуй – не требуй, между ними никогда не будет даже тени тех грёз, отдающихся тёплым томлением в паху и напряжением в груди. Весь приезд сюда – это одна огромная ошибка! Надо было кричать о своём падении на каждом углу. Уж лучше прослыть непотребной девкой, чем объектом насмешек всех, вплоть до последней служанки в этом замке-тюрьме, с никчёмным супругом-мужеложцем, которого воротит от одного вида её тела.

Последнее было особенно обидно: Йоса любила своё тело и имела основания им гордиться. Откинув покрывало, она спустила ноги на пол и приблизилась к зеркалу. В полированном серебре отразилось прелестное видение, окутанное облаком белокурых волос, как наяда³⁹ пеной, одновременно невинное и порочное. Йоса сняла и откинула камизу, оглядывая себя. Провела пальцем по ямочке в основании шеи, хрупким ключицам, сжала руками полные груди с нежными розовыми сосками, огладила тонкую талию и приятный, чуть округлый, как то положено у женщин, живот, вытянула ногу, любуясь точёной икрой и изящной щиколоткой. Из глаз чуть не брызнули слёзы. Вся эта роскошь пропадёт впустую! Йоса никому здесь не нужна! Отдать её за Годфрика – всё равно что подарить глухому соловья или слепому – самый прекрасный в мире гобелен!

Швырнув в зеркало молитвенник, она бросилась ничком на кровать, сдерживая рыдания. Как же мать должна была её ненавидеть, чтобы обречь на загнивание здесь, отдать этому ничтожеству, зная, что её ждёт! И даже простыни в замке Скальгердов мерзкие, пахнущие сыростью, пропитанные испарениями этого гадкого озера, как занавески, скатерти, наряды и вообще все. Она задыхается! Её тошнит от этого места! Тошнит-тошнит-тошнит! Йоса стукнула кулаком по постели и перевернулась на спину, слепо уставившись в бархатный полог.

Даже сейчас, вспоминая их первую с Годфриком ночь, не брачную, а следующую, она заново испытывала тот же стыд – за него, конечно, – и растерянность. Тогда она подумала, что сделала что-то не так, хотя раньше никто не жаловался. Разумеется, для неё давно не новость особые вкусы короля, слухами земля полнится, но ей представлялось, что преграда преодо-

³⁹ Нимфа водной стихии.

лима. Стоит ему увидеть её обнажённой, и проблема разрешится сама собой. Он излечится, ну или хотя бы будет способен исполнять супружеский долг. Того, что его плоть даже не шелохнётся, она не ожидала. Казалось, её ласки не только не распаляли, а ещё больше охлаждали его. Он и не пытался скрыть неприязнь и отвращение. Как это горько быть кому-то отвратительной и притом вынужденной предлагать себя! А когда она после всех безуспешных попыток встала на колени, испросив разрешение помочь ему другим способом, он оттолкнул её и, обругав, – Йоса не знала таких слов, но была уверена, что её обругали, – вышел, почти выбежал из спальни, оставив наедине с грязным ощущением униженности и ненужности.

Наверное, все свои силы в отношении женщин он истратил на леди Лорелею в первую ночь. Последнее до сих пор её изумляло, ведь для этого его вялому отростку требовалось затвердеть хотя бы на пару мгновений. Йоса раздражённо взбила головной валик. Не хотелось думать, что в перекидыше было нечто, чего не было у неё самой. Нет, все дело в слюнявой пародии на мужчину! От леди Лорелеи мысли перекинулись к её брату, и Йоса сжала бедра, чувствуя влажный жар. Несмотря на хорошую фантазию, близость с ним она не могла представить. Знала лишь, что это было бы нечто яркое и острое, с примесью опасности. Она вздохнула и вытянулась на постели.

Даже жаль, что ему осталось так мало жить...

12

На следующий день мне не пришлось изыскивать способ «случайно» столкнуться с Тесиём. Мы сидели в рабочей комнате, когда вошла служанка и с лукавым поклоном протянула мне плоский деревянный ящик.

– От лорда Авена.

В комнате вдруг стало так тихо, словно фрейлины долго тренировались прервать работу одновременно. Челнок остановился, веретёна плавно заканчивали кружение, негромкий гомон голосов смолк со скоростью погасшей свечи. На фоне этой тишины звук, с которым я воткнула иголку в ткань, показался неприлично громким.

– От кого? – не поняла я.

– От Тесия, – негромко пояснила Бланка, не поднимая глаз от рукоделия, которое в отличие от других не отложила.

– Он точно имел в виду меня?

– Велел передать это лично в руки леди Лорелее, как сердечное извинение.

Вразрез со словами служанка положила ящичек мне на колени. Она явно была не прочь остаться и посмотреть, что внутри, но под суровым взглядом старшей матроны поклонилась и со вздохом удалилась.

– Во имя Праматери! – раздался нетерпеливый голос королевы. – Откроете вы или нет?! Половина из нас до сих пор не дышит!

Тут же послышалось несколько запоздалых выдохов.

Я провела ладонью по шершавому дереву, дотронулась до боковых креплений... и убрала руку, решив открыть позже, без свидетелей. Не зная, что внутри, лучше не рисковать. Вслух же произнесла смиренное:

– Не уверена, что это прилично – принимать подарки от не родственного мужчины. А лорду Авену не за что извиняться.

Старшая матрона всем видом выразила одобрение. Блёклые глазки сверлили ящичек с таким выражением, будто на моих коленях лежал враг рода человеческого и корчил ей рожи.

– Вот мы все вместе и решим, прилично вам принимать такой подарок или нет. – Королева решительным шагом приблизилась и протянула руки. – Дайте-ка сюда.

Я неохотно повиновалась.

Она нетерпеливо щёлкнула замками и заглянула под крышку, сверкая глазами. Но мгновение спустя издала разочарованный возглас:

– Уж лучше б свой локон подарил!

Фрейлины побросали рукоделие и окружили её. Ящик передавали из рук в руки, шептались, хихикали, кто-то смотрел с любопытством, кто-то с недоумением. Леди Жанна схватила его и, увидев, что внутри, кинула на меня злорадный взгляд, в лице читалось облегчение. До меня презент дошёл последней.

– Держите, – королева протянула мне ящик. – И намекайте при случае, что любите розы и ленты для волос.

Дождавшись, пока все рассядутся по местам и снова углубятся в работу, я наконец заглянула внутрь. В тот же миг уже наметившаяся в голове фальшиво-благодарственная речь, которую я намеревалась обратиться к секретарю при встрече, рассыпалась в прах, потому что внутри лежали... краски. С набором всего необходимого: камнем для растирания, кистями, эскизным свинцовым карандашом и даже тончайшими полупрозрачными листочками вроде тех, что изготавливал Артур для перенесения понравившегося изображения, выскабливая обрывки козлиной шкуры и пропитывая их жиром – только несоизмеримо лучшего качества.

Не удержавшись, я провела пальцем по щетинкам кистей и счастливо улыбнулась, представив, как обрадуется брат. Наверное, на моём лице слишком явно прочиталось это чувство, потому что следившая за мной леди Жанна поджала губы и наклонилась что-то сказать Мод. В перерыв я отнесла ящик в свою комнату и передала через пажа лорду Авену записку с одним-единственным словом, написанным новым свинцовым карандашом. Думала, что увижусь с дарителем только вечером за ужином и уже собиралась вернуться к остальным женщинам – свободное время подходило к концу, – когда услышала за спиной знакомый голос:

– Леди Лорелея, постойте! – Я обернулась и подождала, пока Тесий меня нагонит. Его каштановые кудри разметались от быстрого шага.

– Рад, что угадал с подарком, – сказал он, немного запыхавшись, и остановился. – И вдвойне рад, что вы не принесли его обратно.

Я сложила руки на подоле и привычно опустила глаза.

– Вы выбрали то единственное, от чего я не могла отказаться.

– Мне подал идею Его Высочество, когда сказал, что вы искали инструмент для рисования в камине. Я подумал, что свинцовый грифель лучше угля, а оттуда уже было недалеко до красок.

Надеюсь, Тесий не заметил, как я вздрогнула при упоминании его патрона. Радость от подарка сразу померкла. Как будто часть благодарности за него я теперь должна была испытывать и к Бодуэну.

– Вчера я была с вами резка, – сменила тему я.

– Вы были расстроены.

– Верно... я растерялась и не сумела объяснить присутствующим, что мы с братом склонны к художеству, а не пению... Ещё раз примите мою признательность, а сейчас я должна вернуться в рабочую комнату.

– Погодите, не хотите... немного прогуляться? Не наедине, разумеется, – поспешно добавил он, – мы возьмём в сопровождение дуэнью.

Я удивлённо вскинула глаза и встретила с его, тёмно-синими. Сейчас они сияли, как два сапфира в оправе из норковых ресниц, подпалённых на самых кончиках.

– Разве у вас нет работы?

– У меня перерыв, – беспечно пожал плечами Тесий. – Полчаса на свежем воздухе мне простят.

– А мне, боюсь, нет. Старшая матрона в этом отношении строга.

– Рогнеда? С ней я сумею договориться.

Я смутно припомнила, что именно так и зовут нашу надзирательницу, но ещё ни разу не слышала, чтобы кто-то упоминал её по имени. Тесий чуть смущённо улыбнулся, а я только успела с ним примириться не для того, чтобы снова терять нить.

– Идёмте же! – шире улыбнулся он. – Вы уже видели наш сад?

– Ещё нет...

Фрейлины и королева несколько раз выбирались туда на прогулку, но я пользовалась свободным временем, чтобы исследовать замок или навестить Людо. В этот час он обыкновенно бывал либо на конюшне, проверяя лошадей вместе с ещё одним ответственным за эту задачу оруженосцем, Марком, либо тренировался в манеже верхом или в поединках. Иногда я приносила обед туда, и мы делили его, забравшись на верхнюю трибуну.

– Страшное упущение: как же вы будете рисовать романтические свидания среди цветов?

– Я люблю... более жизненные сюжеты, – хмыкнула я.

– Покажете ваши рисунки?

– Возможно, когда-нибудь.

– Тогда идёмте?

Он жестом пропустил меня вперёд.

Поначалу я чувствовала себя скованно. У меня мало опыта общения с посторонними людьми, тем более мужчинами. Долгие годы брат заменял всех. Слишком велика была разница между нами и теми, среди кого приходилось вращаться. Слишком подозрительными и осторожными мы стали. Слишком тщательно берегли свой гнев, боясь отвлечься и невзначай расплескать его. В самом начале мне чего-то не хватало, и когда деревенская ребятня развлекалась, одна моя половина порывалась присоединиться к ним, а вторая слышала строгий голос матери, отчитывающий за неподобающее поведение. Лорды не играют в мяч с вилланами, не перенимают их просторечные выражения и не опускаются до их уровня. Да и брат не позволял забыть... Бережно храня осколки прежней жизни, мы пытались применить их к новому положению, и когда ничего не получалось, отгораживались в своём мире. Мы были друг у друга, и этого хватало.

И постепенно желание впускать кого-то ещё в нашу жизнь окончательно сошло на нет, а чужие прикосновения стали не просто неприятными – от них передёргивало. С женщинами я никогда не умела и не хотела слишком сближаться, а мужчин Людо ко мне и близко не подпускал.

Видимо, у Тесия никогда не вставало подобных проблем, поэтому беседа текла в целом свободно, несмотря на мои подчас неловкие или слишком односложные ответы.

Найденная впопыхах для соблюдения приличий пожилая дуэнья держалась поодаль, не мешая разговору, к тому же, кажется, была туга на ухо и подслеповата, так что даже вздумай Тесий обесчестить меня под первым же кустом, вряд ли что-то заметила бы. Однако при виде проступающего на его скулах румянца, когда наши взгляды встречались, я не могла представить его в этой роли.

Сад располагался за паласом. К нему спускалась широкая лестница с полустёртыми ступенями и резной балюстрадой, сплошь увитой плющом и плетистыми розами, которым ещё слишком рано и опасно было цвести, и тем не менее они цвели – в марте месяце. На входе встречала старинная каменная арка. С неё почти до самой земли свисал гишпанский мох, волнуясь пушистой занавесью. Покачиваясь под порывами ветра, он пропускал тяжёлые, напитанные влагой ароматы. Арка казалась воротами в другой мир.

– Это один из старейших садов на материке, заложен, как и сам замок, ещё Конрадом Четырёхпалым. Вы ведь слышали про основателя королевского рода?

– Тот самый, которого после гибели в военном походе причислили к святым, сварили в вине, а отделившиеся от плоти кости раздали самым уважаемым подданным и союзникам королевства? Про него все слышали, милорд. У нас дома даже...

...хранился ковчег с фрагментом его пятки, пожалованным в качестве особой милости давно умершим потомком Конрада Четырёхпалого нашему давно умершему предку, участвовавшему в том походе в звании генерала. Морхольты всегда были верной опорой трона, а останки святого, как известно, творят чудеса, оберегают и вообще несут благодать.

Но я вовремя спохватилась, сообразив, что Грасье не была оказана эта милость, и докончила:

– ...кормилица рассказывала эту историю перед сном.

– Да, но он славен не только своей кончиной, – заметил Тесий, отодвигая мох, как штору, и приглашая войти.

Я сделала шаг вперёд и замерла как вкопанная.

Сад на воде...

В гладкой поверхности отражался опрокинутый мир. В груди похолодело и сжалось. Одно дело ехать в ладье, и совсем другое – ступать по хлипким мосткам. Уверена, все до единого хлипкие, даже вон тот, каменный... Я невольно попятилась.

– Что с вами? – с беспокойством спросил Тесий.

– Н-не люблю воду, – выдавила я, не отрывая глаз от застеленного зыбким покрывалом тумана озера, разбитого естественными и искусственными насыпями, иссечённого дорожками и аллеями. Из его чёрных мерцающих глубин ко мне тянулись призраки минувшего. – Мой брат однажды чуть не утонул...

Никогда не забуду выражение отца в тот миг, когда конюх вбежал в дом с Артуром на руках. Голова брата запрокинута, тонкие руки и ноги безвольно качаются, с одежды струится влага, а на кротком бледном до прозрачности лице застыло умиротворение.

«Ещё живой»

«Вытащили из реки»

И глухой горловой стон отца.

Мужчины отнесли Артура в родительские покои. Глядя из-за двери на хрупкую фигурку, такую маленькую на огромной кровати, придавленную толстой шкурой покрывала, я испытываю страх за брата и беспокойство, передавшееся мне от взрослых. Все они знают какую-то тайну... Слуги переищёптываются в переходах коридоров, обмениваются странными взглядами.

Я снова смотрю на Артура. Отец опускается рядом, отводит с его лба волосы, что-то шепчет, гладит, а потом роняет голову на скрещённые руки.

Тем же вечером Людо стоит перед ним, кашляющий и почти такой же бледный, как Артур, но в глазах – дерзкий вызов.

– Я знаю, это ты.

Брат дёргает плечом и равнодушно смотрит в сторону.

– Артур почти не умеет плавать, сам бы он ни за что не полез на середину реки, зная, какое там течение. Его кто-то выманил.

Людо внимательно рассматривает мозоли от меча, пробует ногтем корки. Сейчас на свете нет ничего важнее этих мозолей.

– Зачем? – злое тихо спрашивает отец, поднимаясь из глубокого кресла, и подходит к нему вплотную.

Брат упрямо не поднимает глаз, и отец бьёт его наотмашь. Тяжёлые перстни кастетом срывают кожу на скуле. Людо падает, но, прежде чем успевает подняться сам, отец вздёргивает его на ноги за рубаху на груди и запрокидывает голову за волосы.

– Ты хоть понимаешь, что сам чуть не погиб?! – рявкает ему в лицо. – Чуть не лишил меня обоих сыновей! Да как ты мог, он же твой брат!

– Он мне не брат! – с ненавистью кричит Людо, одной рукой пытаюсь высвободить волосы, а второй стучит себя кулаком в грудь. – Я! Я твой сын! А он жалкий слабак, ошибка Праматери! Я лишь хотел избавить тебя от обузы!

Занесённая для нового удара рука замирает, и Людо, вывернувшись, отскакивает, промакивает скулу, но лишь сильнее размазывает кровь.

Ладонь отца опускается, и раздаётся тусклое:

– Вон с глаз моих.

Брат выбегает из комнаты, не заметив меня, спрятавшуюся за дверь.

А отец, как-то вмиг постарев и сгорбившись, падает обратно в кресло, словно ноги большие не держат, и закрывает лицо руками. Вскоро из-за ладоней раздаются странные звуки, плечи сотрясаются, и я с ужасом понимаю, что он плачет. Ни до ни после я никогда не видела отца плачущим... Мне невыразимо горько и стыдно – за себя, что увидела его таким, и за него. Отцы не должны плакать...

Я словно заметила трещину на сводах стеклянного замка.

Он отнимает руки от блестящего влагой лица и становится на колени перед образом Праматери в нише. Пальцы стиснуты до побелевших костяшек, губы беззвучно шевелятся.

Я пячусь и тоже убегаю.

Заглядываю в комнату Людо. Он забрался на кровать с ногами и смотрит в окно. Я опускаюсь рядом на краешек.

– Ты правда пытался убить Артура?

Он поворачивается и смотрит на меня таким же пустым взглядом, как на отца, а потом в глубине что-то ломается. Согнувшись, он утыкается лицом мне в колени, обхватывает руками и срывающимся голосом шепчет:

– Иногда мне жаль, что ты не родилась мужчиной, Лора. Из тебя вышел бы куда лучший брат, чем из него... Теперь ты меня ненавидишь?

Я поражена его словами.

– Ненавижу тебя? Я не могу тебя ненавидеть, Людо! Ты мой лучший друг! Мой единственный друг... Только ты да Артур, больше никого. Но пообещай, что впредь не будешь этого делать. Обещаешь?..

– Людовик чуть не утонул?

– А? Что?

– Вы сказали, что ваш брат чуть не утонул.

Не знаю, с чего Тесий решил, что Людо так зовут, но разубедить не стала.

– Я так сказала? Верно, оговорились... Это был сын конюха, а Людо прекрасный пловец.

– Слышал, даже король его отличил. Похоже, ему даётся всё, за что бы ни взялся.

– Это так, – с гордостью подтвердила я. – Мой брат самый лучший!

Про буквы можно не вспоминать.

– Должно быть, таким талантам тесно под курткой оруженосца.

– Не нужно насмехаться, – резко заметила я. – Я не люблю, когда надо мной смеются или над братом. Лучше пойду.

– Простите, не хотел вас обидеть, – остановил Тесий. – Вы много потеряете, если не осмотрите сад. Вы сказали, что не любите воду, но причины для страха нет: дорожки довольно широки, мостки прочные, а я буду рядом.

– Я ничего не боюсь!

Согласилась я в итоге, конечно, не из-за растительных красот, до которых мне дела нет, а потому что нужно исследовать все уголки замка и ещё потому, что ничего не значащие беседы – лучший способ подобраться к значимой информации.

– Правильное решение, – улыбнулся Тесий. – Уверен, вы полюбите наш сад.

Ещё чего не хватало! Но как ни странно, это место и впрямь обладало неким колдовским магнетизмом.

Сад Скальгердов был обустроен на отдельном участке озера и плавно перетекал в лес. Природное и рукотворное так тесно переплелось и так гармонично дополняло друг друга, что подчас невозможно было угадать границу между плодом трудов человека и Праматери. Клумбы, небольшие заводы с торчащими посередине дозорными башенками в миниатюре, беседки, гроты, аллеи – всё было соединено сетью мостков, переходящих в земляные площадки. Некоторые из этих мостков, широкие и устойчивые, внушали доверие, другие напоминали шаткие тропинки над бездной, снабжённые верёвками или цепями вместо перил. Ветви деревьев и кустарников низко нависали, глядя воду. Видневшиеся всюду скульптуры, судя по цвету и состоянию, были поставлены здесь в разное время. Некоторые белели, как полированная кость, другие практически скрылись под наростами мха и плюща, позеленели, покрылись пятнами и видоизменились, переняв черты природы, с которой так тесно соприкасались. За садом ухаживали ровно настолько, чтобы предупредить окончательное возвращение в лоно природы.

От обилия запахов кружилась голова: они мешались и наплетались, как стебли в венке, рождая новые сочетания. Большинству растений, как и тем розам, ещё рано было цвести, вдобавок климат и близость воды совершенно им не подходили, однако здесь им это отчего-то ничуть не мешало.

– Вода в Хидрос имеет неприятный вкус, зато для растений благотворна, – прокомментировал Тесий.

Оставив дуэньку на скамейке, откуда она могла нас обозревать, мы с Тесием продолжили путь вдвоём. Слушая его пояснения, я старалась не думать о плещущейся под ногами влаге. Первое впечатление хаотичности оказалось ошибочным. У сада была тщательно продуманная планировка: территория делилась на зоны, засаженные определёнными видами растений.

– Вот здесь, – секретарь обвёл рукой ровные клумбы, – декоративные цветы. Чуть дальше оранжереи для самых прихотливых сортов. А вдалеке – грядки с кухонными травами. Правее участок с плодовыми деревьями.

– А что вот там, отгороженное?

– Аптекарские травы.

– К ним нет доступа?

– Ими заведует наш замковый лекарь, знающий, в каких дозировках они приносят пользу, а в каких вред.

– Вред – то есть болезнь?

– Именно.

– И даже смерть?

– Вам не нужно о таком думать, – рассмеялся Тесий, не замечая, как моя рука непроизвольно сжалась в кулак. – Говорю же: он прекрасно разбирается в травах и не допустит случайностей.

Как насчёт не случайностей?

Я медленно выдохнула, заставила себя разжать пальцы и вытерла вспотевшую ладонь о подол.

– А им не будет вреда? – Я кивнула на зверька, выбежавшего из кустов и принявшего глотать стебель на запретной территории.

– Животные в этом отношении мудрее людей, – пожал плечами Тесий. – Они самой природой обучены выбирать то, что поможет им излечиться.

Будто в подтверждение, зверёк, закончив со стеблем, сиганул обратно в заросли, унося в зубах остатки.

– Что это за животное? Впервые вижу...

Похож на бобра, но двигается скачками.

– Понятия не имею. Их здесь водится огромное множество, и каждый раз появляется кто-то новый, упомянуть всех невозможно. Часто забредают из леса.

– Сказывается дар королевской семьи? Он их... притягивает? – осторожно спросила я, избегая прямо упоминать Покровителей.

Говорить о них вслух не с членом семьи – все равно что обсуждать местоположение фамильной казны – так же настораживает.

– Должно быть, в какой-то степени, – ответил Тесий и сменил тему. – Расскажите о себе, что у вас за семья?

– Наши с Людо родители умерли, – равнодушно ответила я.

Род Грасье разветвлённый, тут можно не опасаться промаха, главное, не ссылаться на самых известных представителей. А врать всегда лучше поближе к правде...

– О, – смутился секретарь, – мне жаль.

– Ходили слухи, что отца отравили... на пиру, – поймав растерянный взгляд, я безмятежно улыбнулась, – но это, конечно, неправда. Он умер от притока гуморов⁴⁰ после обильной трапезы. Кому может понадобиться убивать художника, правда?

Раздувшиеся в костяшках пальцы скребут по постели, тело выгибается в судорогах, а на почерневших губах пузырится кровь...

– Правда, – эхом отозвался Тесий.

– Мать скончалась в тот же день: не выдержало сердце...

Меч с хрустом вошёл в грудь. Рыцарю пришлось упереться ногой, чтобы выдернуть его...

– ...они жить не могли друг без друга.

– Простите, что затронул эту тему.

– Вы же не знали, – ещё шире улыбнулась я, сама чувствуя неуместность оскала. Улыбки помогают против дрожания губ.

Тесий, конечно, знает нашу историю... её все знают. Акт устрашения и предупреждение остальным: ни древность рода, ни сильный Покровитель, ни столетия верной службы, ни уж тем более закон не спасут от самоуправства и алчности Скальгердов.

Мне даже почудился насмешливо-понимающий огонёк в глазах секретаря. Я чуть не забыла, что речь о Грасье, а потому он не может знать, какие чувства меня сейчас обуревают. Да и самому Тесию в ту пору было не больше, чем мне сейчас, вряд ли он уже тогда служил помощником у Бодуэна. Правда, это ничего не меняет. Теперь ведь он здесь, а значит, на троне Скальгердов. Помогает совершать новые преступления. А в награду, быть может, получает что-то из утвари, прежде украшавшей наш дом...

– Расскажите лучше о себе. Давно вы при... Его Высочестве? – Даже косвенное упоминание Бодуэна далось непросто.

– Три года, начинал писцом. Наш родовой дар в нахождении путей, и отец желал видеть меня военным стратегом, но я предпочёл стратегию мирную – дипломатию.

Он произнёс это даже с гордостью.

– Вы говорите так, словно в этом есть что-то похвальное, – неприязненно заметила я.

– Вы порицаете моё желание выбрать свой путь?

– Я порицаю ваше неповиновение отцу.

Тесий остановился, мне тоже пришлось, хотя на середине мостика было неуютно. Он не заметил моего замешательства, или я его так хорошо скрывала.

– Как же, по-вашему, мне следовало поступить? – спросил он со всей серьёзностью.

– Покориться его воле и исполнить свой долг.

– Даже если это противно моей натуре и склонностям?

– При чём тут ваши склонности? – удивилась я. – Отец смотрит шире и знает, как лучше для рода. Если каждый будет ставить под сомнение его власть и авторитет, семья развалится.

– Вы бы понравились моему отцу, – усмехнулся Тесий. – Но сейчас уже поздно: он отрёкся от меня. Правда, это было до того, как я стал личным секретарём регента.

Он вытянул из-под котты пустой шнурок без талисмана-покровителя. Железная петелька и потёртость на витой коже указывали на то, что когда-то он там висел.

– Простите, – спохватилась я, опустила глаза и пробормотала уже привычным фальшиво-покорным тоном: – Не знаю, почему я всё это сказала. Где-то услышала, вот и повторила.

– Не извиняйтесь, мне интересно ваше мнение, пусть даже оно расходится с моим. – Тесий заправил шнурок обратно. – Вижу, семья для вас не пустой звук, это похвально.

⁴⁰ Считалось, что в теле человека текут четыре основные жидкости (гуморы): кровь, флегма (слизь), жёлтая жёлчь и чёрная жёлчь.

– Да, «семья и сила»... – машинально ответила я и похолодела. Бросила быстрый взгляд на секретаря. Заметил? Но он пребывал в задумчивости и, кажется, не услышал ничего странного или знакомого в моих словах. Я тихонько выдохнула. Впредь надо быть осторожнее...

Мы возобновили путь.

– Вы ведь из-за нездоровья пропустили свадебный пир. Хотите, расскажу, как всё прошло?

– Хочу...

Его рассказ отличался от моих воспоминаний так, словно мы посетили два разных праздника. Тесий обращал внимание на совершенно иные вещи и делал из них другие выводы.

Я старалась незаметно наводить разговор на регента – любая мелочь могла оказаться полезной, – но секретарь ограничивался довольно формальными ответами: то ли сам осторожничал, то ли соблюдал строгий запрет, то ли считал, что другие темы мне больше понравятся. Проявлять настойчивость было опасно.

В итоге я слушала вполуха. В голове наконец созрела идея, как помешать людям Венцелей забрать нас с Людо из замка. Была она чрезвычайно проста и подсказана прогулкой.

Отъезд назначили на завтра. Сегодня вечером будет застолье, а на рассвете рыцари, доставившие нас с леди Йосой сюда, и вдова Хюсман отправятся в обратный путь. Согласно договорённости мы с братом обязаны уехать с ними, сославшись на дурные вести из дома.

– Простите, – перебила я Тесия на полуслове, – мне снова нездоровится. Должно быть, ещё не оправилась с прошлого раза. Я хотела бы вернуться в замок.

– Конечно, – с готовностью отозвался он. – Можем срезать по этой дорожке.

Вскоре я уже шагала к конюшне, надеясь перехватить Людо и поделиться с ним планом.

* * *

Уверенная рука поставила росчерк в конце документа.

– Птичка напела, что сегодня тебя видели в саду с некой девой.

– С вашего позволения, догадываюсь, что за птичка, – хмыкнул Тесий, передавая регенту следующий приказ.

– Сейчас речь не о ней. Так что девушка, хороша? Мне уже пора исключать тебя из списка свободных душ?

Добродушные подтрунивания патрона сегодня странно смущали. Может, потому, что внимательные серые глаза редко улыбались, в отличие от губ. А может, потому, что есть вещи, которыми не хочется делиться ни с кем. Избегая смотреть на принца, Тесий отошёл к окну и выглянул наружу. Сверху и на расстоянии сад казался совсем другим, терял магию... Или дело не в расстоянии?

– Вы и сами её видели.

– Я не о внешности.

Не отвертеться. Тесий вздохнул и отвернулся от окна.

– Есть в ней какая-то... странность.

– Болезненная дева со странностями?

– Я хотел сказать «загадка», – поправился Тесий, возвращаясь на место. – И рассуждает она непривычно для девушки.

– Из кожи вон лезет, чтобы произвести впечатление?

– Напротив, кажется, её это совсем не интересует.

– Разыгрывает равнодушие?

– Не думаю, что разыгрывает.

– Смотрит в рот и превозносит твой ум?

– Часто не соглашается, – спрятал улыбку Тесий.

Регент поднялся со своего места, обошёл стол и, присев на край, хлопнул его по плечу.

– Будь начеку, враг коварен и изобретателен.

– Она не такая! Напротив, словно бежит моего общества...

– Все они бегут, заставляя чувствовать себя охотником, пока не очнёшься в часовне перед клириком, произнося «согласен».

– Уж вам-то не на что жаловаться, – позволил себе сдержанную шпильку Тесий.

Его высочество подмигнул.

– Немного везения и осторожности, мой друг. Берегись, когда начнутся послания.

– Уже, – усмехнулся Тесий, разворачивая перед ним сегодняшнюю записку.

Патрон мазнул строку взглядом.

– Спасибо?

– Это неважно, – вспыхнул Тесий, убирая клочок.

– И то правда, не грамматикой же с ними по ночам заниматься. Так что там с налогом на помол муки?

– Вот отчёт по южным провинциям, – протягивая тубус со свитком, Тесий про себя порадовался возвращению разговора в рабочее русло.

Обычно он был не прочь потолковать с регентом на любые темы, но сегодняшняя прогулка оказалась исключением...

Какое-то время спустя в дверь робко постучали, и заглянула Её Высочество.

– Простите, дядя, я думала, вы один...

Она собралась уходить, но регент знаком пригласил её внутрь:

– Мы уже заканчивали. Ты свободен, Тесий.

Поклонившись сперва ему, потом принцессе, Тесий направился к выходу. Леди Бланка мялась, дожидаясь, пока он уйдёт. Когда дверь аккуратно закрылась, за стеной раздался холодный голос патрона:

– Ну, с чем пожаловала?

И невнятный лепет девушки в ответ.

Регент никогда не бывал груб с племянницей, но и приветлив тоже не был. Смотрел, как на пустое место, и не замечал, пока она сама к нему не обращалась. Тогда отвечал, но без малейшего намёка на теплоту. Леди Бланка трепетала перед родственником. Она трепетала перед всеми. Отсюда мысли Тесия потекли в новом направлении – к той, чей искоса брошенный взгляд обжигал, а подбородок гордо вздёргивался, словно девушка готовилась к битве. Искушенные губы сжимались, удерживая искренний ответ, выхлещивая его приличиями, иссушивая и пропуская через сито воспитания, чтобы на выходе выдать тусклую обезличенную фразу. Но ничего, со временем она привыкнет общаться с ним свободно, поймёт, что он это ценит.

Скорей бы ужин! Однако за ужином Тесия ждало разочарование: она не пришла.

13

Ещё некоторое время по возвращении с перерыва я сидела вместе со всеми в рабочей комнате. Если ко мне обращались, отвечала вяло и то и дело кашляла. А когда пришли пажи, попросилась к себе.

– Простите, Ваше Величество, мне снова неможется.

– Вы пропустите пир?

– Надеюсь, что нет.

Королева внимательно на меня посмотрела. Я приготовилась к расспросам, но она просто кивнула:

– Идите, позже я пошлю кого-нибудь вас проводить.

– Благодарю, не нужно беспокойства, я отлежусь, и станет лучше.

– Должно быть, леди Лорелея подхватила лихорадку на прогулке, – заметила одна из фрейлин под сдержанные смешки остальных. – Сырость и страсть губительны при таком хрупком складе.

– Должно быть, так, – безразлично ответила я.

А на пир я всё-таки пойду, чтоб не вызывать подозрений королевы. Зато на рассвете, когда люди Венцелей рассядутся по коням, а нам с Людо голубь передаст «роковое известие из дома», вынуждающее немедленно вернуться в родовое гнездо, брат объявит, что я слишком больна, вдобавок потрясена несчастьем, поэтому не в состоянии подняться с постели. И он, конечно, не бросит меня здесь одну...

Насильно увезти еле живую деву у всех на глазах рыцари не смогут, задержаться здесь – тоже: королевское гостеприимство имеет границы. Им придётся ехать без нас. Останутся только те, кому поручили наши с Людо головы. Надеюсь лишь, что это будет не свита в полном составе... А там уже решим, как разобраться с ними и недовольством королевы. Главное сейчас – зацепиться при дворе.

Когда в дверь постучали, я бросилась на кровать и натянула одеяло до подбородка:

– Войдите.

Королева не забыла своего обещания и прислала служанку с горячим вином, сдобренным специями, – от озноба.

Оставив кубок, девушка удалилась. Горьковатый пряный запах щекотал ноздри, в животе заурчало, а рот наполнился слюной. Из-за прогулки с Тесием и обсуждения плана с Людо я не успела поесть, а до пира ещё час-другой. Завтрак давным-давно переварился даже в воспоминаниях.

Я выгребла со дна сундука остатки чёрствых гренок, разломала и кинула в кубок. Дождавшись, пока сухари немного размокнут, принялась доставать по кусочку, сперва высасывая жидкость, а потом поедая всё равно жестковатый мякиш.

Наверное, не стоило пить вино на голодный желудок, а может, я и правда подхватила лихорадку, потому что щёки внезапно обдало жаром, и комната поплыла перед глазами. Пришлось опереться о стену. До кровати всего три шага – легче лёгкого... Но тело вдруг смягчилось, и члены разладились. Ноги уводили в сторону, руки бестолково хватались за воздух, а отяжелевшие ресницы тянули книзу. Когда они стали неподъёмными, пол кувыркнулся навстречу, погрузив всё в темноту...

...Тесий заставил меня танцевать с огненными веерами перед Бодуэном, пригрозив в противном случае утопить Артура. Но я не умею! Ему плевать, это мой долг... Я закрывалась ладонью от жара, не зная, как подступиться к раскалённым докрасна железкам. Наконец кое-как ухватила их и закричала от боли. Запахло горелым мясом, как тогда, когда Артур катался по плитам, прижимая ладони к обожжённому лицу. Значит, теперь я тоже изуродо-

вана до конца жизни... Перед глазами всё мельтешило, вспыхивало, вертелось и рассыпалось искрами, а веера рвались из рук лязгающими птицами, приподнимая меня над землёй. Почему я раньше не знала, что умею летать? Наверное, просто не проверяла...

Голова кружилась всё сильнее, хотя я лежала на полу, а потом я вспомнила, что не лежу, а иду, и очутилась перед аркой. Гишпанский мох шипел и извивался связкой змей, норовя ужалить, в саду свирепствовала гроза. Мостки раскачивались, цепи скрипели, а вспышки молний отбликовывали на мокрой траве и лепестках. Я поняла, что Артур где-то там, на одной из этих дорожек, и нужно спешить. Снова сверкнула молния, осветив далеко впереди худого светловолосого юношу.

– Ааартууур! – крикнула я, но рот залепило ветром и дождём.

Он не услышал и скрылся на соседней аллее. Тогда я, сцепив зубы, ступила на шаткий мостик... Доски плясали под ногами, щели ширились, меня встряхивало под злорадные завывания ветра, кожа на ладонях горела и кровоточила от попыток удержать цепь. Отовсюду из темноты за мной наблюдали сотни мерцающих глаз: звери жадно ловили каждое движение, дожидаясь неверного шага, чтобы наброситься и растерзать. Их становилось все больше и больше, а я упрямо шла вперёд, полуослепшая от дождя и страха.

Вода в озере превратилась в вино, забурлила и поднялась, наполовину затопив мостик. Опустив глаза, я обнаружила проплывающих у самой поверхности людей. Там были те, кого я знала и потеряла, включая родителей и кормилицу...

– Пусть все они захлебнутся в крови, – прошипела она со злобно перекошенным лицом и распалась на две части...

А потом я увидела Артура: он лежал лицом вниз в гроте с водой. Сердце наполнилось ледяным крошевом. Опоздала! Я вытащила его на каменный уступ и принялась трясти, растирать неожиданно горячие руки, хлопать по щекам, уговаривая:

– Очнись! Да очнись же!

Но говорила я не своим голосом, а голосом Людо. И тогда я поняла, что меня на самом деле нет: умерла семь лет назад вместе со всеми. И точно, среди проплывающих тел вдруг заметила себя – волосы раскинулись водорослями, губы обмётаны, а в сложенных на груди руках – погасшая свеча.

– Очнись!

Как больно щеке... почему мне больно, если я бесплотный дух?

Ай! И второй тоже... Я пыталась увернуться, но ветка хлестала меня по лицу, а сад ходил ходуном, переворачиваясь с ног на голову.

– Она вас не слышит. Вот, дайте ей.

– Что это?

– Крапивное семя, приведёт в чувство. – И после паузы, раздражённо: – Вы мне или верите, или нет! Зачем бы я стала раскрываться перед вами, если б желала её смерти?

Мне знаком этот голос, но я никак не могу вспомнить, чей он. Внезапно Артур дёрнулся у меня в руках, очнулся, сел и начал запихивать мне в рот водоросли. Фу, нет! Я мычала и пыталась его оттолкнуть, но он держал крепко и надавил на челюсти, вынуждая разжать зубы. Я кашляла, задыхалась и глотала эту мерзость.

Сквозь сад на мгновение прорезалась комната и снова потухла. Вот опять... стены с вытянутыми тенями и пятно масляной лампы. Её тусклый свет до слёз резал глаза. А потом замаячило знакомое лицо – перекошенное от ужаса. Людо... Он быстро прижал меня к себе и облегчённо выдохнул. Я попыталась поднять руку, но она не двигалась, то же самое было со всем телом.

– Людо, значит, я есть?

Но язык вытолкнул клейкую кашу звуков.

Почему я на полу? И кто эта девушка? Она присела рядом, и в нос ударил сладкий цветочный аромат.

– Очнулась? Отлично, теперь поскорее перенесите её на постель.

Людо сделал, как она велела. Девушка же метнулась к двери, приложила ухо и активно замахала рукой.

– Слышу шаги. Это он!

Брат обернулся по сторонам и сдёрнул свечу с подсвечника, обнажив длинный штырь. Острый металлический кончик сверкнул, поймав отблеск лампы.

– Этим?

Йоса... я вспомнила, как её зовут... Сознание возвращалось быстрее, чем способность двигаться.

– Нет, должно выглядеть естественно.

Брат сделал было движение к кувшину для умывания с тяжёлым донышком, но тут шаги остановились совсем близко, и он спрятался возле двери. Королева бесшумно отступила в угол, проглоченная густой тенью.

Я одна осталась лежать на кровати, растерянная и пытающаяся собрать в голове мозаику происходящего. Дверь скрипнула, образовалась небольшая щель, словно кто-то ощупывал взглядом комнату, а потом створка раскрылась шире, впустив Камдена, – того самого рыцаря-весельчака, тискавшего повариху. Сейчас на его лице не было и тени улыбки. Я приподнялась на локтях, по-прежнему не в силах понять, что происходит, и он замер, словно не ожидал застать меня бодрствующей. Но тут же оправился, не глядя захлопнул дверь ногой, подхватил с пола упавшую подушку и двинулся на меня, бормоча, будто уговаривал пугливую лань:

– Тихо-тихо...

Мой взгляд беспомощно метнулся к Людо за его спиной. Камден успел уловить движение глаз, но не повернуться. Брат бросился на него сзади: одной рукой взял шею в захват, а второй крепко надавил на голову. Камден хрипел и сучил ногами, пытался дотянуться до него, перекинуть через себя. Особую ожесточённость схватке придавало полное молчание противников. Лишь рваное дыхание и звук борющихся тел. Людо дёрнул рукой раз, другой, а на третий раздался хруст, и мужчина обмяк: глаза полуоткрыты, волосы облепили взмокший лоб, зубы оскалены.

Брат быстро положил его на пол и повернулся к королеве:

– Ещё кто-то будет?

– Нет, второй всё ещё ждёт завтрашнего дня. Они с Камденом получили приказ заколоть или задушить вас двоих на обратном пути.

Брат вмиг оказался рядом с ней, толкнул к стене и навалился, прижав шею локтем:

– Что ты дала сестре?! Это какой-то медленный яд?

– Отпустите, – королева била его в грудь, пыталась брыкаться. – Я же вам помогла!

– Твоя шея хрустнет звонче, чем его, – прошипел Людо, надавливая сильнее.

Девушка перестала дёргаться, в глазах мелькнул неподдельный ужас.

– Это всего лишь снотворное... вместе с вином... действует, как дурман. Клянусь! – сипло выдавила она и продолжила полупридушенной скороговоркой: – Взяла у вдовы Хюсман... Говорю же... должны были на обратном пути... а ваша сестра что-то задумала... я днём поняла... пришлось импровизировать... У меня нет яда... да и его следы трудно скрыть... а смерть во сне... никого не удивила бы... все знали, что ей дважды было плохо...

Глаз брата я видеть не могла, но его тело прошила судорога, будто он сдерживался из последних сил. На миг я испугалась, что сейчас снова услышу хруст – тогда всё пропало!

– Отпусти её, Людо, – выдохнула я, спуская ноги на пол и сдерживая тошноту. Руки дрожали от слабости, во рту горело. – Я в порядке, а если с ней что-то случится, всё кончено.

Имелась в виду наша с Людо цель, но королева поняла по-своему.

– Послушайте сестру... участь Камдена... мятный пряник в сравнении с казнью... за убийство монарха. Вы будете молить... палачей о смерти.

– Тогда зачем дурман, если хотела помочь?! – прорычал Людо, с размаху врезал кулаком по стене рядом с лицом зажмурившейся королевы и попятился, словно боялся не справиться с искушением. Прошёлся туда-сюда, успокаиваясь.

– Потому что она до последнего думала, выполнять ли распоряжение матери, – произнесла я, глядя ей в глаза. – И передумала уже после того, как отдала Камдену приказ покончить с делом сегодня. Поэтому же у неё не было яда – нас ведь собирались заколоть или задушить, а не отравить.

Королева, белая как полотно, не отвела глаза, как не пыталась отрицать или оправдываться. Она растирала шею, глухо надсадно кашляя, но лицо уже принимало прежнее надменное выражение.

– Я не в ответе за мать, – хрипло произнесла она, отдышавшись. – Но именно благодаря мне вы оба живы, советуя запомнить это.

– А что с тем вторым рыцарем? Значит, он не в курсе изменений в плане?

– Нет, говорю же: он по-прежнему ждёт завтрашнего дня. Я отменю его приказ, скажу, что ситуация изменилась.

– И убьёте его чьими-то третьими руками?

– Нет. Это сделает моя мать. Так что можете не терзаться совестью из-за содеянного, – повернулась она к Людо. – Камдена по возвращении ждала бы такая же участь.

– Даже не думал, – дёрнул плечом брат.

– Почему вы нам помогли? – спросила я, хотя уже и так догадывалась.

– Хочу, чтоб вы с братом остались при дворе.

– С чего вдруг? – прищурился Людо.

– Потому что мне, в отличие от матери, хватает ума не разбрасываться такими ресурсами. Я с самого начала была против её решения и считала, что таланты вашей сестры мне ещё пригодятся, как, возможно, и ваши... – она окинула фигуру Людо быстрым взглядом и коснулась следов на шее. – Хотя в последнем уже сомневаюсь. Как бы то ни было, теперь вы у меня в долгу, но я не собираюсь вас притеснять. Напротив: предлагаю своё покровительство, защиту от матери и уже пригретые вами места при дворе.

– А чего ждёте взамен?

– Верности, беспрекословного послушания и готовности время от времени выполнять... небольшие поручения.

– Какие?

– Ничего, с чем бы вы не справились.

Было понятно, что большего она сейчас не скажет. И что у нас с Людо нет выбора. Без её заступничества мы уязвимы перед Катариной, которая наверняка захочет довершить начатое. Да и остаться при дворе было сейчас нашей главной задачей.

– Ну так что, мы договорились?

Мы с братом обменялись долгим взглядом, и я медленно кивнула.

Вертикальная складка меж монарших бровей разгладилась, в голосе зазвучали привычные высокомерные интонации:

– Разумное решение. Отлично, с этим выяснили. Что до послушания, леди Лорелея, разве я не велела вам запираяться? И вы всегда пьёте непонятно что непонятно от кого?

– Вино передали от вас...

– Если скажут, что крысиный яд от меня, вы тоже выпьете?! Ладно, оставим тему, – отмахнулась она, не дав возможности возразить, и брезгливо пнула неподвижное тело, – лучше решим, как поступим с ним.

Людо опустился на корточки, рассматривая убитого, и кивнул на дверь:

– Проверьте, есть кто-нибудь снаружи?
Королева выглянула и шёпотом бросила через плечо:
– Никого, все чисто. Что вы задумали?
– Пир – дело такое, – пропыхтел Людо, подхватывая Камдена под мышки и волоча к выходу, – ничего не стоит перебраться с выпивкой и сломать шею на лестнице...

* * *

К тому моменту, когда Людо вернулся в комнату, уже один, я почти оправилась. То ли крапивное семя подействовало, то ли последующая встряска, то ли дозировка была не самой убойной. Вероятно, всё вместе.

Людо не спешил подходить. Привалился спиной к двери, скрывая лицо в тени.

– Я бы и тебя придушил, не будь ты и так похожа на мертвеца.

– За что?

– За что?!

Он шагнул вперёд, и я поняла, что ошибочно приняла срывающийся голос за злость. Губы подёргивались, в зрачках полыхали оранжевые отблески лампы, он весь дрожал.

– За то, что чуть не оставила меня одного!! Ты хоть представляешь, что я пережил, увидев тебя на полу... – Он задохнулся. Опустившись на кровать, уткнулся лицом мне в живот и глухо продолжил: – Лежала, губы синие, и я подумал, что... а ты не отзывалась, и... – пальцы смяли одеяло. – Тебе правда лучше? – Он поднял голову.

– Правда. Только звон в ушах, и во рту ощущение, будто съела дохлую кошку. Такой кары за мою глупость достаточно?

Он сгрёб меня так, что стало нечем дышать.

– Не отпущу! Слышишь? В Чертоги за тобой спущусь, но приволоку назад!

– Специи в вине приглушили запах снотворного, – пыталась оправдаться я и тут заметила ранки. Отстранившись, взяла его кисть и поднесла к свету. На костяшках влажно блеснула кровь в окружении содранной до мяса кожи. – Твоя рука!

– Ерунда...

Людо согнул и разогнул пальцы, разглядывая ранки от удара о стену.

– Ничего не ерунда. погоди, я промою.

Он фыркнул, но упираться не стал. Поудобнее устроился на кровати и вытянул ноги. Я встала, и комната резко раздалась в стороны и снова сузилась, выбив воздух из лёгких. Медленный вдох и выдох, чтобы отогнать дурноту. Вот так, не торопиться и двигаться плавнее, чтобы Людо ничего не заметил. Собрав всё нужное, я вернулась к нему.

– Дай руку.

Он протянул и, пока я осторожно обмывала ранки кусочком губки, пристально смотрел на меня.

– Ты чего?

– Ничего...

Мази не было, поэтому я просто оторвала лоскут от ветоши и принялась накладывать повязку.

– Не верю королеве, – заявила я, аккуратно пропуская бинт у него между пальцами. – И мне не нравится, что она считает нас обязанными.

– Мне тоже. – Людо следил за разматывающейся дорожкой. – Но теперь Катарина сюда не дотянется, а заступничество королевы нам на руку.

– А что делать, когда она потребует вернуть долг?

– Тогда и будем думать. Лучше скажи, как прогулка с лордёншем? Узнала что-то полезное?

Я сделала вид, что не заметила прозвища Тесия, и рассказала про аптекарские травы и то, что удалось вывести про его обязанности.

– Я спросил «полезное»!

– Информация – это полезно, – огрызнулась я.

– Ты только зря тратишь на него время.

– Ничего не зря! У него есть доступ практически всюду, поэтому завтра я собираюсь попросить его об одной услуге.

– Какой?

Когда я вкратце изложила мысль, Людо pokrивился:

– Слишком долго. Или мы ждём, пока Скальгерды перемрут от старости?

– Если знаешь быстрый путь, просвети.

Быстрого он не знал. Сегодня Годфрик не явился на учебный бой, чему я втайне поразовалась.

– А Тесий ещё пригодится. Уверена, если действовать не спеша, я вытяну из него массу полезного. Прощаясь, он сказал, что приятно провёл время.

– Осторожнее! – раздражённо вскричал Людо, отдёргивая кисть. Я не ожидала и не успела отпустить пальцы. На бинтах проступили пятна.

– Я старалась осторожно!

– Плохо старалась, – заявил он, пытаясь содрать повязку.

Я перехватила руку, размотала и отбросила лоскут.

– Ты можешь сидеть спокойно? Теперь надо начинать заново!

– А ты можешь помнить, что не дрова колешь?

От ответной волны раздражения я зло со всей силы стиснула его кисть, пока из открывшихся ранок вновь не засочилась кровь. Людо не шелохнулся и не отнял руки, молча глядя на меня. Злость испарилась так же внезапно, как нахлынула.

– Больно? – тихо спросила я, подбирая мизинцем липкую дорожку, протянувшуюся у него между средним и указательным пальцами.

– Больно.

– Подуть?

– Подуй.

Пришлось опять промывать и перебинтовывать руку. Когда закончила, глаза слипались от усталости, но я изо всех сил противилась дреме и держала их широко открытыми. Сны давно не приносили отдохновения, скорее ещё больше выматывали и опустошали. А вдруг вернусь в недавний кошмар?.. Или того хуже, снова буду смотреть в замёрзшие серые озёра и слушать отравленные сладким ядом речи, чтобы поутру вспомнить, что Гостя не существует. Есть только Бодуэн. И выворачивающая наизнанку ненависть, мешающая спокойно жить.

Решив потянуть время, я пересказала Людо свой горячечный бред, всё, вплоть до запаха горелой плоти. Он слушал, глядя перед собой. Когда я дошла до места, где вижу себя плывущей по озеру мертвецов, жестом остановил.

– Это из-за той дури, что она тебе дала.

– Знаю.

Брат надолго замолчал.

– Час в день.

– Что час в день?

– Можешь видаться со слунтяем по часу в день, – процедил он.

Я приподнялась на локте, не веря, уставившись на него. Он разрешил видаться с Артуром? Людо по-прежнему смотрел в одну точку. Когда стало ясно, что он не собирается брать слова назад, захотелось повиснуть у него на шее, а потом вскочить и, восторженно смеясь,

закружиться по комнате. Но я слишком хорошо знала брата: это бы всё испортило, а то и заставило бы его передумать. Поэтому, придав лицу безразличное выражение, я обронила:

– Правда? Ну, хорошо.

И, перевернувшись на другой бок, зажмурилась от радости. Больше мы не произнесли ни слова, и вскоре я сдалась на милость сна, не в силах согнать с губ счастливую улыбку. Ради встреч с Артуром я бы пересмотрела и тысячу таких кошмаров!

* * *

Отголоски сонно-наркотической дряни гуляли по телу до самого утра, накатывая редкими волнами жара и заставляя прижиматься щекой к прохладной простыне. Наверное, поэтому и приснился тот далёкий летний день...

Мне лет семь, а Людо, стало быть, восемь. Мы забрались по деревянной лестнице на второй этаж амбара, откуда открывается вид на двор и пастбища вдалеке. Я отбираю солому, которую собираюсь потом перепрясть в золото, как в сказке кормилицы, а Людо прячется от мэтра Фурье. Он лежит, закинув руки за голову, и лениво жуёт травинку, пока я, напевая, сравниваю и отбраковываю трубочки, ища пожелтее. Воздух дрожит от тягучего зноя, пахнет полевыми травами, сонно жуужжат мухи. Крутя очередную соломинку и решая, достойна ли она стать драгоценной, я снова и снова возвращаюсь мыслями к эпизоду, приключившемуся днём.

Женищины, как обычно, сидели на своей половине, занимаясь рукоделием, и я вместе с ними. Жара подействовала размягчающе: многие сняли головные уборы, подвернули рукава и подоткнули подолы. Хольга, жена сенешаля, скрутила волосы в узел и одной рукой придерживала его на затылке, а второй обмахивала шею. Только мама, казалось, не замечала жары, сидя, как обычно, с очень прямой спиной и полностью сосредоточившись на мелькавшей в пальцах игле, хотя в глухом платье из чёрного бархата с серебристыми нашивками и с тщательно убранными под косынку волосами ей должно было быть жарче остальных. Я же, не выдержав, отбросила все приличия и подтянула подол почти до колен, воображая, что опускаю ступни в искрящиеся божественно прохладные воды ручья.

– Анна-Лорелея. – Холодная молния взгляда.

И я со вздохом оправляю платье.

Тут на лестнице послышались шаги, и в проёме показался отец. Он собрался войти, однако в последний момент передумал и остановился, полускрытый тенью от двери, незаметно наблюдая за матерью. Я хотела её окликнуть, сказать, что он пришёл, но что-то удержало.

Отец смотрел на неё, склонившуюся над шитьём, так, словно никого больше в мире не существовало. В глубине чёрных глаз зажглось что-то незнакомое, а в лице застыло непонятное выражение. Я удивлённо повернулась к ней, пытаюсь понять, что же его так зачаровало. Всё как обычно – красивое строгое лицо, скупые точно выверенные движения... а потом я будто заново её увидела: падавший из-за спины свет ещё сильнее вытягивал тонкий чёрный силуэт, обрамляя его золотистым ореолом и расплёскиваясь солнечными островками по комнате. Белоснежная кожа даже не вспотела, ресницы отбрасывают на скулы мягкие полукруглые тени, а выбившаяся из-под тугой косынки смоланая прядь волнует в десятки раз сильнее, нежели неприкрытые волосы Хольги.

Мать будто почувствовала взгляд отца, пальцы замерли, ресницы дрогнули, и она медленно подняла глаза. Я думала, она сейчас что-то сделает: отложит шитьё, подойдёт, спросит, что ему угодно. Но вместо этого на бледных щеках проступил румянец, а в глубине глаз вспыхнуло то же странное голодное выражение, что и у него. Я вдруг поняла со всей дет-

ской чуткостью, не могущей пока разобраться в слишком сложных взрослых мотивах, но многое подмечающей, что подсмотрела что-то очень личное, то, что детям видеть не положено. А потом одна из женицин заметила отца и громко поздоровалась, разрушив волшебство момента. Мать поспешно опустила глаза, убрала шитьё и, встав, поклонилась вместе с остальными, привычно закрытая и равнодушная.

И вот теперь в амбаре я решила поделиться с Людо тем, что не давало покоя весь день.

– Знаешь, кажется, папа любит маму... а она его, – сказала я как можно небрежнее.

Брат от возмущения аж выплюнул травинку и перекатился на бок. В волосах смешно топорщились соломинки.

– С ума сошла! Наш отец – настоящий мужчина. Он бы не стал отвлекаться на подобную чушь. Любить женицину – это слабость, а наш отец сильный.

– Почему это слабость? – обиделась я. – Вот ты же меня любишь!

– Конечно, люблю, – сказал Людо, перекатываясь обратно на спину. – Но ты же сестра, а не женицина.

Я подумала над его словами, сосредоточенно морщась и дёргая кончик соломинки.

– А когда я стану женичиной, как мама?

Людо тоже подумал и уверенно ответил:

– Тогда тебе можно будет любить меня, а мне тебя нет, потому что когда ты станешь женичиной, я буду мужчиной.

Стало жутко обидно от такой несправедливости, но раз Людо сказал, то так оно и есть – он ведь на целый год старше, а значит, неизмеримо опытнее и мудрее. Внезапно в голову пришла идея, разом решавшая все проблемы, и я повеселела:

– Тогда не буду становиться женичиной, лучше останусь сестрой! – объявила я.

– Правильное решение, – снисходительно одобрил Людо, прикусывая новую травинку.

14

Визг одной из служанок, огласивший замок незадолго до рассвета, сообщил о том, что Камдена обнаружили. Печальная находка собрала вокруг него товарищей и любопытствующих из числа слуг и гостей. Однако подозрений ни у кого не возникло: узкая тёмная лестница и тяжёлый винный дух, исходивший от рыцаря, словно чернила на пергаменте, рассказали, как было дело. Половина участников вчерашнего пира до сих пор не протрезвели. Позже выяснилось ещё про два несчастных случая, правда, без смертей.

Отъезд отложили. Лишь после обеда, когда все полагающиеся молитвы были прочитаны, немногочисленные пожитки почившего собрани, а его тело погружено на телегу в наскоро сколоченном ящике, чтобы отбыть для упокоения на родину, королева лично вынесла капитану отряда кошель для осиротевшей семьи, а заодно записку для своей матери. Не знаю, что было внутри, но, забегаая вперёд, скажу, что леди Катарина нас с Людо больше не беспокоила.

Комнату я покинула только под вечер, когда суета улеглась. Ужин мало отличался от всех предыдущих, разве что мужчины отдали дань памяти Камдену, осушив вдвое больше кубков, затеяв драку и разбив несколько блюд, пока их не разняли. Трёх пришлось отправить к лекарю со сломанными рёбрами и вывихами.

Я перехватила взгляд Тесия, для чего понадобилось всего-то немного выждать, пока он на меня посмотрит, и кивнула. Сразу по окончании трапезы он возник рядом в общем потоке покидающих залу и справился о здоровье. Мы отделились от остальных и двинулись другим путём. После нескольких общих фраз я перешла к делу, сообщив, что столкнулась с затруднением и не знаю, к кому ещё обратиться. Тесий выразил готовность помочь по мере сил, если я поясню проблему.

– Я ищу книги.

– Какие именно книги вам нужны и для чего?

– Для моих рисунков... самые разные: с животными, растениями, а ещё лучше что-нибудь связанное с родовой символикой... гербами, например, или яркими эпизодами из истории.

Мы дошли до скульптуры Праматери в нише. У подножия пылала пенная накипь огарков, крошечными жрецами лобызавших неподвижные стопы. Дрожащие оранжево-розовые отблески превращали мрамор в тёплую человеческую кожу. Казалось, грудь шевелится, тихонько поднимаясь и опускаясь под каменной кисеёй⁴¹. Тесий остановился, снял с клыка волчьей гончей насаженную каким-то шутником охотничью колбаску и зажёл новую свечу от тех, что уже горели.

– Я подумаю, что можно сделать, – сказал он, капнув воск на мраморный ноготь и закрепляя её в ряд с остальными. Вторую протянул мне. – Встретимся здесь завтра в обеденный перерыв, сможете?

– Смогу.

Я наклонилась, чтобы зажечь свечу, но, как ни старалась, ничего не выходило.

– Давайте помогу, – пальцы Тесия легли поверх моих, а ладонь прикрыла фитиль от сквозняка. Я инстинктивно отёрнула руку, едва не выронив свечу, и отступила.

– Больше так не делайте. Я не люблю, когда до меня дотрагиваются.

Он кивнул на свечу у меня в руках.

– Зато получилось. Поставите?

Я опустила глаза на зацветший пламенем фитиль.

⁴¹ Лёгкая прозрачная ткань.

– Лучше вы, – пробормотала я, возвращая ему свечу и стараясь при этом не коснуться руки. – Мне уже пора.

Развернувшись, быстро зашагала прочь.

– Так вы придёте завтра?

На углу я обернулась. Тесий стоял на прежнем месте, огонёк подсвечивал плавный изгиб губ и растекался искристыми узорами по расшитому вороту. Глаза и кудри ярко блестели.

– Да, – сказала я и свернула на лестницу.

* * *

Едва девушка скрылась за поворотом, позади раздался шелест платья, и ноздри вздрогнули от приторного аромата орхидей.

– Лорд Авен, это вы?

– Добрый вечер, леди Жанна, – вздохнул он, поворачиваясь.

Упакованная в алую тафту и с забранными под жемчужную сетку волосами, фрейлина была чудо как хороша.

– Вы узнали мой голос? – хихикнула она.

– Я узнал бы его из тысячи.

Вспыхнув от удовольствия, она опустила глаза и прикусила губу.

– Поможете зажечь? Никогда не получается с первого раза...

– Вот, держите готовую. – Тесий вручил ей свечу и, пока девушка собиралась для ответа, откланялся.

* * *

Вернувшись в комнату, я зажгла лампу и какое-то время сидела неподвижно, глядя в стену, где Артур этим утром оставил нежный ирис – первую пробу кисти. Потом поднесла к свету руки и покрутила. Собственные пальцы, огрубевшие, с обветренной кожей и обкусанными ногтями, показались мне отвратительными.

Я покинула комнату и отыскала служанку.

– Что миледи угодно?

– Подогретого миндального молока... у вас найдётся?

– Конечно, миледи.

– И немного мёда добавьте.

– Слушаюсь, миледи.

* * *

На следующий день Тесий уже ждал меня в условленном месте, вышагивая взад-вперёд. На звук шагов вскинул голову и замер.

– Боялся, что вы не придёте.

– Перерыв только начался...

– Это не мешало мне бояться, – улыбнулся он.

Я опустила глаза на его пустые руки, окинула плотно прилегающий костюм, исключая возможность того, что за пазухой прячется пара-тройка томов.

– Вы ничего не принесли? Не получилось?

– Нет.

Горло стиснуло от разочарования.

- Почему же тогда не предупредили за завтраком?
- Потому что придумал, как всё устроить. Идите за мной.
- Куда?
- Скоро узнаете.

Мы прошли во внутренний двор с колодцем.

- Вы ведёте меня в часовню?

– Не совсем. – Тесий открыл дверь, приглашая меня в помещение с бочарным⁴² сводом, пахнущее кожей, немного красками и ещё какими-то кисловатыми отдушками.

Свет рассеянно лился из расположенных выше человеческого роста окон на правой стене и делил залу на две неравные части – светлую и полутёмную. В первой за слегка наклонённым рабочим столом сидел незнакомый клирик. Одной рукой он прижимал к раскрытой книге узкую металлическую линейку, а второй держал гусиное перо. Кончик упирался в наполовину заполненный лист. Рядом примостились запасные перья, пемзовый брусок для лощения пергамента, мел, а в углублении – чернильный рожок.

Наличие других рабочих столов – ещё одного в том же ряду и трёх в следующем, – указывало на то, что тут одновременно могли трудиться до пяти человек.

Также имелось нечто вроде трибуны, а сразу за ней – перегородка с дверцей, прятавшая ещё одно помещение, трудно сказать, какой величины.

– Это местный скрипторий, – пояснил Тесий, притворяя створку и здороваясь с клириком. – К нам часто приезжают, чтобы снять копии с редких рукописей. Заодно привозят по обмену свои, которых нет у нас. В будущем году Его Высочество собирается подыскать миниатюриста и рубрикатора на постоянную службу. Когда-то давно в часовне случился пожар, перекинувшийся сюда: уснувший на заутрене служка выронил свечу.

Тут дверца в стене ожила, и глазам предстал капеллан, который, оказывается, отвечал не только за часовню. Он взглянул на нас с трибуны, как во время проповеди с высоты амвона, кивнул Тесию, потом мне и снова скрылся за перегородкой. Вернулся почти сразу – видимо, рукописи лежали наготове. И их оказалось не три-четыре, как я думала, а около дюжины. Тесий помог отнести их за свободный стол.

– Вот всё, что смог найти по означенным вами темам. Я старался выбирать те, где побольше миниатюр.

- Я могу взять их с собой?

– Увы, нет. Иначе я бы сразу вам их принёс. Но вы можете сколько угодно просматривать их здесь.

Он открыл наугад верхнюю рукопись в тонком телячьем переплёте, и я обомлела. Круг читанных мною доселе книг ограничивался учебниками мэтра Фурье с замусоленными страницами, молитвенником со строгими колючими строчками и рыцарскими романами королевы, заказанными окольными путями в тайне от матери, а потому лишёнными изображений.

Здесь же картинки словно бы нарочно собрались в одном месте во всей своей затейливости и безудержном буйстве красок, чтобы поразить моё воображение и поскорее восполнить годы, проведённые без возможности их созерцать.

Под данным конкретным переплётом прятался труд про животных с подробнейшими иллюстрациями и описаниями к каждой: где водятся, чем полезны и чего стоит остерегаться, как приманить, каковы повадки. Но изящные каллиграфические буквы меркли безликими муравьями в сравнении с миниатюрами. Я снова и снова гладила страницы, почти ощущая под пальцами нагретую солнцем чешую, взъерошенные перья, жёсткое руно и лоснящийся волос. Бивней, клыков и шипастых хребтов касаться избегала.

⁴² Арочным.

Как заворожённая листала страницу за страницей, пока не вспомнила, где нахожусь. Тесий с улыбкой наблюдал за мной.

– В подборке есть и про растения, и обычаи чужеземных краёв, да вообще много всего. Сами увидите.

Он раскрыл вторую книгу, явно более древнюю, с тремя подшитыми рукописями, две из которых оказались на незнакомом языке.

– Их тут не одна? – удивилась я.

– Раньше часто подшивали несколько книг в одну.

– На схожие темы?

– На какие угодно, – ответил он и принялся вполголоса пояснять: переводил отрывки с листа, устанавливал параллели с другими трудами на схожую тему, описывал способ нанесения краски, припоминал, где и кем была выдвинута или опровергнута та или иная теория.

Он говорил и говорил. При других обстоятельствах было бы даже любопытно послушать.

– А вы много знаете... – заметила я.

Тесий осёкся и выпрямился. Скулы порозовели.

– Если вы так считаете, мне приятно... А сейчас вынужден вас покинуть.

– Вы не останетесь?

– Не могу, но вернусь, как только закончу дела.

С одной стороны, его уход был как нельзя кстати, поскольку теперь не придётся задерживаться на ненужных предметах и скрывать интерес к искомому, с другой – многие рукописи были на инакописи, и переводчик мне бы пригодился.

Памятуя про объединение нескольких трудов под одним переплётом, каждую книгу я открывала в начале, середине и в конце. Лишь две или три были целиком посвящены единственному предмету, остальные включали по несколько трактатов.

Времени на изучение ушло бы немерено. Но я не читала, а пролистывала, ориентируясь по картинкам. Взгляд то и дело задерживался на миниатюрах. Артуру бы понравилось. Даже мне, ничего не смыслящей в рисунках, нравилось.

Внезапно один из разворотов явил стройные ряды щитов, и пальцы закололо. Я жадно пододвинула к себе книгу. Перед глазами проносились фамильные древа, знаки отличия родов и гербы. Вместе с очередной страницей перевернулось и моё сердце. Рассечённое надвое поле: чернь – символ выносливости и стойкости в испытаниях, и серебро – правдивость. Никаких лишних делений или мишуры вроде геральдических фигур. Чем проще герб, тем он древнее, и тем более обширная история за ним стоит. Я опустила глаза на девиз и обвела пальцем полный достоинства шрифт, буква за буквой.

«Семья и сила...»

Я читала и перечитывала три коротких слова, выбитых на стене кабинета под щитом, подряд и по отдельности, меняла их местами, мысленно проговаривала задом наперёд, переставляла буквы и выкидывала каждую вторую, гипнотизируя заполненные золотой краской канавки, – все лишь бы не смотреть ниже, на восседающего в кресле отца.

Но всё равно кожей чувствовала тяжёлый взгляд, от которого спиналась внутренности, а в груди что-то звонко дребезжало. Дробь его пальцев по столу отдавалась режущими толчками в висках.

«Эс», «йэ», «эм», «йа»

«Алис»

«Мья-се-и-ла-ис»

Буквы уже двоились, втрапляясь золотыми всполохами в глаза.

– Сколько тебе лет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.